Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 **ИСТОРИЯ**

№ 6 • Том 65 • 2024 • НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

LOMONOSOV HISTORY JOURNAL

Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Карпов С.П. Причерноморье и Византия в XIII–XV веках: результаты новых изысканий 3

Козлова Н.В., Хитров Д.А. К вопросу о понятиях «город», «городское население», «городская сеть» середины XVIII века в историографии и представлениях современников 24

Матвеев Г.Ф., Ненашева З.С. Кафедра истории южных и западных славян: важнейшие итоги работы и перспективы развития 47

Байбакова Л.В., Белоусов Л.С. Эволюция методологии политической истории США в условиях антропологического поворота 61

Бородкин Л.И. Трехмерное моделирование в задачах компьютерной реконструкции культурного наследия: опыт Московского университета 84

Солопова О.В. Сотрудничество российских и белорусских историков: опыт учебно-научного направления «Белорусоведение, история Беларуси и белорусской диаспоры» исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 105

Казьмина О.Е., Соловей Т.Д. Российская этнология сквозь призму университетской науки 126

Раевская О.В., Миньяр-Белоручева А.П., Ясненко И.П., Княжинская Е.В. Иностранные языки в университетском историческом образовании 151

Канторович А.Р. Кафедра археологии исторического факультета МГУ: традиции и современность 170

Седов Вл.В., Овчаренко К.А. Параллельные тексты в истории древнерусского искусства: три новгородских экфрасиса второй четверти XVI века 203

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2024 г. 234

CONTENTS

Karpov S.P. The Black Sea Region and Byzantium from the Thirteenth through the Fifteenth Centuries: Results of New Research 3

Kozlova N.V., Khitrov D.A. On the Concepts of "Town", "Urban Population", "Urban Network" in the Middle of the Eighteenth Century in Historiography and the Views of Contemporaries. 24

Matveev G.F., Nenasheva Z.S. Department of the History of Southern and Western Slavs: Key Achievements and Development Prospects. 47

Baibakova L.V., Belousov L.S. The Evolution of Methodology in US Political History in the Context of the Anthropological Turn 61

Borodkin L.I. 3D Modeling in the Tasks of Computer-based Reconstruction of Cultural Heritage: the Moscow State University's Experience 84

Solopova O.V. Cooperation between Russian and Belarusian Historians: the Experience of the Academic Programme "Belarusian Studies, History of Belarus and the Belarusian Diaspora" at the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 105

Kazmina O.E., Solovei T.D. Russian Ethnology through the Prism of University Science 126

Raevskaya O.V., Minyar-Beloroucheva A.P., Yasnenko I.P., Knyazhinskaya E.V. Foreign Languages in University History Education 151

Kantorovich A.R. The Department of Archaeology of the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University: Traditions and Modernity. 170

Sedov Vl.V., Ovcharenko K.A. The Parallel Texts in the History of Russian Medieval Art: Three Ekphrases in the Novgorod Chronicles of the Second Quarter of the Sixteenth Century 203

Index of articles and materials published in the journal in 2024 234

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2024

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-6-3-23

С.П. Карпов

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ВИЗАНТИЯ В XIII–XV ВЕКАХ: РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ ИЗЫСКАНИЙ

S.P. Karpov

THE BLACK SEA REGION AND BYZANTIUM FROM THE THIRTEENTH THROUGH THE FIFTEENTH CENTURIES: RESULTS OF NEW RESEARCH

Аннотация. В статье анализируются информационный потенциал новых источников по истории средневекового Причерноморья и Византии XIII–XV вв. и исследования по этой тематике российских ученых последних лет. Среди новых источников — материалы из итальянских архивов и археологические находки, обнаруженные в Крыму и Новороссии. Отмечается значимость документов из архива генуэзского Банка св. Георгия, благодаря которым удалось реконструировать управленческие механизмы в причерноморских факториях, взаимодействие факторий друг с другом, а также коммуникации метрополии и колоний. В архивных документах также содержится информация о вовлеченности в рассматриваемую эпоху русских в торговую деятельность в Каффе, о появлении в Крыму независимого от Золотой Орды ханства и его истории. Опубликованные и архивные генуэзские документы раскрывают различные аспекты контактов Генуи и ордынцев, в том числе в эпоху формирования татарской государ-

Карпов Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии наук, президент и заведующий кафедрой истории средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета

Karpov Sergey Pavlovich, Doctor in History, Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President and Head of the Department of Medieval History at the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Director, Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University

medieval.hist.msu@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1564-2079

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

ственности в Крыму, а также взаимоотношений Каффы и турок. Архивные материалы Венецианской Коллегии позволяют восстановить и уточнить данные о венецианской коммерческой деятельности в Причерноморье, а документы из Венецианского государственного архива проливают свет на этноконфессиональные отношения в Тане. Новые интерпретации археологических эпиграфических источников, относящихся к «Крымской Готии» и найденных на городище, расположенном на Мангупе, делают более обоснованными предположения об устройстве общества феодоритов и об их взаимодействии с латинянами и монголами. Автор обращает внимание на результативность соотнесения археологических сведений о византийских позднесредневековых поселенческих комплексах с данными письменных источников. Благодаря такому соотнесению удалось создать цифровую карту этих комплексов в районе Судака. Важным направлением исследований средневековой истории региона является цифровая реконструкция топографии его известных местностей. Такая работа уже проведена в отношении города Чембало, и воссоздан его генеральный план. Комплексный анализ письменных и археологических источников и соотнесение их данных с исторической картой Крыма будут продолжаться.

***Ключевые слова*:** Византия, Причерноморье, Каффа, генуэзские фактории, княжество Феодоро, Золотая Орда, Крымское ханство, Тана.

Abstract. The article examines the informational potential of new sources on the history of the medieval Black Sea region and Byzantium from the 13th through the 15th centuries, in conjunction with recent research conducted by Russian scholars on this topic. The new sources include materials from Italian archives and archaeological discoveries in Crimea and Novorossiya. The significance of documents from the Genoese Bank of St. George is emphasized, as they have facilitated the reconstruction of administrative mechanisms in the Black Sea colonies, the interaction between these colonies and the communication between the metropolis and its colonies. These archival documents also provide information on the involvement of Russians in trade activities in Caffa, the emergence of an independent Crimean Khanate apart from the Golden Horde, and its history. It is noteworthy that published and archival Genoese documents elucidate various aspects of Genoese and Tatar interactions, including during the formation of Crimean Tatar statehood, as well as relations between Caffa and the Turks. The archival materials from the funds of Colleggio, Archives of Venice, have been instrumental in the restoration and clarification of data on Venetian commercial activity in the Black Sea region, while the documents from the Venice State Archive have elucidated the ethno-confessional relations in Tana. New interpretations of archaeological epigraphic sources related to the "Crimean Gotia" and found at a settlement located at Mangup serve to strengthen assumptions about the social structure of the Feodorites and their interactions with Latins and Mongols. The author emphasizes the efficacy of correlating archaeological data on late medieval Byzantine settlements with written sources. This correlation has facilitated the creation of a digital map of the settlements in the Sudak area. A significant research trajectory within the domain of medieval history in the region pertains to the digital reconstruction of the topography of its prominent localities. This approach has already been implemented in the city of Cembalo, where a comprehen-

sive reconstruction of its master plan has been undertaken. The comprehensive analysis of written and archaeological sources, and the correlation of their data with the historical map of Crimea, will continue.

***Keywords*:** Byzantium, Black Sea Region, Caffa, Genoese Trading Stations, Principality of Theodoro, Golden Horde, Crimean Khanate, Tana.

* * *

История Северного Причерноморья, особенно в аспекте его связей с Русью и Византией, таит еще много неизвестного. И причина тому не только гибель многих русских архивов в ходе ордынского завоевания или трагические для Византии итоги Четвертого крестового похода и взятия Константинополя латинянами (1204), также повлекшие за собой уничтожение архивов империи ромеев, но и вся ситуация наступившего в середине XIV в. общеевропейского кризиса[1]. Между тем большие возможности пролить свет на все политические, экономические, религиозные, культурные события в регионе позволяют материалы итальянских архивов, сохранивших ценнейшие документы существовавших в Причерноморье итальянских торговых факторий или связанных с ними, а также результаты системных археологических исследований, проводимых на территории Крыма и Новороссии. Такие исследования многоаспектны и полидисциплинарны, они практически безбрежны по объему материала и при этом весьма трудоемки по методике изучения сложных в палеографическом и лингвистическом отношении текстов. Поэтому при поддержке грантов РНФ и РФФИ[2] ученые Лаборатории истории Византии и Причерноморья в Средние века Московского университета и их коллеги из Крыма и Севастополя осуществили ряд важных изысканий и смогли по их результатам и благодаря сформированному научному коллективу создать в Севастополе новый междисциплинарный Институт истории и археологии Византии и Причерноморья. О некоторых достигнутых в последнее пятилетие результатах и их значении и пойдет речь в этой статье.

К числу монографических исследований, опубликованных за последние 5–7 лет, относятся труды Р.М. Шукурова о Византии и ази-

[1] См. подробнее: *Карпов С.П.* Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 220–238.

[2] Грант РНФ на реализацию проекта «Причерноморье и Средиземноморский мир в эпоху кризисов и перемен Средневековья» 2022–2026 гг. (соглашение № 22-18-00167 и его продление № 25-18-68019); Мегагрант Правительства РФ на реализацию проекта «Комплексные историко-археологические исследования Византийского Причерноморья и Средиземноморья» 2022–2024 гг. (соглашение № 075-15-2022-1130).

атских странах[3], С.П. Карпова «История Таны», том 1: XIII–XIV вв.[4], сборник его новейших публикаций «От Латинской Романии к империи Газарии»[5] и переиздание с дополнениями комплексной работы «Латинская Романия»[6], Э.Г. Жордания «Византийский Понт и Грузия»[7], А.Г. Цыпкиной «Русские научные экспедиции в Трапезунд (1916, 1917 гг.)»[8].

Главным направлением работы было открытие новых и малоизвестных источников и их исследование. Они публиковались прежде всего в периодическом издании Лаборатории МГУ «Причерноморье в средние века»[9], а также в новом основанном нами журнале "Byzantinotaurica"[10].

Отдельными томами публикаций источников стали следующие труды: критическое издание «Трапезундской хроники» Михаила Панарета XIV в.[11] и перевод на русский язык с комментариями «Повести о сладкой земле Кипр» Леонтия Махеры (XV в.), выполненный С.В. Близнюк[12]. Большой комплекс генуэзских нотариальных источников XIV–XV вв. был издан в содружестве с итальянскими коллегами в 10-м томе уже упоминавшегося сборника «Причерноморье в средние века».

Впервые в мировой историографии был вскрыт пласт источников из архива Банка св. Георгия в Генуе, которые фиксировали управление, назначение и налогообложение высших генуэзских магистратов в факториях Причерноморья. Это так называемые сталии — налоговые документы с указаниями дат и порядка замещения должност-

---

[3] *Шукуров Р.М.* Византия и Азия. Гибель цивилизации. СПб., 2023; *Shukurov R.* Byzantine Ideas of Persia, 650–1461. New York, 2024.

[4] *Карпов С.П.* История Таны (Азова) в XIII–XV вв. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб., 2021.

[5] *Карпов С.П.* От Латинской Романии к империи Газарии. СПб., 2024.

[6] *Карпов С.П.* Латинская Романия. 2-е изд., доп. СПб., 2024.

[7] *Жордания Э.Г.* Византийский Понт и Грузия. Вопросы исторической географии и этнополитики Юго-Восточного Причерноморья в XIII–XV вв. СПб., 2019.

[8] *Цыпкина А.Г.* Русские научные экспедиции в Трапезунд (1916, 1917 гг.). СПб., 2021.

[9] Причерноморье в средние века /Под ред. С.П. Карпова. Т. X: Акты генуэзских нотариев, составленные в Каффе и других городах Причерноморья в XIV–XV вв. / Под ред. С.П. Карпова. Сост. М.Г. Альвара, А. Ассини, Л. Баллетто, Э. Бассо. СПб., 2018; Т. XI. СПб., 2021; Т. XII. СПб., 2024.

[10] Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований /Под ред. С.П. Карпова. Т. 1–3. СПб.; Севастополь, 2023–2025.

[11] *Михаил Панарет*. О Великих Комнинах (Трапезундская хроника) /Перевод под ред. и предисл. С.П. Карпова; подготовка греч. текста А.М. Крюкова; перевод и комм. С.П. Карпова и Р.М. Шукурова. СПб., 2019.

[12] *Близнюк С.В.* Леонтий Махера и его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр». М., 2018.

ных лиц в генуэзских владениях. Результаты исследования позволили уточнить (а зачастую и впервые установить) не только годы, но дни и месяцы замещения должностными лицами своих постов, проследить борьбу за их распределение, проходившую на аукционах, где эти должности сдавались в откуп желающим и компетентным чиновникам, с тем чтобы они, уплатив на аукционе определенную сумму, могли затем получать немалые оклады, которые, в свою очередь, подлежали значительному налогообложению. Изучение этих материалов позволило рассмотреть механизмы управления в факториях, взаимодействие колоний и метрополии, связи факторий между собой, их сравнительное значение в количественной оценке. В изучаемый период фактории Причерноморья сначала косвенно (с 1420-х гг.), а затем и целиком (с 1453 г.) находились под управлением крупнейшего в Европе генуэзского Банка св. Георгия. В итоге была впервые реконструирована хронология администрирования Каффы (Феодосии), Таны (Азова), Солдайи (Судака), Чембало (Балаклавы), Коппы (Темрюк) и Воспоро (Керчи), Трапезунда, Севастополя (Сухуми) и других городов и поселений Причерноморья во второй половине XV в., накануне османских завоеваний. Большинство этих факторий находится ныне на территории нашей Родины, и изучение таких источников восполняет важную страницу ее прошлого, недоступную по другим (несохранившимся) источникам[13].

К числу новых открытий относятся сведения налоговых источников о торговле русских людей в Каффе, их браках с жительницами итальянских поселений и их занятиях работорговлей. В этот период, в середине XV в., почти половина продаваемых в Каффе и Тане рабов была русского происхождения. Были определены объемы товарооборотов и флуктуация экономического положения факторий, так как указанные налоговые показатели были прямо связаны с доходностью, поступлениями, получаемыми казной каждой из факторий.

Исследованные документы архива Банка св. Георгия в Генуе позволили точнее и глубже реконструировать международные отношения в странах бассейна Причерноморья в середине — второй половине XV в. и, в частности, историю выделения из состава распадающейся Золотой Орды Крымского ханства Гиреев.

---

[13] *Карпов С.П., Кравченко И.В.* Хронология правлений консулов Каффы по данным регистров сталий Генуэзского государственного архива (1448–1475 гг.) // Византийский временник. 2023. Т. 107. С. 147–154; *Карпов С.П.* Сталии: налоги на оклады магистратов генуэзских факторий Причерноморья. Анализ малоизвестных архивных источников // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. Т. 1. 2023. С. 92–105; *Он же*. Генуэзские консулы Таны (Азака) по материалам регистров сталий Генуэзского Государственного Архива: хронология правлений (1449–1475) // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12. № 1. С. 39–47.

Важные новые данные получены о смуте в Крымском ханстве в 1458–1459 гг., вовлеченности в нее генуэзской Каффы. Найдены сведения о преподавании в Каффе высококвалифицированных университетских учителей с титулом magister scolarum, один из которых, Альберто Альфьери, был видным гуманистом и писателем. Проведен анализ этнического состава населения факторий. Неожиданной находкой оказались источники о предпринимательской деятельности византийской аристократии в Каффе до и после падения Константинополя. В частности, обнаружены новые данные о значительных инвестициях в коммерческие операции в Причерноморье великого дуки Византии Луки Нотары и его семьи.

Генуэзско-татарские отношения в XIII–XV вв. представляют редкий пример контакта культур Западной Европы и Великой степи, что придает важность их изучению. Особенно интересным представляется изучение возможного влияния генуэзцев на становление крымско-татарской государственности в ходе дезинтеграции Золотой Орды. Для изучения этого вопроса наибольшую ценность представляют генуэзские источники, как опубликованные, так и архивные (документы Оффиции Попечения Романии (Archivio di Stato di Genova. Sala 34, N 590. 1308/3 (1447–1448). К первым относится, например, «Тавро-лигурийский кодекс» — обширный сборник разнообразных документов из Каффы 1454–1475 гг. Исследовались также памятники генуэзско-татарской дипломатии, такие как татаро-генуэзские договоры 1380–1387 гг. и ярлык Хаджи Гирея генуэзцам 1457 г. Их изучение особенно значимо ввиду уникальности этих источников, последний из которых и вовсе попал в поле зрение исторической науки не так давно.

В частности, исследовалось письмо консула Каффы Боруэле Гримальди дожу Генуи Пьетро Кампофрегозо от 31 января 1453 г. Оно является крайне любопытным источником по истории османской экономической экспансии в Северном Причерноморье. По нему можно проследить особенности политики крымского хана Хаджи Гирея в отношении генуэзцев, характер его отношений с правителями Феодоро и османским султаном, а также подробности вытеснения османским купечеством генуэзцев с рабовладельческих рынков восточного побережья Черного моря. Другим изучаемым документом из этого собрания стала инструкция для посланников Каффы Гаспаро де Паладио и Кристиано Катанео, в июне 1459 г. отправленных в Оффицию св. Георгия от горожан Каффы, с просьбой о помощи метрополии в выплате дани Каффы турецкому султану. Документ затрагивает самые различные сферы жизни города, в первую очередь

вопросы выплаты наложенной в 1454 г. турками на город контрибуции. В нем также содержатся сведения о финансовом состоянии Каффы и изменении численности ее населения в годы, последовавшие за падением Константинополя. Большой интерес представляют сведения, касающиеся обороны подчиненных Каффе владений, в частности они позволяют точнее датировать время возведения замка Чобан-Куле в районе современного г. Судака, а также содержат сведения о существовании неподалеку от него неизвестного по имени оборонительного сооружения, принадлежащего княжеству Феодоро. Итогом этой работы стала публикация источника в статье «Крик отчаянья: посольство горожан Каффы в Геную 1459 г.»[14]. Были найдены и проанализированы сведения о конфликте генуэзцев Каффы с субаши Синопа, выступавшего в это время на стороне Трапезундской империи, что дополняет картину трапезундско-генуэзского противостояния в середине XV в.[15]

На основе этих материалов И.В. Кравченко была написана диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Генуэзская республика и формирование Крымского ханства (1419–1475)», подготовленная под научным руководством С.П. Карпова и успешно защищенная 16 декабря 2024 г. на историческом факультете МГУ.

Продолжая работу над вторым томом «Истории Таны», посвященным XV столетию, С.П. Карпов провел комплексный анализ свидетельств венецианской хронистики об ордынских нападениях на Тану в первой половине XV в.[16] Произведено уточнение дат правления золотоордынских ханов в период второй смуты и исправлена атрибуция имен нападавших на Тану ордынских правителей, реконструирована топография оборонительных сооружений Таны и восстановлен ход боевых действий и масштабы людских и материальных потерь противоборствующих сторон.

Начата работа по транскрипции и изучению такого малоизвестного комплекса источников, как документы отдельного фонда Каффы (Filza di Caffa), ранее считавшегося утерянным, из фондов генуэзского Банка св. Георгия, управлявшего факториями с 1453 г.

---

[14] *Карпов С.П., Кравченко И.В.* Крик отчаянья: посольство горожан Каффы в Геную 1459 г. // Византийский временник. 2024. Т. 108. С. 214–228.

[15] *Кравченко И.В.* Крымское ханство в международной жизни восточной Европы в 1440-х — начале 1460-х гг. // Человеческий капитал. 2023. № 3 (171). С. 21–31; *Он же.* Политико-экономическое положение Каффы второй половины 40-х гг. XV в. в отражении неизданных документов Оффиции Попечения Романии // Человеческий капитал. 2023. № 6 (174). С. 30–37.

[16] *Карпов С.П.* От Латинской Романии… С. 173–254.

Со всей наглядностью были продемонстрированы экономические и политические последствия османской экспансии в регионе в XV в., задолго до завоевания факторий, проанализированы сведения о пиратстве, парализующем торговлю, и бедственном положении Каффы в конце 50-х гг. XV в. Выявлена и проанализирована уникальная информация о княжестве Феодоро (Мангупе), строительстве крепостей феодоритов на южном берегу Крыма, об отношениях князей Феодоро с генуэзцами Каффы и Крымским ханством. Эти материалы позволяют сопоставить данные документальных и археологических источников и провести работу по выявлению новых памятников крепостного строительства в Крыму в XV в. Работа по дальнейшему изучению этого ценнейшего фонда источников продолжается.

Транскрибирован и обработан большой фонд архивных документов Венецианской коллегии, содержащих важные сведения о выборах чиновников и магистратов фактории и военно-морского флота[17]. Осуществлена транскрипция значительной части рукописного фонда Венецианских судей по петициям[18]. Работа над изучением этого крупнейшего и важного фонда источников продолжается. Именно он содержит материалы купеческих петиций и судебного делопроизводства по ним, затрагивающие все стороны коммерческой деятельности, политики, личных отношений венецианцев в Причерноморье.

Было продолжено[19] изучение специфики венецианской и генуэзской навигации в бассейне Азовского и Черного морей в XIII–XV вв. и получены новые важные сведения о ритме и особенностях навигации, фрахте судов, товарообороте, сложностях осуществления мореплавания в условиях конфронтации Генуи и Венеции[20].

На основе продолжающегося изучения еще одного комплекса нотариальных актов, скопированных С.П. Карповым в Венециан-

---

[17] Archivio di Stato di Venezia, Colleggio Notatorio, registri 1–9 (1327–1460).

[18] Archivio di Stato di Venezia, Giudici di Petizion, Frammenti antichi, 4–7 (1339–1373); Giudici di Petizion, Sentenze a Interdetti, 8 (1411), 9 (1420–1421); Giudici di Petizion, Sentenze a giustizia, 4–20 (1375–1412), 28–38 (1416–1426); Giudici di Petizion, Estraordinario Nodari, 8–12 (1406–1434).

[19] *Карпов С.П.* Путями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994; *Karpov S. La* Navigazione Veneziana nel Mar Nero XIII–XV sec. Ravenna, 2000.

[20] *Карпов С.П.* Особенности навигации венецианских судов в Тану в первой половине XV века // Byzantinotaurica–IV. Крым и Северное Причерноморье в системе мировых цивилизаций /Под ред. С.П. Карпова, М.В. Грацианского, С.Г. Бочарова. Тезисы докладов международной научной конференции (Севастополь, 14–18 октября 2024 г.). Симферополь, 2024. С. 76–80; *Он же.* О навигации венецианских судов в Тану в первой половине XV века (в печати).

ском государственном архиве[21] и исследованных им и аспиранткой И.Е. Лебедевой, были получены новые данные об этно-конфессиональном взаимодействии в Тане (Азове) разных групп населения, в том числе о роли русского населения, входившего в приход православного храма св. Николая. Это были далеко не только рабы, в изобилии продаваемые в портах Причерноморья (что ожидаемо), но и свободные, достаточно зажиточные ремесленники, купцы, домовладельцы и прочие (что открыто впервые)[22]. Не осталась без внимания и судьба самих венецианцев, перебравшихся в Тану в середине XV в. в поисках быстрого заработка[23]. Исследование нотариальных актов, составленных в Тане (Азове) нотарием Пьетром Пеллаканом (1446–1452 гг.), позволило воссоздать образ венецианского нотария, работавшего в самой дальней фактории венецианцев[24]. Были составлены регесты каждого из расшифрованных актов, что позволяет проследить масштаб и особенности деятельности этого нотария[25].

Еще одним направлением работы было исследование генуэзских приходно-расходных книг (массарий) генуэзской Каффы. В этой работе было выделено несколько аспектов: тотальный просмотр

---

[21] Archivio di Stato di Venezia, Cancelleria Inferior, Notai di Venezia, Busta 148; Notai di Venezia, Testamenti Busta 826.

[22] *Лебедева И.Е.* Этноконфессиональная принадлежность жителей средневекового города на материале актов венецианца Пьетро Пеллакана (Тана, 1446–1452) // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XLIII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Санкт-Петербург, 07–09 ноября 2023 г.). СПб., 2024. С. 554–561.

[23] *Лебедева И.Е.* Судьба переселенцев середины XV века из Венеции в Тану по материалам нотариальных актов Пьетро Пеллакана // Гришаевские чтения. Материалы VII Международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева (Красноярск, 07–08 ноября 2024 г.). Красноярск, 2025. С. 111–114.

[24] *Карпов С.П.* Греки и латиняне в венецианской Тане (середина XIV — середина XV в.) // Карпов С.П. От Латинской Романии… С. 99–109; *Лебедева И.П.* Образ венецианского нотария по материалам актов Пьетро Пеллакана (1446–1456 гг.) // Сборник материалов VII Всероссийской научной конференции с международным участием «Потемкинские чтения» (26–28 октября 2023 г.). Т. 1. Севастополь, 2023. С. 84–86; *Она же.* Категория времени в актах венецианского нотария Пьетро Пеллакана (1446–1456) // Byzantinotaurica–III: Большое Средиземноморье в IV–XVI вв.: тенденции, факторы, влияния, конфликты. Тезисы докладов всероссийской научной конференции (Севастополь, 27–30 ноября 2023 г.). /Отв ред. С.П. Карпов, М.В. Грацианский, С.Г. Бочаров. СПб., 2023. С. 86–88; .

[25] *Лебедева И.Е.* Средневековая Тана накануне падения Константинополя (по материалам нотариальных актов Пьетро Пеллакана, 1446–1452 // Средневековый урбанизм, ренессанс, реформация. Сборник научных статей. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Заслуженного профессора СГУ Соломона Моисеевича Стама. Саратов, 2024. С. 104–109.

массарий Каффы за 1410–1473 гг. с выявлением и анализом материала, относящегося к Тане и ее связям с Каффой, что было сделано С.П. Карповым, и исследование массарий Каффы за 1410–1411, 1420–1421 и 1441–1442 гг. с целью выявления сведений о политических событиях, дипломатических переговорах, военных экспедициях, судебных процессах, выплатах церквям и клирикам. В частности, была выявлена информация о руководителях общин города и его окрестностей. Было обнаружено, что в бухгалтерских книгах массарии Каффы на протяжении 1374–1426 гг. зафиксированы траты на организацию праздников и ритуалов. Ежедневные мессы во дворце консула, традиции празднования Рождества, Богоявления, Пасхи, Пятидесятницы, дня св. Георгия и дня св. Иоанна Крестителя не менялись на протяжении по меньшей мере 70 лет, оставаясь незафиксированными в нормативных документах до 1449 г. Неизменными оставались назначения выплат из казны, а в случае с Комиссией милосердия — даже номинальные суммы. Религиозные ритуалы воспроизводили привычный образ жизни переселенцев, устанавливали распорядок дня и года, определяли взаимное положение светских властей, церкви и городских сообществ[26].

Экономическую активность венецианских купцов в Средиземноморье и Причерноморском регионе рассматривала М.А. Рябова в нескольких исследованиях, выполненных по методу case study и подразумевавших углубленное изучение отдельной торговой фирмы — фратерны (товарищества братьев) Соранцо. В качестве источников служили две неопубликованные бухгалтерские книги из Венецианского государственного архива[27], причем М.А. Рябова обратилась не только к той из них, которая известна под названием libro real nuovo («новая книга большого формата», 1406–1434 гг.), но и к менее изученной libro real vechio (1410–1416 гг.). Эта вторая рукопись часто не получала должного внимания в научной литературе, поскольку ее содержание почти целиком вошло в «новую книгу», однако тщательный текстологический анализ выявил, что в ней сохранились многие уточнения и разъяснения, опущенные при копировании информации в целях краткости.

Сведения, почерпнутые из бухгалтерских регистров, М.А. Рябова использовала для вычисления фундаментальных количественных

[26] *Карпов С.П.* Что и как праздновали в Каффе в XV в. // Латинская Романия… С. 288–297; *Гусельников Т.А.* Религиозные ритуалы латинского сообщества генуэзской Каффы по данным бухгалтерских книг коммуны // Средние века. 2023. Т. 84. № 1. С. 68–82.

[27] Archivio di Stato di Venezia, Miscellanea Gregolin, Busta 14, Libro real nuovo, Libro real vechio.

показателей, позволивших получить объективное представление о масштабах и характере деятельности венецианских купцов Соранцо, соотношении различных ее видов и конечном финансовом результате. В частности, были рассчитаны общий объем средств, вложенных предприятием в торговлю, размер операционной прибыли и средняя норма прибыли, которая составила чуть менее 10 %[28]. М.А. Рябова также рассмотрела вопрос о том, какую роль в функционировании изучаемой торговой фирмы играли, казалось бы, непрофильные операции с различными объектами недвижимости, главным образом городской: купля–продажа, наем и сдача в аренду, а также затраты на их ремонт, поддержание в надлежащем состоянии и благоустройство прилегающей территории[29]. Такая постановка проблемы является новаторской, поскольку эта сторона деятельности венецианских купцов позднего Средневековья зачастую или не получает должного внимания в научной литературе, или интерпретируется в смысле ее противопоставления собственно торговым занятиям.

Кроме того, на материале счетных книг братьев Соранцо М.А. Рябова изучала вопрос о взаимосвязи между эволюцией темпоральных представлений и интенсивным развитием бухгалтерского учета, которое происходило в XIII–XV вв. в Северной и Средней Италии и увенчалось возникновением метода двойной бухгалтерии. В рамках решения этой задачи осуществлялся обзор практик, раскрывающих действие фактора времени в бухгалтерском учете вообще и в счетоводстве средневековой Венеции в частности, а затем детальному анализу был подвергнут порядок фиксации дат хозяйственных событий в записях фратерны Соранцо. В результате М.А. Рябова пришла к выводу, что венецианские купцы первой половины XV в. осознавали ценность времени как экономического ресурса[30]. Разработка проблематики, связанной с темпоральными представлениями людей Средневековья, продолжилась в исследовании, посвященном коммерческому кредиту — форме кредитных отношений, которая возникает при наличии временного промежутка между передачей товара или оказанием услуги и получением платы

[28] *Рябова М.А.* Норма прибыли в венецианской торговле первой половины XV в. // Средние века. 2022. Вып. 83 (4). С. 111–141.

[29] *Рябова М.А.* Недвижимое имущество купцов Соранцо в счетных книгах их фирмы (Венеция, 1406–1434) (в печати).

[30] *Рябова М.А.* Фактор времени в бухгалтерских книгах братьев Соранцо (Венеция, 1406–1434) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 7 (129). — URL: https://history.jes.su/s207987840026930-2-1/ (дата обращения 8.11.2024).

за них. М.А. Рябовой удалось продемонстрировать широкое распространение этой практики в торговых операциях, совершавшихся купцами Соранцо в Венеции, странах Леванта и Причерноморском регионе в 1406–1434 гг.[31]

Особое внимание было сосредоточено на территории Горного Юго-Западного Крыма, где в византийский и поствизантийский периоды существовала достаточно развитая, но малоизученная периферийная этно-конфессиональная общность, известная как «Крымская Готия». Наиболее известным археологическим памятником данной общности является городище на плато Мангуп. В XIII–XV вв. Мангуп был центром государства Феодоро. Именно здесь сосредоточено большое количество эпиграфических памятников, два из которых стали объектом специального исследования П.В. Кузенкова. Первый их них — строительная надпись топотирита Цулабиги, находящаяся in situ на западной стене башни укрепления. П.В. Кузенков предложил прочтение года надписи как 6803 г. (1294/1295 г. н.э.), что опровергает прежнюю датировку памятника А.Ю. Виноградовым — 6503 г. (994/995 г. н.э.) и помещает надпись в хронологический контекст других памятников Мангупа. Особое внимание П.В. Кузенкова также привлек памятник, известный как надпись феодоритов в честь героя из Пойки. Некий выходец из Пойки (имя не сохранилось) удостоился «вечного памятования» за то, что он, собрав жителей селения Варзары, сумел разбить наголову неких всадников, совершивших насилие над местным жителем. Плохое состояние надписи не позволяло ранее сделать выводы о том, кем именно были враги феодоритов. Изучив надпись de visu, удалось прочесть много новых слов и предложить новый вариант прочтения текста данного эпиграфического памятника, который вводит памятник в контекст раннего этапа колонизации Крымского полуострова итальянскими морскими республиками и активного разворачивания здесь католической миссии. Зарождение феодоритской государственности оказывается связанным с подвигом, зафиксированным в мемориальной надписи в честь «героя из Пойки» и ознаменовавшим готовность феодоритов с оружием в руках отстаивать свои права[32].

---

[31] *Рябова М.А.* Применение коммерческого кредита в венецианской торговле первой половины XV в. // Byzantinotaurica–III: Большое Средиземноморье в IV–XVI вв. … С. 129–132.

[32] *Кузенков П.В., Могаричев Ю.М.* Мемориальная надпись феодоритов в честь «героя из Пойки»: к проблеме датировки и интерпретации // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы VIII Международной научной конференции (Севастополь, 3–8 июня 2024 г.). В 2 т. Т. 1. М., 2024. С. 211–214.

Сделан вывод о планомерном развитии политических институтов Горного Юго-Западного Крыма в поствизантийский и ордынский периоды, выделены несколько этапов: 1) к 80-м годам XIII в. формируется политическая общность «жителей крепости Феодоро», обороняющая территорию на началах народного ополчения; 2) в 90-е гг. того же века строительством оборонительных сооружений руководит топотирит; 3) в начале 60-х гг. XIV в. восстанавливаются городские укрепления Феодоро под эгидой «всечестнейшего экатонтарха (сотника)»; 4) к 90-м гг. XIV в. местная власть в лице сотника уже оказывается формально вписанной в структуру ордынского «царства»[33].

Изучение истории Юго-Западного Крыма XIII в. не только подтвердило тезис о том, что этот регион, как и Крым в целом, оказался в данный период в эпицентре напряженного межцивилизационного взаимодействия, но и позволило найти новые и акцентировать малоизвестные источники о контактах Крымской Готии как с монголами, так и с латинянами[34]. Применение современных методов обработки изображений позволило скорректировать прочтение и датировки ряда эпиграфических памятников средневекового Крыма[35].

Исследование деятельности католической Церкви в Крыму проливает свет на вопросы власти, общественной и духовной жизни генуэзского Крыма, а понимание процессов, концептов и языка, свойственного Западной Церкви и городским сообществам, способно объяснить данные источников, происходящих из латинских общин Крыма. В буллах римских пап, связанных с учреждением епархии Херсона и митрополии Воспоро в 1333 г., делается характерное указание на возведение этих городов из статуса locus в статус civitas и metropolis, что противоречило их статусу в иерархии Константинопольского патриархата. Чтобы выяснить, что служило правовым

---

[33] *Кузенков П.В., Могаричев Ю.М.* Эпиграфические памятники Мангупа как источник по истории политических институтов Горного Юго-Западного Крыма в XIII–XIV вв. // Причерноморье в средние века. 2024. Т. XII. С. 141–168; *Кузенков П.В., Могаричев Ю.М.* К вопросу о происхождении правителей Феодоро: по материалам мангупской эпиграфики XIII–XIV вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. 2024. Вып. XXXVI. С. 87–92.

[34] *Кузенков П.В., Могаричев Ю.М.* К вопросу о католических миссиях в Горной Юго-Западной Таврике во второй половине XIII в. // Byzantinotaurica–IV: Крым и Северное Причерноморье в системе мировых цивилизаций… С. 72–75; *Кузенков П.В., Могаричев Ю.М.* Малоизвестный источник о начальном этапе монгольского проникновения в Крымскую Готию // Поволжская археология. 2024. № 4 (50). С. 151–157.

[35] *Кузенков П.В., Могаричев Ю.М.* Эпитафия комитов Аврамия и Космы в «храме с крещальней» (Инкерман, Крым): к вопросу о датировке храма // Проблемы истории, филологии, культуры. 2025. № 1 (87). 213–224.

основанием для создания католической иерархии, привлекались документы Константинопольского патриархата[36].

Была также изучена проблема экономического благосостояния и финансов средневековой католической Церкви на примере миссионерских структур и епархий Крыма XIII–XV вв. Значительный, но не постоянный доход духовенство получало от завещателей и дарителей, которые могли быть мотивированы возможностью получить индульгенции, издаваемые в пользу церквей и монастырей региона. Оценить доходность церковных бенефициев помогают сведения об уплате аннатов — побора, собираемого папством за назначение епископа или настоятеля, и оценка доходности по «книге налогов» (liber taxarum)[37].

Археологические исследования византийских поселенческих комплексов позднего средневековья Юго-Восточного Крыма были тесно связаны с изучением письменных источников. Было установлено, что сельская округа города Сугдея (Судак) формируется еще в византийский период (XI–XIII вв.) и переходит к генуэзцам уже в сложившемся виде. Сельские поселения округи Солдайи/Сугдеи в 1365 г. переходят вместе с городом в состав генуэзских владений на полуострове. Солдайя после ее захвата генуэцами в 1365 г. постоянно оставалась в их руках, но при этом селения ее сельскохозяйственной округи переходили из рук в руки генуэзцев и ордынцев. Окончательно за генуэзцами она была закреплена договорами 27 ноября 1380 г. и 24 февраля 1381 г. и подтверждена договором 12 августа 1387 г. В соответствии с данными письменных источников, сельская округа или территория консульства Солдайского насчитывала 18 селений, а ее территория ограничивалась двумя селениями на востоке и на западе региона. Списки этих селений удалось установить в ходе исследования по текстам двух бухгалтерских книг — массарий Каффы за 1381 и 1386 гг. В ходе археологических разведок 2023 г. предварительно локализованы селения сельской округи Солдайи: Coxii (Козы — Солнечная Долина), Sancti Johannis (Куру-Узень — Солнечногорское), Tarataxii (долина Ай-Ван), Louolli (Ворон), Sille (Шелень — Громовка), Sdaffo (Сотера), Canecha (Канака), Carpati (Арпат — Зеленогорье), Scuto (Ускут — Приветное), Bazalega (Кучук-Узень — Малореченское), Buzult (Туак — Рыбачье), Cara Ihoclac

[36] *Гусельников Т.А.* Оговорка папы, или о соблюдении соборных правил в средневековом Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 6. С. 72–80.

[37] *Гусельников Т.А.* Доходы и благосостояние католического духовенства средневекового Крыма: постановка проблемы // Византийский временник. 2023. Т. 107. С. 114–129.

(Кутлак — Веселое), Diauollo (Копсель), Carlo (Капсихор — Морское), Sancti Erigni (Улу-Узень — Генеральское), Saragaihi (Карагач), Paradixii (Токлук — Богатовка), Cheder (Ай-Серез — Междуречье). В итоге был сделан вывод, что территория сельской округи города охватывала приморскую полосу южного склона восточной части Главной гряды Крымских гор на протяжении 50 км.

На основании полученных в ходе разведочных работ материалов была составлена цифровая карта позднесредневековых византийских поселенческих комплексов Юго-Восточного Крыма в районе города Судак, упомянутых в латинских письменных источниках XIII–XV вв., а также указанных на средневековых компасных картах — портоланах.

Установлено, что на небольшом участке земли в один хронологический период соседствуют три различных градостроительных традиции: византийская, восточная (золотоордынская) и северо-итальянская, генуэзская, и это находит яркое отражение в исторической топографии основных городских центров региона: византийского Херсонеса, золотоордынского Солхата и генуэзской Каффы[38].

Определены наиболее важные средневековые крепости византийского Южнобережья, которые планируется исследовать в будущем. Как показал анализ, на сегодняшний день из более чем 40 средневековых объектов Южного берега Крыма археологами установлена датировка только 11 памятников: Пахкал-Кая — IX/X–XV вв., Кучук-Исар — X–XI вв., Кастрополь — XI–XIII вв., Рускофиль-Кале — XIII в., Исар-Кая — XIII в., Кале-Поти и Ай-Йори — конец XIII–XIV вв., Фуна — XV в., Гелин-Кая и Учансу-Исар — XV в., Луста — VI–XV вв.

С.Г. Бочаровым была выполнена цифровая реконструкция генерального плана города Каффы–Кефе–Феодосии. На основании реконструкции генерального плана установлены границы городской территории, направления роста пригорода и месторасположение ряда важных фортификационных и культовых объектов. Определены размеры городской территории в пределах цитадели (11,3 га) и внешнего оборонительного кольца (70,7 га). Рост застройки был ограничен крепостными сооружениями, размер пригородов к последней четверти XVIII в. составлял 43,3 га и, видимо, прирост городской территории происходил именно за счет освоения пространства за пределами крепостных сооружений. Определено месторасположение 13 греческих церквей. Выявлены все составляющие фортификационного ансамбля города. Все греческие церкви распо-

[38] *Бочаров С.Г.* О градообразовании на Крымском полуострове в XIII–XV вв. // Byzantinotaurica–I: Византия и византийское наследие ... С. 16–19.

ложены тремя компактными группами: в центральной части главной приморской улицы, северо-западном и юго-восточном районах средневековой городской территории. Локализованы 28 церквей и четыре армянских монастыря. Большинство армянских храмов (14) сосредоточены на юго-восточном участке города, семь — на юго-западном участке и два — на северо-западном участке. Остальные церкви и все четыре монастыря расположены за пределами крепостных сооружений. Две синагоги располагались в центральной части юго-западного участка. Для османского периода в истории города локализованы 40 мечетей.

Одной из исследовательских задач является цифровизация данных источников по истории Византии и Причерноморья, составление интерактивных атласов памятников Крыма, работа над составлением которых начата и планомерно ведется[39]. В частности С.Г. Бочаровым была выполнена цифровая реконструкция генерального плана города Чембало (Балаклава). На основании реконструкции генерального плана впервые воссозданы основные базовые элементы исторической топографии города Чембало–Балаклава, расположенного на Крымском побережье, который в период с 1475 по 1774 г. входил в состав Османской империи, а до того был генуэзской факторией в составе Генуэзской Газарии. Выполнена графическая реконструкция генерального плана Чембало–Балаклавы для последней четверти XVIII в., финального этапа жизни этого турецкого города. Воссоздаются все основные базовые элементы исторической топографии позднесредневекового города. Реконструирован план квартальной застройки и сети улиц. Город состоял из трех градообразующих частей: крепости с военной и жилой застройкой, собственно города за пределами крепостных сооружений и неукрепленного предместья. Локализованы четыре городские мечети, три греческих церкви, один армянский храм, баня, пять фонтанов, снабжавших горожан водой, одна гостиница — караван-сарай, рыночная площадь с лавками и кофейнями, торговые ряды, основные кладбища города, черепичный завод и виноградники в северном предместье. Общая площадь городской застройки Чембало–Балаклавы составляла 10,2 га, она включала каменную крепость площадью 3,3 га, основную городскую территорию площадью 5,8 га и северное предместье, занимающее 1,1 га. С.Г. Бочаровым была выполнена также цифровая реконструкция генерального плана города Каламита–Инкерман. На основании реконструкции генерального плана впервые установлены границы городской территории, выявлены направления роста

[39] *Быстрицкий Н.И.* Историческое картографирование византийского Крыма: некоторые соображения // Byzantinotaurica. 2023. Т. 1. С. 232–241.

пригорода и месторасположение ряда важных фортификационных и культовых объектов. Определены размеры городской территории.

Изучение творческого наследия выдающихся византинистов прошлого было в поле внимания А.Г. Цыпкиной. Помимо уже упоминавшейся монографии о русской археологической экспедиции в Трапезунд в 1916–1917 гг., открывшей многие памятники этого города, столицы империи Великих Комнинов, велась работа с архивами русских византинистов и медиевистов. В частности, были исследованы письма М.Я. Сюзюмова к коллегам на предмет трактовок понятия «феодализм»[40], письма известного болландиста И. Делайе к филологу Э. Курцу[41].

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что изучались разные аспекты истории всего Причерноморья с акцентом на выявлении новых материалов и разработку новых научных методик. Были определены и цели будущих исследований. Все они заключаются в комплексном анализе материалов письменных источников с наложением их на историческую карту Крыма, памятники материальной культуры, материалы археологических изысканий. Такие работы не только многоаспектны, но и комплексны по составу участников. Их круг будет расширяться и включать не только ученых МГУ и Севастопольского университета, но и сотрудников академических учреждений и других вузов. Планируется поддерживать и развивать международное научное сотрудничество: ведь доброй и постоянной традицией стало издание трудов наших коллег из-за рубежа в наших периодических изданиях и публикация трудов отечественных ученых за рубежом. Это расширяет горизонты науки, преодолевая все возможные барьеры и препятствия.

References

Bliznyuk S.V. *Leontiy Makhera i ego khronika "Povest' o sladkoy zemle Kipr"* [Leontios Machairas and His Chronicle *The Tale of the Sweet Land of Cyprus*]. Moscow: Academia, 2018. 500 p.

Bocharov S.G. *O gradoobrazovanii na Krymskom poluostrove v XIII–XV vv.* [On Urban Development in the Crimean Peninsula from the 13th through the 15th Century] // *Byzantinotaurica-I: Vizantiya i vizantiyskoye naslediye v Prichernomorye, Sredizemnomorye i Vostochnoy Evrope. Tezisy dokladov vserossiyskoy nauchnoy kon-*

[40] *Цыпкина А.Г.* «У меня много расхождений чуть ли не со всеми» (письма М.Я. Сюзюмова А.И. Неусыхину) // Средние века. 2022. Т. 83. № 4. С. 210–218; *Она же.* М.Я. Сюзюмов о феодализме (по материалам писем в Архиве РАН) // Византия и византийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе. СПб., 2023. С. 96–100.

[41] *Цыпкина А.Г.* «Я буду более спокойным, если смогу себе сказать, что Вы прочли все тексты, которые я собираюсь публиковать». Письма Ипполита Делайе к Эдуарду Курцу // Византийский временник. 2024. Т. 108. С. 398–415.

ferentsii [Byzantium and Byzantine Heritage in the Black Sea Region, Mediterranean, and Eastern Europe. Abstracts of the All-Russian Scientific Conference] (Sevastopol, September 25–28, 2023) /Ed. by S.P. Karpov, M.V. Gratsiansky, S.G. Bocharov. Saint Petersburg: Aleteia, 2023. P. 16–19.

Bystritskiy N.I. *Istoricheskoye kartografirovaniye vizantiyskogo Kryma: nekotoryye soobrazheniya* [Historical Cartography of Byzantine Crimea: Some Considerations] // *Byzantinotaurica. Zhurnal vizantiyskikh i sredizemnomorskikh issledovaniy* [Byzantinotaurica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies]. Vol. 1. Saint Petersburg: Aleteia, 2023. P. 232–241.

Gusel'nikov T.A. *Dokhody i blagosostoyaniye katolicheskogo dukhovenstva srednevekovogo Kryma: postanovka problemy* [Income and Welfare of the Catholic Clergy in Medieval Crimea: Framing the Issue] // *Vizantiyskiy vremennik.* 2023. Vol. 107. P. 114–129.

Gusel'nikov T.A. *Ogovorka papy, ili O soblyudenii sobornykh pravil v srednevekovom Kryme* [The Papal Reservation, or the Observance of Conciliar Rules in Medieval Crimea] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.* Series 4. *Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 2023. Vol. 28. N 6. P. 72–80.

Gusel'nikov T.A. *Religioznyye ritualy latinskogo soobshchestva genuezskoy Caffy po dannym bukhgalterskikh knig kommuny* [Religious Rituals of the Latin Community of Genoese Caffa on Accounting Records of the Commune] // *Sredniye veka.* 2023. Vol. 84. N 1. P. 68–82.

Karpov S.P. *Genuezskiye konsuly Tany (Azaka) po materialam registrov staliy Genuezskogo gosudarstvennogo arkhiva: khronologiya pravleniy (1449–1475)* [Genoese Consuls of Tana (Azak) According to the Tax Registers from the State Archives of Genoa: Chronology of Consulates (1449–1475)] // *Zolotoordynskoye obozreniye.* 2024. Vol. 12. N 1. P. 39–47.

Karpov S.P. *Istoriya Tany (Azova) v XIII–XV vv.* [The History of Tana (Azov) from the 13th through the 15th Century]. Vol. 1. *Tana v XIII–XIV vv.* [Tana in the 13th and 15th Centuries]. Saint Petersburg: Aleteia, 2021. 378 p.

Karpov S.P. *Krizis serediny XIV v.: nedootsenennyy povorot?* [The Crisis of the Mid-14th Century: An Underrated Turn?] // *Vizantiya mezhdu Zapadom i Vostokom. Opyt istoricheskoy kharakteristiki* [Byzantium Between the West and the East. An Attempt at Historical Characterization] /Ed. by Acad. G.G. Litavrin. Saint Petersburg: Aleteia, 1999. P. 220–238.

Karpov S.P. *Latinskaya Romaniya* [Latin Romania]. 2nd ed., revised. Saint Petersburg: Aleteia, 2024. 322 p.

Karpov S. La Navigazione Veneziana nel Mar Nero XIII–XV sec. Ravenna: Girasole, 2000. 202 p.

Karpov S.P. *Osobennosti navigatsii venetsianskikh sudov v Tanu v pervoy polovine XV veka* [Features of Venetian Ship Navigation in Tana in the First Half of the 15th Century] // *Byzantinotaurica-IV: Krym i Severnoe Prichernomorye v sisteme mirovykh tsivilizatsiy. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Byzantinotaurica-IV: Crimea and the Northern Black Sea Region in the System of World Civilizations. Abstracts of the International Scientific Conference] (Sevastopol, October 14–18, 2024) /Ed. by S.P. Karpov, M.V. Gratsiansky, S.G. Bocharov. Simferopol: Orianda, 2024. P. 76–80.

Karpov S.P. *Ot Latinskoy Romanii k imperii Gazarii* [From Latin Romania to the Empire of Gazaria]. Saint Petersburg: Aleteia, 2024. 318 p.

Karpov S.P. *Putiami srednevekovykh morekhodov. Chernomorskaya navigatsiya Venetsianskoy respubliki v XIII–XV vv.* [By the Ways of Medieval Mariners. Black Sea

Navigation of the Venetian Republic from the 13th through the 15th Century]. Moscow: Nauka, 1994. 155 p.

Karpov S.P. *Stalii: nalogi na oklady magistratov genuezskikh faktoriy Prichernomorya. Analiz maloizvestnykh arkhivnykh istochnikov* [Stalia as Taxes on the Salaries of Magistrates of the Genoese Trading Stations in the Black Sea Region. Analysis of Little-Known Archival Sources] // *Byzantinotaurica. Zhurnal vizantiyskikh i sredizemnomorskikh issledovaniy*. Vol. 1. Saint Petersburg: Aleteia, 2023. P. 92–105.

Karpov S.P., Kravchenko I.V. *Khronologiya pravleniy konsulov Caffy po dannym registrov staliy Genuezskogo gosudarstvennogo arkhiva (1448–1475 gg.)* [Chronology of the Consulates in Caffa Based on the Data from the Tax Registers of the Genoese State Archive (1448–1475)] // *Vizantiyskiy vremennik.* 2023. Vol. 107. P. 147–154.

Karpov S.P., Kravchenko I.V. *Krik otchayaniya: posol'stvo gorozhan Caffy v Genuyu 1459 g.* [A Cry of Despair: The Citizens of Caffa's Embassy to Genoa in 1459] // *Vizantiyskiy vremennik.* 2024. Vol. 108. P. 214–228.

Kravchenko I.V. *Krymskoye khanstvo v mezhdunarodnoy zhizni Vostochnoy Yevropy v 1440-kh — nachale 1460-kh gg.* [The Crimean Khanate in the International Life of Eastern Europe in the 1440s — Early 1460s] // *Chelovecheskiy kapital*. 2023. N 3 (171). P. 21–31.

Kravchenko I.V. *Politiko-ekonomicheskoye polozheniye Caffy vtoroy poloviny 40-kh gg. XV v. v otrazhenii neizdannykh dokumentov Offitsii Popecheniya Romanii* [Political and Economic Situation of Caffa in the Second Half of the 1440s in the Reflection of Unpublished Documents from the *Officium Provisionis Romaniae*] // *Chelovecheskiy kapital.* 2023. N 6 (174). P. 30–37.

Kuzenkov P.V., Mogarichev Yu.M. *Epigraficheskie pamyatniki Mangupa kak istochnik po istorii politicheskikh institutov Gornogo Yugo-Zapadnogo Kryma v XIII–XIV vv.* [Epigraphic Monuments of Mangup as a Source for the History of Political Institutions in the Mountainous Southwest Crimea in the 13th and 14th Centuries] // *Prichernomorye v srednie veka* [The Black Sea Region in the Middle Ages]. Vol. XII. Saint Petersburg: Aleteia, 2024. P. 141–168.

Kuzenkov P.V., Mogarichev Yu.M. *Epitafiya komitov Avramiya i Kosmy v "khrame s kreshchal'ney" (Inkerman, Krym): k voprosu o datirovke khrama* [The Epitaph of Comites Abraham and Cosmas in the "Temple with the Baptistery" (Inkerman, Crimea): On the Temple's Dating] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury.* 2025. N 1 (87). P. 213–224.

Kuzenkov P.V., Mogarichev Yu.M. *K voprosu o katolicheskikh missiyakh v Gornoy Yugo-Zapadnoy Tavrike vo vtoroy polovine XIII v.* [On the Catholic Missions in the Mountainous Southwest Tavrika in the Second Half of the 13th Century] // *Byzantinotaurica-IV: Krym i Severnoe Prichernomorye v sisteme mirovykh tsivilizatsiy. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Byzantinotaurica-IV: Crimea and the Northern Black Sea Region in the System of World Civilizations. Abstracts of the International Scientific Conference] (Sevastopol, October 14–18, 2024) /Ed. by S.P. Karpov, M.V. Gratsiansky, S.G. Bocharov. Simferopol: Orianda, 2024. P. 72–75.

Kuzenkov P.V., Mogarichev Yu.M. *K voprosu o proiskhozhdenii praviteley Feodoro: po materialam mangupskoy epigrafiki XIII–XIV vv.* [On the Origins of the Rulers of Theodoro: Based on Materials from Mangup Epigraphy of the 13th and 14th Centuries] // *Vostochnaya Yevropa v drevnosti i srednevekov'ye. Chteniya pamyati chlen-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'yevicha Pashuto* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Readings in Memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Vladimir Terent'yevich Pashuto]. Issue XXXVI /Ed. by E.A. Melnikova. Moscow: IVI RAN, 2024. P. 87–92.

Kuzenkov P.V., Mogarichev Yu.M. *Maloizvestnyy istochnik o nachal'nom etape mongol'skogo proniknoveniya v Krymskuyu Gotiyu* [A Little-Known Source on the Early Stage of Mongol Incursion into Crimean Gotia] // *Povolzhskaya arkheologiya.* 2024. N 4 (50). P. 151–157.

Kuzenkov P.V., Mogarichev Yu.M. *Memorial'naya nadpis' feodoritov v chest' "geroya iz Poyki": k probleme datirovki i interpretatsii* [A Memorial Inscription by the Feodorites in Honor of the "Hero from Ποήκα": On the Issue of Dating and Interpretation] // *Istoricheskiye, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka. Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Historical, Cultural, Inter-National, Religious, and Political Connections of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East. The *Acta* of the 8th International Scientific Conference] (Sevastopol, June 3–8, 2024). Vol. 1. Moscow: IVI RAN, 2024. P. 211–214.

Lebedeva I.E. *Etnokonfessional'naya prinadlezhnost' zhiteley srednevekovogo goroda na materiale aktov venetsiantsa Pietro Pellakana (Tana, 1446–1452)* [Ethno-Confessional Affiliation of Inhabitants of Medieval Town Based on the Acts of Venetian Pietro Pellacano (Tana, 1446–1452)] // *Problemy istorii i kul'tury srednevekovogo obshchestva. Materialy XLIII vserossiyskoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [Problems of the History and Culture of Medieval Society. Materials of the 43d All-Russian Scientific Conference of Students, Postgraduates, and Young Scholars] (Saint Petersburg, November 7–9, 2023). Saint Petersburg: Skifiya-print, 2024. P. 554–561.

Lebedeva I.E. *Kategoriya vremeni v aktakh venetsianskogo notariya Pietro Pellacana (1446–1456)* [The Category of Time in the Acts of Venetian Notary Pietro Pellacano (1446–1456)] // *Byzantinotaurica-III: Bol'shoye Sredizemnomorye v IV–XVI vv. Tendentsii, faktory, vliyaniya, konflikty. Tezisy dokladov vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Byzantinotaurica-III: The Great Mediterranean from the 4th through the 16th Century. Trends, Factors, Influences, Conflicts. Abstracts of the All-Russian Scientific Conference] (Sevastopol, November 27–30, 2023) /Ed. by S.P. Karpov, M.V. Gratsiansky, S.G. Bocharov. Saint Petersburg: Aleteia, 2023. P. 86–88.

Lebedeva I.E. *Obraz venetsianskogo notariya po materialam aktov Pietro Pellacana (1446–1456 gg.)* [The Image of the Venetian Notary Based on the Acts of Pietro Pellacano (1446–1456)] // *Sbornik materialov VII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Potemkinskie chteniya"* [Proceedings of the 7th All-Russian Scientific Conference with International Participation "Potemkin Readings"] (Sevastopol, October 26–28, 2023). In 2 vols. Vol. 1. Sevastopol: Sevastopol State University, 2023. P. 84–86.

Lebedeva I.E. *Srednevekovaya Tana nakanune padeniya Konstantinopolya (po materialam notarial'nykh aktov Pietro Pellacana, 1446–1452)* [Medieval Tana on the Eve of the Fall of Constantinople (Based on the Notarial Acts of Pietro Pellacano, 1446–1452)] // *Srednevekovyy urbanizm, Renessans, Reformatsiya. Sbornik nauchnykh statey. Materialy Vserossijskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya Zasluzhennogo professora SGU Solomona Moiseevicha Stama* [Medieval Urbanism, Renaissance, Reformation. Collection of Scientific Articles. The *Acta* of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 110th Anniversary of the Birth of Professor Solomon Moiseevich Stam]. Saratov: Saratovskij istochnik, 2024. P. 104–109.

Lebedeva I.E. *Sud'ba pereselentsev serediny XV veka iz Venetsii v Tanu po materialam notarial'nykh aktov Pietro Pellacana* [The Fate of Mid-15th-Century Immigrants from Venice to Tana Based on the Notarial Acts of Pietro Pellacano] // *Grishaevskie chteniya. Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy*

pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora V.V. Grishaeva [Grishaev Readings. The *Acta* of the 7th International Scientific Conference Dedicated to the Memory of Doctor of Historical Sciences, Professor V.V. Grishaev] (Krasnoyarsk, November 7–8, 2024). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agricultural University, 2025. P. 111–114.

Ryabova M.A. *Faktor vremeni v bukhgalterskikh knigakh brat'yev Sorantso (Venezia, 1406–1434)* [The Factor of Time in the Accounting Books of the Soranzo Brothers (Venice, 1406–1434)] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 2023. Vol. 14. N 7 (129). — URL: https://history.jes.su/s207987840026930-2-1/

Ryabova M.A. *Norma pribyli v venetsianskoy torgovle pervoy poloviny XV v.* [The Profit Norm in Venetian Trade of the First Half of the 15th Century] // *Srednie veka.* 2022. Vol. 83. N 4. P. 111–141.

Ryabova M.A. *Primenenie kommercheskogo kredita v venetsianskoy torgovle pervoy poloviny XV v.* [The Use of Commercial Credit in Venetian Trade in the First Half of the 15th Century] // *Byzantinotaurica-III: Bol'shoye Sredizemnomorye v IV–XVI vv. Tendentsii, faktory, vliyaniya, konflikty. Tezisy dokladov vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Byzantinotaurica-III: The Greater Mediterranean from the 4th through the 16th Century. Trends, Factors, Influences, Conflicts. Abstracts of the All-Russian Scientific Conference] (Sevastopol, November 27–30, 2023) /Ed. by S.P. Karpov, M.V. Gratsiansky, S.G. Bocharov. Saint Petersburg: Aleteia, 2023. P. 129–132.

Shukurov R. Byzantine Ideas of Persia, 650–1461. New York: Routledge, 2024. 288 p.

Shukurov R.M. *Vizantiya i Aziya. Gibel' tsivilizatsii* [Byzantium and Asia. The Fall of Civilization]. Saint Petersburg: Nauka, 2023. 375 p.

Tsypkina A.G. *M.Ya. Syuzyumov o feodalizme (po materialam pisem v Arkhive RAN)* [M.Ya. Syuzyumov on Feudalism (Based on the Letters in the RAN Archive)] // *Byzantinotaurica-I: Vizantiya i vizantiyskoye naslediye v Prichernomorye, Sredizemnomorye i Vostochnoy Evrope. Tezisy dokladov vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Byzantium and Byzantine Heritage in the Black Sea Region, Mediterranean, and Eastern Europe. Abstracts of the All-Russian Scientific Conference] (Sevastopol, September 25–28, 2023) /Ed. by S.P. Karpov, M.V. Gratsiansky, S.G. Bocharov. Saint Petersburg: Aleteia, 2023. P. 96–100.

Tsypkina A.G. *Russkiye nauchnyye ekspeditsii v Trapezund (1916, 1917 gg.)* [Russian Scientific Expeditions to Trebizond (1916, 1917)]. Saint Petersburg: Aleteia, 2021. 264 p.

Tsypkina A.G. *"U menya mnogo raskhozhdeniy chut' li ne so vsemi" (pis'ma M.Ya. Syuzyumova A.I. Neusykhinu)* ["I Have Many Disagreements, Almost with Everyone" (M.Ya. Syuzyumov's Letters to A.I. Neusykhin)] // *Sredniye veka.* 2022. Vol. 83. N 4. P. 210–218.

Tsypkina A.G. *"Ya budu boleye spokoynym, esli smogu sebe skazat', chto Vy prochli vse teksty, kotorye ya sobirayus' publikovat'". Pis'ma Ippolita Delaye k Eduardu Kurtsu* ["I Will Be More Calm if I Can Tell Myself That You Read All the Texts I Plan to Publish". Hippolyte Delehaye's Letters to Eduard Kurtz] // *Vizantiyskiy vremennik.* 2024. Vol. 108. P. 398–415.

Zhordaniya E.G. *Vizantiyskiy Pont i Gruziya. Voprosy istoricheskoy geografii i etnopolitiki Yugo-Vostochnogo Prichernomorya v XIII–XV vv.* [Byzantine Pontus and Georgia. Issues of Historical Geography and Ethnopolitics of the Southeastern Black Sea Region from the 13th through the 15th Century]. Saint Petersburg: Aleteia, 2019. 269 p.

Поступила в редакцию
27 ноября 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-6-24-46

Н.В. Козлова, Д.А.Хитров

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ «ГОРОД», «ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ», «ГОРОДСКАЯ СЕТЬ» СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА В ИСТОРИОГРАФИИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

N.V. Kozlova, D.A. Khitrov

ON THE CONCEPTS OF "TOWN", "URBAN POPULATION", "URBAN NETWORK" IN THE MIDDLE OF THE EIGHTEENTH CENTURY IN HISTORIOGRAPHY AND THE VIEWS OF CONTEMPORARIES

Аннотация. К характеристике понятия «город», к раскрытию его содержания и определению сути историки обращались на разных этапах развития исторической науки. В отечественной историографии второй половины XIX — начала XX в. обозначились два основных подхода к определению города. Представители одного из них (А.П. Пригара, И.И. Дитя-

Козлова Наталия Вадимовна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kozlova Natalia Vadimovna, Doctor in History, Professor, Head, Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

kozlova.n.v.i@gmail.com

ORCID 0000-0002-4607-4668

Хитров Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Khitrov Dmitry Alekseevich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

feodal.msu@gmail.com

ORCID 0000-0002-4540-942X

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

тин, А.А. Кизеветтер) к городам относили все поселения, названные так в источниках. В противовес этому взгляду возникло определение города как социально-экономической категории, как центра ремесла и торговли (Н.А. Рожков). Оно надолго закрепилось в отечественной историографии и уже в советское время было дополнено положением о посадской общине как необходимой социальной структуре города (Я.Е. Водарский). В советской историографии активно обсуждался вопрос о том, на основании каких критериев можно отнести то или иное поселение к числу городов. Ответ на этот вопрос имел не только теоретическое, но и прикладное значение — для подсчета числа городских поселений, определения численности городского населения и развитости городской сети. Сейчас специалисты склонны исходить из того, что городами следует называть те поселения, которые именовали так современники. Но по-прежнему открытым остается вопрос, какие смыслы они вкладывали в это понятие и в каком контексте оно употреблялось. В источниках изучаемого времени слово «город» употребляется в нескольких разных значениях: центр воеводской власти, центр уезда, место проживания посадской общины. Большое значение имела и традиция, связанная прежде всего с военными функциями поселения, с крепостью. В большинстве случаев центр уезда, административный центр и место проживания посадской общины совпадали, что позволяло современникам смотреть на городскую сеть как на внутренне единое целое. Между тем имелось большое количество поселений, именование которых городами было неустойчивым, зависело от контекста, что говорит о незавершенности процесса формирования городской сети государства.

***Ключевые слова*:** история городов, понятие «город», историческая география, воеводское управление, посадские общины, история административно-территориального деления.

Abstract. The concept of "town", its content, and the definition of its essence have been addressed by historians at various stages in the development of historical science. In the Russian historiography of the second half of the 19th and early 20th centuries, two main approaches to the definition of a town emerged. Representatives of one of these approaches (A.P. Prigara, I.I. Dityatin, A.A. Kiesewetter) considered all settlements called towns in the sources as towns. Conversely, an alternative conceptualization of the town emerged, centering on its role as a socio-economic category and a nexus of craft and trade (N.A. Rozhkov). This definition has become firmly established in Russian historiography and, during the Soviet period, was supplemented with the notion of the *posad* community as an essential social structure of the town (Ya.E. Vodarsky). In the context of Soviet historiography, there was a lively discourse surrounding the question of what criteria could be utilized to categorize a settlement as a town. The response to this enquiry possessed both theoretical and practical ramifications, including the enumeration of urban settlements, the calculation of the urban population, and the comprehension of urban network development. In contemporary academic discourse, specialists tend to consider settlements that were previously referred to as towns as such. Nevertheless, the question of the contemporary meanings attributed to the term, and the contexts in which it was used, remains unresolved. The term "town" is utilized in a variety of ways in the sources from the period

under scrutiny. It is employed to denote a center of *voivode* authority, a center of a district, or a location where the *posad* community resided. A significant role was also played by the tradition related primarily to the military functions of settlements and fortifications. In the majority of cases, the center of a district, the administrative center, and the location of the *posad* community coincided, enabling contemporaries to perceive the urban network as a cohesive entity. Concurrently, numerous settlements exhibited an unstable and context-dependent designation of "town" suggesting that the formation of the state's urban network was unfinished.

Keywords: history of towns, concept of "town", historical geography, *voivode* governance, *posad* communities, history of administrative-territorial division.

* * *

Среди разнообразных проблем изучения истории России периода Средневековья и раннего Нового времени есть проблемы, исследовательский интерес к которым никогда не затухал, несмотря на все «повороты» и изменения методологического и методического характера, происходившие в исторической науке. К числу таких «вечных» проблем относится история русского города, активно разрабатываемая на всех этапах развития исторической науки[1]. Такое внимание к городской тематике объясняется значимостью роли города в функционировании всей общественной системы. Для современной историографии характерен взгляд на общество как на целостный организм, в котором все элементы взаимодействуют в сложной системе связей. В любой системе есть некие опоры, несущие конструкции, обеспечивающие возможность ее функционирования. Одним из таких структурообразующих компонентов, выполняющих важную интегрирующую роль в обществе, выступает город. К тому же город является идеальным объектом междисциплинарного исследования, лежит в фокусе внимания не только собственно исторической науки, но и демографии, социологии, экономики, права, исторической географии, топографии, топонимики, градостроения, а также всего спектра изобразительных искусств.

История русского города, занимавшая важное место в общеисторической концепции таких выдающихся историков середины XIX — начала XX в., преподававших в Московском университете, как С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, в конкретно-историческом аспекте разрабатывалась в трудах А.А. Кизеветтера,

[1] Изучение отечественной истории эпохи средневековья и раннего Нового времени в трудах профессоров, преподавателей и научных сотрудников исторического факультета Московского университета со времени его основания в 1755 г. до 2004 г. представлена в юбилейном издании: Историческая наука в Московском университета, 1755–2004. М., 2004. С. 34–87.

М.М. Богословского, Ю.В. Готье, Н.А. Рожкова. В советский период городская проблематика получила развитие в исследованиях С.В. Бахрушина, К.В. Базилевича, М.Н. Тихомирова, Б.А. Рыбакова, Б.Б. Кафенгауза, А.М. Сахарова, А.В. Муравьева. Большой вклад в изучение русского города и купечества внесла Н.Б. Голикова, а в рамках ее научной школы городская тематика стала ведущей в исследованиях Н.В. Козловой и В.А. Ковригиной.

В литературе давно дискутируется вопрос о том, какие поселения в России в XVII–XVIII вв. считать городами и в какой мере официальная терминология источников может быть использована при подсчете количества городов, определении численности и состава городского населения. Сложность состоит в том, что город на разных этапах своего развития обозначался различными терминами, отражающими функциональные особенности конкретного поселения и стадию процесса городообразования. В то же время слова «град», «город» сохраняли многозначный смысл для современников[2]. Причем это было характерно и для летописцев древней Руси, и для властной и общественной среды России вплоть до областной реформы 1775 г. Более или менее точные сведения о численности городских поселений появились в середине XIX в. В предшествующее же столетие в различных списках официального характера, помимо собственно городов и посадов, могли учитываться крепости, остроги, казачьи городки и другие укрепленные поселения, не только постоянные, но и временные, «местечки», имевшие административное значение.

Одни историки, стремясь сохранить историческую перспективу и понять, какие поселения в ту или иную эпоху относились к городам, объектом изучения делают поселения, названные городами в источниках. Такой подход восходит еще к историкам государственной школы русской историографии, для которой официальное признание явления имело решающее значение, и соответственно городом, по их мнению, следовало считать поселение, имевшее городской статус (А. П. Пригара, И.И. Дитятин, А.А. Кизеветтер). А.Д. Градовский обратил внимание на то, что воеводство обычно связывается в документах XVI–XVII вв. с понятием «город», а не с понятием «уезд», однако счел, что речь идет о простой взаимозаменяемости терминов: «Уезд получал название города, к которому он был приписан. Поэтому слово “город” стало употребляться в переносном

[2] См.: *Сахаров А.М.* О термине «город» в источниках XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975; *Карлов В.В.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город (проблемы городообразования). Вып. 3. М., 1980. С. 70.

значении, обозначая и центр администрации, и округ, приписанный к этому центру. Например, акты XVII в., говоря о назначении воевод, называют просто город, в который они были назначены»[3]. Стоит особо отметить тонкое наблюдение ученого, что иногда «уезд» противопоставляется собственному центру, и это слово означает «совокупность земель, приписанных к городу, в противоположность самому городу»[4].

В работах ученых XIX — начала XX в., занимавшихся историей местного управления, мы можем увидеть тенденцию к тому, чтобы рассматривать город прежде всего как административный центр (место проживания воеводы и расположения его канцелярии) и как центр уезда; эти две разные функции обычно не разделяются. Так, Ю.В. Готье фактически приравнивал появление нового воеводства к формированию уезда, причем именно появление воеводы, по его мнению, окончательно оформляло приобретение поселением городского статуса, превращало «пригород» в «город». В частности, говоря о развитии городской сети Костромского края, он утверждает, что «к концу XVII в., некоторые из… пригородов с их посадами выделились даже в особые самостоятельные уезды: в пригородах (Галичского уезда. — *Н.К., Д.Х.*), например, в Судае и Кологриве, в 80-х гг. столетия, упоминаются особые, независимые от Галича воеводы»[5].

Однако, как уже отмечалось, до 1775 г. города России юридического статуса не имели, а в источниках термин «город» употреблялся в разных смыслах, о чем в дальнейшем будет сказано подробнее. Для других авторов было характерно определение города прежде всего как социально-экономической категории, как центра ремесла и торговли. Такой подход к определению города феодальной эпохи сложился в дореволюционной исторической науке в противовес разделению поселений на городские и сельские по официально-административному принципу[6]. Этой точки зрения придерживалось большинство исследователей советской эпохи в соответствии с диктуемым господствующей методологией приоритетом базисных явлений и процессов. Расширение источниковой базы и проблематики исследования, интерес к хозяйственной жизни городов выявили отставание правительственной политики от реальных процессов городообразования в стране. Исходя из предложенного критерия рождалось стремление составить список «истинных городов», «го-

[3] *Градовский А.Д.* Собр. соч. Т. 2. СПб., 1899. С. 371.

[4] Там же. С. 360.

[5] *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913. С. 103.

[6] *Рожков Н.А.* Город и деревня в русской истории. СПб., 1913.

родов в экономическом смысле» в отличие от официальных списков, основанных на юридическом принципе.

Взгляд на город как на категорию экономическую надолго закрепился в отечественной историографии (Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, А.С. Черкасова, М.Я. Волков и др.). В результате смешения процессов городообразования и торгово-промышленного развития в разряд городских поселений попадали все поселки, слободы, сёла и деревни, где имелись промышленные и торговые заведения, а к горожанам относили всё торгово-промышленное население страны, включая работников и владельцев крепостных мануфактур и крестьян-отходников. Вместе с тем уже в 1940–1950-е гг. некоторые ученые, делая акцент в определении города на его роль как центра ремесла и торговли, в конкретно-историческом освещении истории города существенно расширяли задаваемые господствующей методологией границы исследования. Так, в монографии М.Н. Тихомирова «Древнерусские города» (1946) рассмотрен широкий круг вопросов жизни русских городов XI–XIII вв. В их числе — процесс городообразования, численность и состав населения, организация власти и системы управления. Обращено также внимание на внешний вид городов, дана характеристика их укреплений, топографии отдельных частей города (детинца, посада, городских кварталов и улиц). Для М.Н. Тихомирова значение древнерусского города не сводилось к экономической функции, но было связано также с возникновением именно в таких поселениях условий для создания «“городского строя” с вечевыми традициями и участием горожан в политической жизни»[7]. Во второе издание монографии (1956) Тихомиров включил новые главы о хозяйстве городов и городской культуре. Фактически этой монографией он заложил основы понимания города как сложного многофункционального организма.

Тем не менее, сформулированное им определение города как постоянного населенного пункта, являвшегося центром ремесла и торговли, организующей структурой которых выступал посад (для XVI–XVII вв. — посадская община), надолго закрепилось в историографии[8], побуждая подходить к истории города прежде всего с позиций социально-экономического развития. Наиболее последовательно эту точку зрения отстаивал Я.Е. Водарский: «Город становился городом в научном понимании этого термина после того, как его экономическое состояние получало юридическое оформле-

[7] *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 285.

[8] О характеристике города как торгово-промышленного центра с городской (посадской) общиной см.: *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977. С. 115–131.

ние, т.е. после того, как его ремесленники и торговцы объединялись в наделенную правительством правами и обязанностями посадскую общину»[9]. На этом основании он отказывает в городском статусе не только многочисленным городам юга страны, предлагая считать их крепостями, но и, например, Клину, посадские жители которого в петровское время были переведены в ямщики: «Если у них нет самоуправления, может ли быть "городской уклад жизни"? Клин перестал быть городом»[10].

К концу 1980-х гг. уже был преодолен взгляд на город как на сугубо социально-экономический организм, что ставило точку в спорах между сторонниками оценки города как экономической или как юридической категории. Стало ясно, что простая констатация преобладания в городе той или иной отрасли хозяйства, как, впрочем, и экономической функции в целом, указывая на специфику конкретного поселения, не продвигает решение вопроса о социальной природе города. К тому же городская экономика не сводилась сугубо к торгово-ремесленным занятиям жителей, поскольку в XVII–XVIII вв. в русских городах широкое развитие получили торговое огородничество и садоводство, содержание скота и даже земледелие[11], а преобладающим типом городского поселения во второй половине XVIII в. — середине XIX в. был аграрный город (61% общего числа городских поселений)[12]. Такая ситуация являлась отражением незавершенности и особой замедленности процесса общественного разделения труда. К этому можно добавить, что в феодальную эпоху статус городского поселения имел не формальное значение: он определял права жителей на торгово-промышленные занятия, обретение поселением административных функций и общий его облик. Важно также и то, что город обладал спецификой уклада жизни, который отличался от уклада жизни сельских поселений. На это особо обращал внимание П.Г. Рындзюнский[13]. Правда, иные официальные малые города и по своему хозяйственному, и по пространственно-бытовому укладу жизни мало чем отличались от сёл.

Тогда же, в 1980-х гг., было сформулировано определение сути города как центра концентрации различного рода власти — админи-

[9] *Водарский Я.Е.* Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 9.

[10] Там же. С. 36.

[11] Причины концентрации торгового огородничества и садоводства в городах и обоснование городского характера их функций даны в статье: *Милов Л.В.* О так называемых аграрных городах России XVIII в. // Вопросы истории. 1968. № 6.

[12] *Миронов Б.Н.* Русский город во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Типологический анализ // История СССР. 1988. № 5. С. 152–154.

[13] *Рындзюнский П.Г.* Новые города России в конце XVIII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 359–370.

стративной, военной, судебной, религиозной, экономической, — что позволяло городу не только управлять сельской округой[14], но и обеспечивать жизнедеятельность различных общественных систем[15]. Причем, если Б.Н. Миронов интегрирующую роль считал характерной чертой только позднефеодального города, то И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко, исследовавшие возникновение древнерусских городов, рассматривали ее как универсальную функцию города вообще, выражающую его социальную сущность[16].

Логическим продолжением сделанных наблюдений в изучении города стало стремление раскрыть «общеисторический смысл города, как социокультурного явления исторического процесса», понять его назначение в качестве социального явления. Ряд исследователей подчеркивают, что, возникая как тип поселения в процессе перехода от первобытности к цивилизации, город становился «местом концентрации новых механизмов воспроизводства общественной жизни, центром управления общественными делами»[17], являлся важным фактором формирования государственности, «очагом кристаллизации нового типа социальности и новых форм общественного бытия»[18].

Обсуждение в научной литературе теоретико-методологических вопросов о природе, смысле и роли города как особого типа поселения способствовало выработке взгляда на город как целостный социальный организм. Начиная с 1990-х гг. появляются многочисленные работы, в которых на примере отдельных городов или на региональном уровне исследовались различные сферы городской жизни. Их набор был традиционным: численность, социальный, половозрастной и семейный состав населения, хозяйство, повседневная жизнь, ментальность, иногда характер застройки и планировки города. Причем в зависимости от имеющихся у автора источников круг вопросов мог либо сужаться, либо, что было гораздо реже, расширяться. При этом исследования посвящались конкретному городу

---

[14] *Миронов Б.Н.* Спорные и малоизученные вопросы истории русского позднефеодального города в современной советской историографии // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Л., 1983. С. 184–186.

[15] Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Л., 1986. С. 220.

[16] Там же.

[17] *Сайко Э.В.* Город как феномен исторического развития. Проблема происхождения // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). Тезисы докладов научной конференции (Москва, 3–5 декабря 1996 г.).М., 1996. С. 61.

[18] *Данилова Л.В.* Социальные функции города в их эволюции // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). М., 1996. С. 64.

либо охватывали ряд городов определенного региона за разный хронологический период. В итоге получаемые результаты и наблюдения, важные для изучения городской жизни в рамках местной истории, в своей совокупности не позволяли судить о состоянии городской сети в целом в конкретный исторический период.

В последние годы, с введением в научный оборот и систематизацией материалов описаний городов этой эпохи, ситуация начинает меняться. В опубликованных недавно материалах Генерального межевания[19] наличествует информация о самых разных сторонах городской жизни: о городских укреплениях, численности и социальном составе населения, государственных учреждениях, промышленных предприятиях и торговых заведениях, занятиях жителей, церквях и монастырях, пригородных угодьях, подгородных слободах и других элементах городской жизни и городского пространства, причем текстовые описания сопровождаются подробнейшими планами, составленными в ходе межевых работ. Аккумулирование многочисленных одновременно созданных и составленных по единой схеме описаний существенно расширяет возможности изучения городов и городской сети Европейской России в екатерининскую эпоху на этапе реализации самой крупной в России реформы власти в системе областного управления 1775–1785 гг., позволяет изучать влияние модернизационных процессов на городскую жизнь и ее региональные особенности.

Введение в научных оборот массовых источников XVII–XVIII вв. в сочетании с использованием новых технологий, связанных с ГИС-картографией, позволит существенно продвинуться в изучении городов России раннего Нового времени, в частности в определении их типологии и факторов, влиявших на специфику городской жизни, да и в целом изучать города России в единстве единичного, особенного, общего и всеобщего, т.е. именно так, как и должно изучать такое сложное историческое явление, каким был российский город.

* * *

После краткого экскурса в эволюцию понятия «город» в историографии попытаемся выяснить, какой смысл вкладывался в это слово в XVIII в., на каком основании сами современники относили или не относили те или иные поселения к числу городов. Попробуем

[19] Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Центральная России /Подг. к изд. Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. Тула, 2016; Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Продолжение: Витебская, Вологодская, Воронежская, Казанская, Курская, Могилевская, Новгородская, Олонецкая, Орловская, Пензенская, Псковская, Тамбовская, Харьковская губернии /Подг. к изд. Д.А.Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. М., 2022.

рассмотреть этот вопрос на материале периода 1720–1770-х гг., в течение которого не менялись принципы административно-территориального деления страны.

Начнем с того, что в законодательстве и административной практике того времени слово «город» употреблялось в различных значениях.

Во-первых, когда речь идет о местном управлении, под «городом» часто разумеется территория, подвластная тому или иному воеводе. Так, указом 12 сентября 1728 г. была утверждена инструкция, по которой «в губерниях и в провинциях и в городах губернаторы и воеводы поступать имеют»[20]. В данном случае имеется в виду именно административный округ. Примеры употребления слова «город» в таком значении довольно многочисленны. Так, в проекте воеводской инструкции 1719 г. предписывается «ему ж, воеводе, все в городах и в уездах в надлежащем порядке содержать, и чтоб зимния и летния дороги благовременно были починиваны и поправлены» (п. 15)[21].

Во-вторых, «городами» часто именуются уезды, особенно тогда, когда они интересуют законодателя в качестве налоговых округов. Знаменитый указ 29 мая 1719 г., начавший вторую губернскую реформу Петра I, разделил государство на губернии, указав «быть во всем… всех губерний городам, как во оной росписке изображено»[22]; однако в самой росписи речь идет не о городах, а об уездах, поскольку напротив каждого названия дается «дворовое число, кроме посадских», т.е. указывается численность тяглых дворов в соответствующем уезде.

В-третьих, в законах и делопроизводственных документах, касающихся управления посадским населением, часто город понимается прежде всего как место проживания посадского населения. Так, регламент Главного магистрата определяет его первую задачу: «Во всех городах порядочной магистрат учинить» (гл. 2)[23]. Хотя законодатель, безусловно, понимает, что «везде в городах, не токмо в больших, но и в малых, обретаются жители разных чинов, кроме посадских», и оговаривает, что «все такие люди между гражданами не числятся» (гл. 7), но, давая распоряжение о том, чтобы «определить все городы на пять частей», критерием для этого разделения делает именно численность посадского населения (гл. 5).

---

[20] ПСЗ Т. VIII. № 5333. С. 94. 12 сентября 1728 г.

[21] ПСЗ. Т. V. № 3294. С. 627. Январь 1719 г.

[22] ПСЗ. Т. V. № 3380. С. 701. 29 мая 1719 г.

[23] ПСЗ. Т. VI. № 2708. С. 291. 16 января 1721 г.

Наконец, нужно отметить еще одно значение слова «город», присущее этому времени, — крепость, городские укрепления. Понимание города как прежде всего крепости, места расположения гарнизона, свойственно такому осведомленному автору, как И.К. Кирилов. Называя Клин среди «присудственных городов» Московской провинции, он в явном противоречии с самим собой утверждает: «Клин, никакого города нет, токмо знак малой старинного городового валу»[24]. В комментарии к описанию уездов Архангелогородской провинции он поясняет, что центры многих северных уездов, по его представлениям, не могут считаться городами: «Кевроль уезд… В нем сталица волось Кевроль, или Кеврола, в которой и двор воевоцкой и канцелярия, а городового строения как древняго по признакам никакого не находится, так и настоящего нет… Мезень уезд… в сем уезде города и посацких людей нет. Столица в слободке, коей имя Окладникова… Важеской уезд. Ваги города нет… В сем Важеском уезде за столицу имеется Шенкурской посад»[25]. С той же уверенностью, с какой он исключает из числа городов эти северные центры, И.К. Кирилов относит к ним, например, безуездный подмосковный Борисов, в котором до 1830-х гг. сохранялась каменная крепость постройки времен Бориса Годунова: «Борисов, город каменной, в нем одна [башня] проезжая, 5 глухих»[26], а среди «приписных городов Новгородской провинции» отмечает Старую Ладогу: «старинный бывал город каменной, …ис того города жители переведены в вышеозначенную Новую Ладогу, а при нем ничего не оставлено»[27]. В уже упоминавшейся инструкции 1728 г. мы читаем предписание новому воеводе, которому следовало, «приехав в город, городовые ключи и уложенья и регламенты…, служилых людей списки, артиллерию, аммуницию… и наличную денежную казну… описать, и все вышеписанное принять»[28].

Итак, в источниках первой половины — середины XVIII в. слово «город» употребляется в нескольких разных значениях, что соответствует трем основным ипостасям города той эпохи: это центр воеводской власти, центр уезда, место проживания посадской общины. Попробуем посмотреть, как они соотносятся между собой.

Территориальные рамки исследования имеет смысл ограничить той частью территории Европейской России, на которой в то время

---

[24] *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства /Комм. Л.А. Гольденберга, С.М. Троицкого. М., 1977. С. 127.

[25] Там же. С. 241.

[26] Там же. С. 128.

[27] Там же. С. 89.

[28] ПСЗ Т. VIII. № 5333. С. 95. 12 сентября 1728 г.

существовало сложившееся уездное деление. Это Московская, Новгородская, Петербургская, Смоленская, Воронежская, Белгородская, Нижегородская, Казанская, Архангелогородская губернии. За рамками рассмотрения остаются территории, где городская и уездная сети только формировались или же имели существенно иное, чем в Центральной России, происхождение, — Лифляндская, Эстляндская, Выборгская, Киевская, Астраханская, Оренбургская губернии, владения запорожских казаков и Земля Войска Донского; не рассматривается также эксклав Воронежской губернии — Бахмутский уезд.

Начнем с соотношения уездов и административных центров.

Уездное деление в ту эпоху, как известно, находило воплощение в первую очередь в ревизском учете. Именно включение того или иного поселения в книги ревизии по определенному уезду обозначало, с точки зрения государства, его административную принадлежность. Это хорошо показывают те редкие случаи, когда принималось (на уровне Сената) решение о передаче какого-то поселения из одного уезда в другой: с точки зрения административной практики, речь шла именно об исключении его жителей из подушного оклада в одном уезде и о записи в него в другом. Соответственно, в документах той эпохи уезд предстает перед нами в первую очередь как налоговый округ, хотя по сути, конечно, не меньшую роль играло то, что именно в рамках уезда оформлялись права землевладельцев; именно в рамках уездов подтверждались и фиксировались землевладельческие права, и устойчивость уездной структуры обеспечивалась существованием гигантской системы учета этих прав, основанной на архиве Поместного приказа и Вотчинной коллегии.

Итоги ревизий подводились в окладных книгах; именно этот памятник, как представляется, является оптимальным для выяснения вопроса о том, какие уезды выделялись в составе государства, поскольку за ним стоит огромный массив первичных данных, и в то же время он отражает обобщенный взгляд государственного аппарата на управляемую территорию. Так, И.К. Кирилов, создавая свой общий справочник о состоянии государства, в значительной степени опирался именно на окладную книгу Камер-коллегии 1724 г.[29] Для наших целей имеет смысл обратиться к итоговым ведомостям I ревизии и окладной книге II и III ревизий за 1763 г., опубликованным Я.Е. Водарским и В.М. Кабузаном[30]. Сопоставление списков уездов,

[29] *Гольденберг Л.А., Новлянская М.Г., Троицкий С.М.* И.К. Кирилов и его труд «Цветущее состояние Всероссийского государства» // Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. С. 22.

[30] Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий /Публ. Л.Г. Бескровного, Я.Е. Водарского, В.М. Кабузана. Вып. 2, 3. М., 1974.

упомянутых в этих источниках, показывает, что они почти полностью совпадают; различия состоят в том, что между I и II ревизиями четыре небольших уезда вошли в состав соседних более крупных: Белгородский поглотил Нежегольский и Болховецкий, Путивльский — Каменногородский, Костромской — Нерехотский. Стоит отметить, что та же структура уездов изображается на ландкартах середины XVIII в[31]. Эта структура, конечно, была результатом длительного развития, и в более раннее время можно найти множество территориальных единиц, которые на определенном этапе развития именовались уездами, а затем вошли в состав соседних уездов в качестве станов или волостей; так, уже упоминавшаяся «роспись» «городов» к губерниям 1719 г. выделяет в качестве отдельных единиц Тополи и Палатов недалеко от Белгорода, Битюцкую волость к востоку от Воронежа и даже Залесский стан Шацкого уезда, отдаленный от его основной территории. В течение XVI–XVII вв. таких небольших и недолго существовавших «уездов» известно еще больше[32].

Списки воеводских и губернаторских назначений за 1719–1739 гг., т.е. за период после петровских преобразований, опубликованы и обработаны М.В. Бабич и И.В. Бабич[33]. За период непосредственно перед губернской реформой Екатерины II они могут быть извлечены из адрес-календарей, которые издавались с 1765 г.; наиболее полным за эти годы оказался адрес-календарь 1775 г. (в остальных, скорее всего, некоторые назначения в небольшие города просто пропускались)[34], его сведения дополнены тремя более ранними — 1765, 1767 и 1772 гг.[35]

---

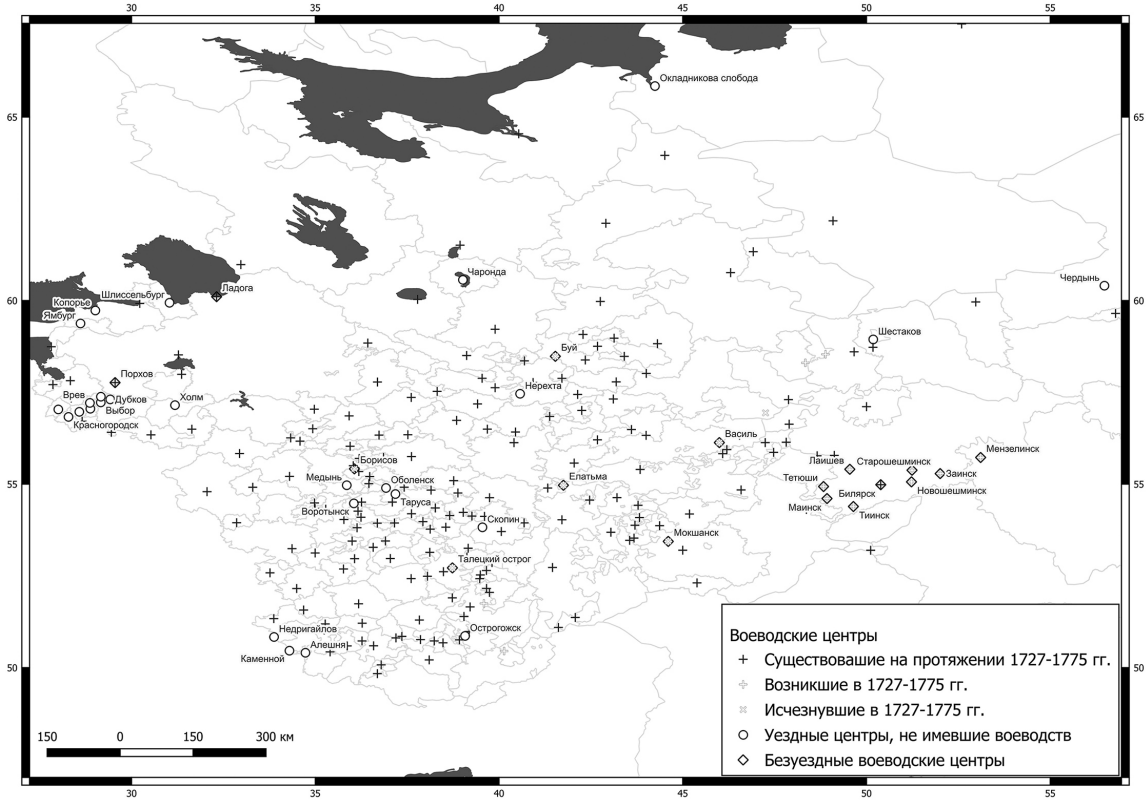
[31] Перечень основных сохранившихся памятников см.: *Кабузан В.М.* Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720–1770 гг. // Историческая география России XVIII в. Ч. 2. М., 1981. С. 45–56.

[32] См., например, о Мышегском уезде: *Дедук А. В.* От столицы удела (княжества) до приходского центра: судьба города Мышега // Региональные столицы России — точки опоры и роста: материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2023. С. 20–23; о Соловском уезде: *Дедук А.В.* К исторической географии Корницкого стана Соловского (Крапивенского) уезда // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к международной научной конференции (Москва, 21–23 ноября 2013 г.). М., 2013; о Микулинском уезде: *Зинько М.А.* Микулинский уезд Русского государства: статус и структура // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к международной научной конференции. М., 2017; и мн. др.

[33] Областные правители России. 1719–1739 гг. /Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008.

[34] Так, в адрес-календаре 1766 г. из всей огромной Белгородской провинции названы, помимо губернских властей, воеводы только в Курске, Обояни и Короче.

[35] Адрес-календарь российский на лето от Рождества Христова 1765, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале



Карта 1. Уездные и воеводские центры в 1727–1775 гг.

Подавляющая часть уездных центров — 166 из 197 — являются в то же время и воеводскими (см. карту 1).

За единичными исключениями, все они уверенно и постоянно определяются источниками как города. Исключения также весьма показательны. Это, во-первых, три северных центра, высказывания И.К. Кирилова о которых цитировались выше, — Шенкурский посад, Мезень (Окладникова слобода) и Кеврольский посад. Помимо отсутствия в них укреплений, на что делает акцент Кирилов, здесь, наверное, стоит указать и на особенности употребления слова «город» в Поморье, которое, по умолчанию, относилось только и исключительно к Архангельску: не случайно даже спустя более чем столетие у таких знатоков местного наречия, как Б.В. Шергин и С.Г. Писахов, «город» (без дальнейших уточнений) означает именно этот главный исторический центр региона. Во-вторых, это уникальный случай — монастырское село Пертома, в котором располагался центр Пошехонского уезда; А.В. Белов даже определяет его как «незаконный город»[36]. «Пошехонской токмо уезд, а города не имеется, — говорит о нем И.К. Кирилов. — Воеводская канцелярия и двор издревле был Белосельской волости в селе Белом. А с [1]711 году воеводская канцелярия и двор… переведены в монастырское село Пертому»[37]. Частновладельческий статус уездного и воеводского центра в данном случае исключал наименование его городом, поскольку, как известно, появление частновладельческих, а особенно монастырских городов противоречило государственной политике и было прямо запрещено Соборным уложением[38].

Совпадение между уездными и воеводскими центрами, однако, нельзя назвать полным. Есть целых 23 уезда, в которых в изучаемый период мы не видим особых воевод. Это Оболенский и Тарусский в Московской провинции (управлялись серпуховским воеводой);

сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб., 1765; Адрес-календарь российский на лето 1766 от Рождества Христова, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб., 1766; Адрес-календарь российский на лето 1767 от Рождества Христова, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб., 1767; Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1772 от Рождества Христова. СПб., 1772; Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1773 от Рождества Христова. СПб., 1773; Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1775 от Рождества Христова. СПб., 1775.

[36] *Белов А.В.* Реформа города Екатерины II (по материалам губерний Центральной России). М.; СПб., 2019. С. 178.

[37] *Кирилов И.К.* Указ. соч. С. 99.

[38] Гл. XIX. Ст. 1. «А впредь, опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городех не быть». См.: *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 228.

Медынский и Воротынский в Калужской провинции (управлялись, соответственно, мещовским и перемышльским воеводами); Нерехотский в Костромской провинции (к моменту проведения II ревизии этот небольшой уезд, как уже говорилось, вошел в состав Костромского); все три уездных города Санкт-Петербургской губернии — Ямбург, Копорье, Шлиссельбург (очевидно, они управлялись непосредственно из столицы)[39]; группа совсем небольших, но вполне самостоятельных (с точки зрения окладной книги) уездов «пригородов» Псковской провинции — Велья, Володимерца, Вороноча, Врева, Вышгорода, Дубкова, Выбора, Кобылья, Красногородска; Холмский в Великолуцкой провинции; Чарондский в Белозерской провинции; Скопинский в Елецкой провинции; Кайгородский и Шестаковский в Вятской провинции; Чердынский в Пермской провинции (управлялся соликамским воеводой); Алешинский в Белгородской провинции (приписан к Вольному); Недрыгайловский и Каменногородский в Севской провинции (приписаны к Путивлю). Стоит отметить еще один специфический случай. Острогожский уезд делил свой центр с Острогожским слободским полком. В XVII в. здесь одновременно присутствовали как воеводы, так и полковники[40], однако в XVIII в. ситуация изменилась, и осталась только полковая администрация, хотя уезд и сохранился в составе Воронежской провинции.

Кроме того, имеется еще 5 уездов, в которых воеводы назначались в 1720–1730-х гг., однако к 1760-м административный центр прекратил существование. Три из них — это уже упоминавшиеся небольшие уезды Белгородской провинции, растворившиеся в составе более крупных: Палатовский, Нежегольский, Болховецкий; после исчезновения уездов в эти городки перестали назначаться и воеводы. Кроме того, в 1760 –1770 гг. нет воеводских назначений в Царевосанчурске, Кокшайске, Изборске и Борогодицке[41].

Наряду с исчезновением семи воеводских центров мы видим возникновение четырех новых. Это два вятских уезда, которые в 1720–1730-х гг., видимо, управлялись хлыновскими воеводами (Орлов и Котельнич), а также две построенные в петровское время на юге Воронежского края крепости, Павловск (Осеред) и Борисо-

---

[39] В 1719 г. ведать Ямбургский и Копорский уезды было поручено «особливому воеводе… полковнику Феофилатьеву, да с ним ландрихтеру Манукову, и для того дела жить им в Санктпетербурге». ПСЗ. Т. V. № 3380. С. 701. 29 мая 1719 г.

[40] *Гоголева А.А.* Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII — начале XVIII в.: городовые воеводы и черкасские полковники: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005.

[41] Кроме того, в нескольких случаях воеводские назначения в адрес-календарях 1765–1775 гг. появляются непостоянно: это Царевококшайск и Яранск Свияжской провинции, а также Зубцов Тверской провинции. Тем не менее, оснований говорить об исчезновении в этих городах воеводских центров у нас нет.

глебск, комендантыкоторых с 1760-х гг. стали включаться в воеводские списки[42].

Теперь рассмотрим случаи, когда в качестве воеводского центра выступал город, не имеющий уезда. В 1720–1730-х гг. такие «безуездные» воеводы встречаются в Талецком остроге (на территории Елецкого уезда); Елатьме (окрестности которой были приписаны к Шацку); Урыве (в Воронежском уезде); Василе (на территории Козьмодемьянского уезда); Мокшанске (пригороде Пензы); Карсуне (пригороде Симбирска); Билярске (пригороде Казани); Порхове и Ладоге (на территории Новгородского уезда).

За исключением трех последних все эти воеводства исчезли к 1760-м гг. В этом следует видеть результат вполне осознанной правительственной политики, направленной на сокращение аппарата на местах. Так, в 1727 г., чуть раньше изучаемого периода, было принято решение «в Борисове особливому воеводе не быть, понеже тут уездных людей нет, а которые в том городе есть жители, тех попрежнему приписать к Можайску»[43]. Сохранение городского статуса Порхова и Ладоги связано, скорее всего, с тем, что Новгородская губерния со второй половины 1760-х гг. становится ареной деятельности Я.Е. Сиверса, одного из разработчиков реформы 1775 г., и он активно начинает заниматься «устроением» старых и назначением новых городов[44], а затем и намечает для этих новых центров уезды.

Особняком стоит ситуация в Казанском уезде. Как уже говорилось, в 1727–1739 гг. мы находим одно назначение в казанский пригород, Билярск, а в адрес-календарях 1765–1767 гг. появляются (и затем снова исчезают в более поздних изданиях) воеводы в ряде казанских «пригородов»: Алате, Лаишеве, Старо- и Новошешминске, Заинске, Тетюшах, Маинске, Билярске, Тиинске, Мензелинске. Скорее всего, речь идет не столько о гражданских властях, сколько о комендантах крепостей на старых засечных чертах, которые почему-то иногда включались в списки гражданских администраторов.

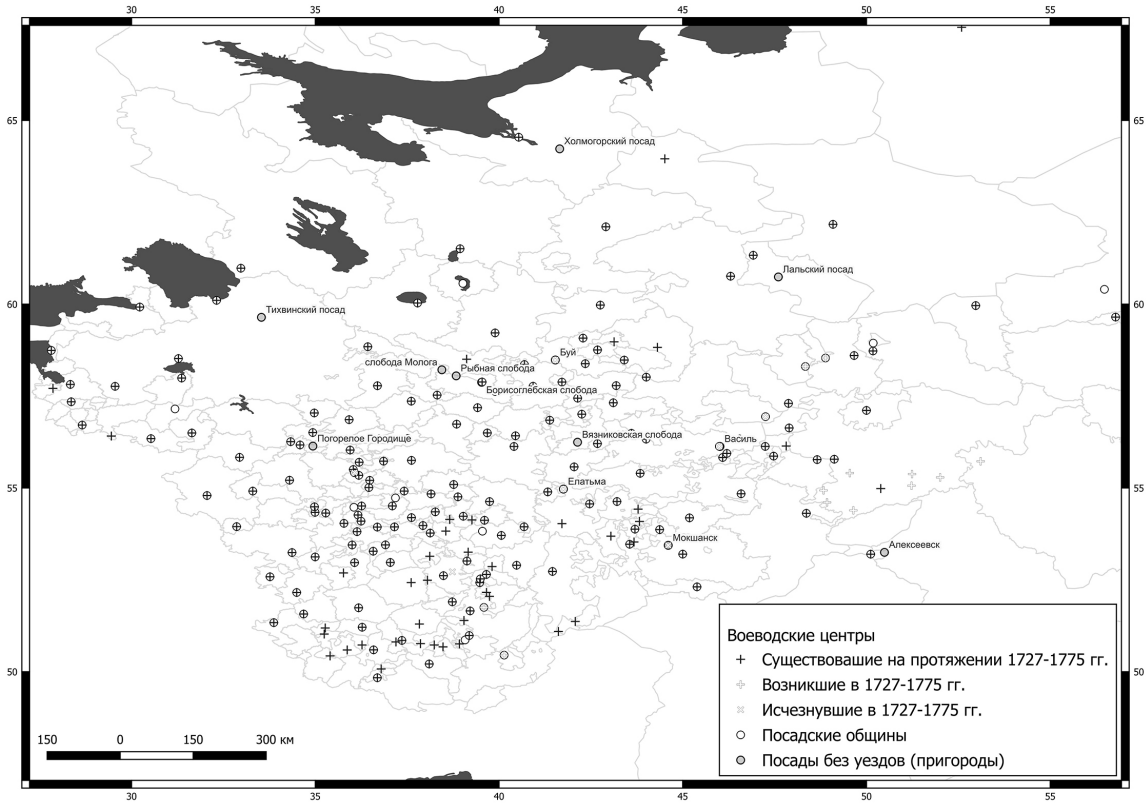
Таким образом, можно заключить, что сеть административных центров была довольно тесно связана с уездной структурой государства, и эта связь усиливалась со временем. Подавляющая часть воеводств располагалась в центрах уездов (хотя иногда под властью

---

[42] Несмотря на иное название должности, они включены в списки воевод и, видимо, исполняют воеводстские функции. То же название носят руководители еще двух отдаленных северных уездов, где военные функции местных властей, видимо, были выражены сильнее гражданских, — Кольского и Пустозерского.

[43] ПСЗ. № 5053. Т.VII. С. 774. 31 марта 1727 г.

[44] В адрес-календарях за эти годы упоминаются также воеводские назначения в несколько вновь учрежденных Сиверсом городов — Осташков, Боровичи, Вышний Волочок и Валдай. Поскольку эти новые «устроения» городов связаны уже с подготовкой реформы 1775 г., они здесь не рассматриваются.



Карта 2. Административные центры и посадские общины в 1727–1775 гг.

воеводы оказывались два или даже три уезда). Ликвидация уезда по общему правилу приводила к исчезновению вслед за ним и воеводства. В изучаемое время мы еще застаем некоторое количество «безуездных» воеводств, существование которых было обусловлено прежде всего традицией, однако почти все они исчезают к кануну реформы 1775 г.

Теперь посмотрим, как эта территориальная структура соотносится с другой — с «рассыпанной храминой» посадского населения России (карта 2).

Списки имевшихся на территории государства посадских общин могут быть извлечены из нескольких ведомостей. Одна из них, отражающая ситуацию на 1722 г., опубликована В.М. Кабузаном[45], ее материал систематизирован Я.Е. Водарским[46]. Другая, отражающая итоги II ревизии, отражена в работе А.А. Кизеветтера[47]. В обеих имеются пропуски, поэтому они взаимно пополняются.

По этим ведомостям, посадские общины есть в 176 поселениях. Из них 161 (92 %) — воеводские или уездные центры. Одновременно в 63 уездных центрах посадов не было (включая даже один провинциальный город — Шацк), и, учитывая, что почти все они считались в то время городами, можно вполне уверенно говорить, что наличие посада отнюдь не воспринималось в то время как необходимый признак города.

Это хорошо видно по тому, как отражается городское население в окладной книге II и III ревизий. По общему правилу, информация, которую она дает каждому налоговому округу, разделена на две части: «в городе» и «в уезде». Однако весьма часто ее составитель не разделяет уездное и городское население: получается, что города здесь, строго говоря, нет. Иногда при этом город назван («в Клину и в уезде») — таковы Клин, Сапожок, Гремячев, Печерники, Олонец, Изборск, Выбор, Воронач, Велье, Гдов, Кобылье, Вольной, Кологрив, Судай, Мезень, Пустозерск, Холм, Короча, Валуйки, Карпов, Суджа, Мирополье, Хотмыж. В других случаях его название фигурирует только в качестве наименования уезда («во Вревском уезде») — это Оболенский, Пошехонский, Медынский, Пусторжевский, Вышегородский, Дубковский, Володимерецкий, Вревский, Красногородский, Важский, Кеврольский уезды. Судя по всему, в первом списке оказались небольшие города без заметных посадских общин, которые не было смысла выделять как отдельную запись в окладной

[45] *Кабузан В.М., Шепукова Н.М.* Табель первой ревизии народонаселения России (1718–1727 гг.) // Исторический архив. 1959. № 3. С. 124–165.

[46] *Водарский Я. Е.* Исследования по истории русского города... С. 311–332.

[47] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 102–111.

книге; второй же в основном состоит из уездов, где городские центры либо отсутствовали, либо никак не могли быть названы городами.

Из оставшихся 15-ти (9 %) выделяется, во-первых, группа поселений, которые именуются чаще всего пригородами, — Елатьма, Мокшанск, Алексеевск, Буй, Порхов, Ладога, Погорелое городище, Борисов-городок. Большинство из них являются или ранее были самостоятельными воеводскими центрами. Другая группа — посады (Холмогорский, Лальский, Плесский, Молога, Тихвин) и слободы (Вязниковская, Осташковские), которые ни городами, ни пригородами, как правило, не именуются.

В окладных книгах эти поселения выделяются как особые налоговые округа в рамках уездов («в Лальском посаде») или же объединяются с городским округом центра уезда («в Угличе и в посаде Мологе»), так что помимо «главного» города появляется еще один.

Очень интересно, что в этой немногочисленной категории имеются целых три случая, когда такое поселение приписывается не к тому уезду, территории которого окружают его: Буй, расположенный на территории Галичского уезда, объединен в налоговом отношении с Судиславлем, Погорелое городище (Старицкий уезд) — с Зубцовым, Борисов-городок (Вяземский уезд) — с Можайском[48]. Это особенно ясно показывает, что посадские общины слабо связаны с уездной структурой государства, экстерриториальны по отношению к ней.

Подведем итоги.

В понятие города, в зависимости от контекста, администраторы XVIII в. вкладывали разные значения. Среди них важнейшими были: центр уезда; центр местной (воеводской или губернаторской) администрации; посадская община, с ее самоуправлением. Большое значение имело и традиционное именование того или иного поселения городом, которое было связано прежде всего с его военными функциями, с крепостью; эта традиция продолжала влиять на восприятие современников даже на фоне того, что военные действия в центре страны к изучаемому времени отошли в область далекого прошлого, и укрепления повсеместно приходили в упадок и разрушались.

Поскольку в большинстве случаев центр уезда, административный центр и место проживания посадской общины совпадали, существовал большой корпус «несомненных» городов, что и позволило, на наш взгляд, людям XVIII в. смотреть на городскую сеть как на внутренне единое целое, именуя разные ряды поселений единым словом «город».

Между тем за пределами этого корпуса «несомненных» городов имелось большое количество поселений, именование которых го-

[48] Очень похожий случай — Мензелинск, стоявший на территории Уфимского уезда и считавшийся пригородом Казани; в нем, однако, не было посадской общины.

родами в это время было неустойчивым, зависело от контекста. Это говорит о незавершенности процесса формирования городской сети государства. Стоит также сказать, что основным фактором, определявшим это формирование, следует, видимо, считать структуру уездного деления государства, т.е. структуру землевладения. Городские торгово-ремесленные общины, экстерриториальные по отношению к этой структуре, играли в оформлении городской сети подчиненную роль, что, видимо, заметно отличает процессы городообразования в России от тех, что мы наблюдаем в эпоху раннего Нового времени в странах Западной и Центральной Европы.

References

Belov A.V. *Reforma goroda Yekateriny II (po materialam guberniy Tsentral'noy Rossii)* [The Reform of the City Under Catherine II (Based on the Materials of the Central Russian Provinces)]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019. 611 p.

Danilova L.V. *Sotsial'nye funktsii goroda v ikh evolyutsii* [Social Functions of the City in Their Evolution] // *Stolichnye i periferijnye goroda Rusi i Rossii v srednie veka i ranneye novoye vremya (XI–XVIII vv.). Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii (Moskva, 3–5 dekabrya 1996 g.)* [Capital and Peripheral Cities of Rus' and Russia in the Middle Ages and Early Modern Times (from the 11th through the 18th Century). Theses of the Reports of the Scientific Conference (Moscow, December 3–5, 1996)]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr Instituta rossiyskoy istorii, 1996. P. 64–68.

Deduk A.V. *K istoricheskoy geografii Kornitskogo stana Solovskogo (Krapivenskogo) uyezda* [On the Historical Geography of the Kornitsky Stan of the Solovetsky (Krapivensky) Uyezd] // *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus', Russia: The Middle Ages and the Modern Period]. Vol. 3. *Tret'i chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova: materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Third Readings in Memory of Academician L.V. Milov: Materials of the International Scientific Conference]. Moscow: Izdatel'stvo istoricheskogo fakul'teta MGU, 2013. P. 288–294.

Deduk A.V. *Ot stolitsy udela (knyazhestva) do prikhodskogo tsentra: sud'ba goroda Myshega* [From the Capital of a Duchy to a Parish Center: The Fate of the City of Myshega] // *Regional'nye stolitsy Rossii — tochki opory i rosta: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Yekaterinburg; Perm', 20–22 sentyabrya 2023 g.)* [Regional Capitals of Russia as Points of Support and Growth: Materials of the All-Russian Scientific Conference (Yekaterinburg; Perm', September 20–22, 2023)]. Yekaterinburg: Alfa Print, 2023. P. 20–23.

Gautier Yu.V. *Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Yekateriny II* [The History of Provincial Administration in Russia from Peter I to Catherine II]. Vol. 1. Moscow: Obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh, 1913. 472 p.

Gogoleva A.A. *Mestnaya vlast' v Ostrogozhskom uyezde vo vtoroy polovine XVII — nachale XVIII veka: gorodovye voyevody i cherkasskie polkovniki: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk* [Local Government in Ostrogozhsky Uyezd in the Second Half of the 17th and Early 18th Century: Town Governors and Cossack Colonels: Abstract of the PhD Candidate Dissertation in History]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, 2005. 24 p.

Goldenberg L.A., Novlyanskaya M.G., Troitskiy S.M. *I.K. Kirilov i ego trud "Tsvetushchee sostoyanie Vserossiyskogo gosudarstva"* [I.K. Kirilov and His Work *The Flourishing State of the All-Russian State*] // Kirilov I.K. *Tsvetushchee sostoyanie Vserossiyskogo gosudarstva* [The Flourishing State of the All-Russian State] /Comm. by L.A. Goldenberg, S.M. Troitskiy. Moscow: Nauka, 1977. P. 6–28.

Goroda Rossiyskoy imperii v materialakh General'nogo mezhevaniya. Prodolzheniye: Vitebskaya, Vologodskaya, Voronezhskaya, Kazanskaya, Kurskaya, Mogilevskaya, Novgorodskaya, Olonetskaya, Orlovskaya, Penzenskaya, Pskovskaya, Tambovskaya, Khar'kovskaya gubernii [Towns of the Russian Empire in the Materials of the General Land Survey. Continuation: Vitebsk, Vologda, Voronezh, Kazan, Kursk, Mogilev, Novgorod, Olonets, Oryol, Penza, Pskov, Tambov, Kharkov Provinces] /Prep. by D.A. Chernenko, A.A. Golubinskiy, D.A. Khitrov. Moscow: Drevlekhranilishche, 2022. 864 p.

Goroda Rossiyskoy imperii v materialakh General'nogo mezhevaniya. Tsentral'naya Rossiya [Cities of the Russian Empire in the Materials of the General Land Survey. Central Russia] /Prep. by D.A. Chernenko, A.A. Golubinskiy, D.A. Khitrov. Tula: Aquarius, 2016. 760 p.

Gradovskiy A.D. *Sobraniye sochineniy A.D. Gradovskogo* [Collected Works of A.D. Gradovskiy]. Vol. 2. *Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii. Uyezd Moskovskogo gosudarstva* [The History of Local Government in Russia. The Uyezd of the Moscow State]. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1899. 492 p.

Istoricheskaya nauka v Moskovskom universitete, 1755–2004 [Historical Science at Moscow University, 1755–2004]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2004. 636 p.

Kabuzan V.M. *Obzor istoriko-geograficheskikh istochnikov po administrativno-territorial'nomu deleniyu Rossii v 1720–1770 gg.* [Review of Historical and Geographical Sources on the Administrative-Territorial Division of Russia in 1720–1770] // *Istoricheskaya geografiya Rossii XVIII v.* [Historical Geography of Russia in the 18th Century]. Part 2. *Istochniki i ikh kharakteristika* [Sources and Their Characteristics]. Moscow: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1981. P. 45–56.

Kabuzan V.M., Shepukova N.M. *Tabel' pervoy revizii narodonaseliniya Rossii (1718–1727 gg.)* [The Table of the First Revision of the Population of Russia (1718–1727)] // *Istoricheskiy arkhiv.* 1959. N 3. P. 124–165.

Karlov V.V. *K voprosu o ponyatii rannefeodal'nogo goroda i ego tipov v otechestvennoy istoriografii* [On the Concept of the Early Feudal Town and Its Types in Domestic Historiography] // *Russkiy gorod (problemy gorodoobrazovaniya)* [The Russian Town (Issues of Urban Formation)]. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1980. P. 66–83.

Kirilov I.K. *Tsvetushchee sostoyanie Vserossiyskogo gosudarstva* [The Flourishing State of the All-Russian State] /Comm. by L.A. Goldenberg, S.M. Troitskiy. Moscow: Nauka, 1977. 443 p.

Milov L.V. *O tak nazyvayemykh agrarnykh gorodakh Rossii XVIII v.* [On the So-Called Agrarian Towns of Russia in the 18th Century] // *Voprosy istorii.* 1968. N 6. P. 54–64.

Mironov B.N. *Russkiy gorod vo vtoroy polovine XVIII — pervoy polovine XIX veka. Tipologicheskiy analiz* [The Russian City in the Second Half of the 18th and the First Half of the 19th Century. Typological Analysis] // *Istoriya SSSR.* 1988. N 5. P. 150–168.

Mironov B.N. *Spornye i maloizuchennye voprosy istorii russkogo pozdnefeodal'nogo goroda v sovremennoy sovetskoy istoriografii* [Controversial and Little-Studied Issues in the History of the Russian Late Feudal Town in Contemporary Soviet Historiography] // *Genezis i razvitie feodalizma v Rossii. Problemy istoriografii* [Genesis and De-

velopment of Feudalism in Russia. Issues of Historiography]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1983. P. 184–186.

Oblastnye praviteli Rossii. 1719–1739 gg. [Provincial Rulers of Russia. 1719–1739] /Comp. by M.V. Babich, I.V. Babich. Moscow: ROSSPEN, 2008. 829 p.

Perepisi naseleniya Rossii: itogovyye materialy podvornykh perepisei i reviziy naseleniya Rossii (1646–1858) [Censuses of the Population of Russia: Final Materials of the Household Censuses and Revisions of the Population of Russia (1646–1858)] /Comp. by L.G. Beskrovny, Ya.E. Vodarskij, V.M. Kabuzan. Moscow: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1972. Vol. 2. 89 p.; Vol. 3. 390 p.

Rozhkov N.A. *Gorod i derevnya v russkoy istorii* [The Town and the Village in Russian History]. 3rd ed., rev. Saint Petersburg: Tipografiya i pereplet'naya "Viktoriya", 1913. 128 p.

Ryndzyunskiy P.G. *Novyye goroda Rossii v kontse XVIII veka* [New Towns of Russia at the End of the 18th Century] // *Problemy obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii i slavyanskikh stran* [Issues of Sociopolitical History of Russia and the Slavic Countries]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1963. P. 359–370.

Sakharov A.M. *O termine "gorod" v istochnikakh XVI v.* [On the Term "Town" in the 16th-Century Sources] // *Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noy Rossii: sbornik statey, posvyashchennyy 70-letiyu akademika L'va Vladimirovicha Cherepnina* [Society and the State of Feudal Russia: A Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of the Full-Academy Member Lev Vladimirovich Cherepnin] /Ed. by V.T. Pashuto. Moscow: Nauka, 1975. P. 62–66.

Sayko E.V. *Gorod kak fenomen istoricheskogo razvitiya. Problema proiskhozhdeniya* [The City as a Phenomenon of Historical Development. The Problem of Its Origin] // *Stolichnye i periferijnye goroda Rusi i Rossii v srednie veka i ranneye novoye vremya (XI–XVIII vv.). Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii (Moskva, 3–5 dekabrya 1996 g.)* [Capital and Peripheral Cities of Rus' and Russia in the Middle Ages and Early Modern Times (from the 11th through the 18th Century). Theses of the Reports of the Scientific Conference (Moscow, December 3–5, 1996)]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr Instituta rossiyskoy istorii, 1996. P. 59–63.

Stanovleniye i razvitie ranneklassovykh obshchestv. Gorod i gosudarstvo [The Formation and Development of Early Class Societies. The City and the State]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1986. 335 p.

Tikhomirov M.N. *Drevnerusskiye goroda* [The Towns of Ancient Rus]. Moscow: Gospolitizdat, 1956. 477 p.

Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [The *Sobornoye Ulozhenie* of 1649]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1961. 444 p.

Vodarskij Ya.E. *Issledovaniya po istorii russkogo goroda (fakty, obobshcheniya, aspekty)* [Studies on the History of the Russian City (Facts, Generalizations, Aspects)]. Moscow: IRI RAN, 2006. 415 p.

Vodarskij Ya.E. *Naseleniye Rossii v kontse XVII — nachale XVIII veka* [The Population of Russia in the Late 17th and Early 18 th Century]. Moscow: Nauka, 1977. 263 p.

Zinko M.A. *Mikulinskiy uyezd Russkogo gosudarstva: status i struktura* [Mikulinsky Uyezd of the Russian State: Status and Structure] // *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus', Russia: The Middle Ages and the Modern Period]. Vol. 5. *Pyatyye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova: materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Fifth Readings in Memory of Academician L.V. Milov: Materials of the International Scientific Conference]. Moscow: Izdatel'stvo istoricheskogo fakul'teta MGU, 2017. P. 137–141.

Поступила в редакцию
6 ноября 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-6-47-60

Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева

КАФЕДРА ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН: ВАЖНЕЙШИЕ ИТОГИ РАБОТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

G.F. Matveev, Z.S. Nenasheva

DEPARTMENT OF THE HISTORY OF SOUTHERN AND WESTERN SLAVS: KEY ACHIEVEMENTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Аннотация. Статья посвящена деятельности кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского университета. В ней рассказывается о начальном этапе становления славистики в России, который приходится на царствование Николая I. Авторы показывают, как в межвоенном Советском Союзе происходило возрождение этого междисциплинарного направления, что было обусловлено внешнеполитической конъюнктурой. Раскрываются этапы развития кафедры, созданной накануне Великой Отечественной войны трудами известного ученого-слависта В.И. Пичеты. Далее в статье освещается история кафедры во второй половине XX — начале XXI в., оцениваются ее роль и место в формировании

Матвеев Геннадий Филиппович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Matveev Gennady Filippovich, Doctor in History, Professor, Head, Department of the History of the Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

gfmatveev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2320-3068

Ненашева Зоя Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Nenasheva Zoya Sergeyevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

bonner2@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-6123-903X

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

советской и постсоветской славистики. Авторы называют принципиальные установки, которым следует коллектив кафедры при подготовке исследователей истории славянских стран, подчеркивают значение грамотно выстроенной учебной программы и индивидуального подхода к работе с учениками — студентами, аспирантами и соискателями. Особое внимание уделяется истории кафедры после перехода на Болонскую систему. Отмечаются положительные и отрицательные, являющиеся преобладающими, последствия этой реформы для подготовки историков славянских стран. Описываются конкретные решения, предпринятые коллективом кафедры для извлечения максимально возможных преимуществ из внедрения двухуровневой системы высшего образования и для минимизации негативных последствий такой перестройки учебного плана. Перечисляются конкретные нововведения в программу подготовки славистов, раскрываются особенности новых курсов, преподаваемых в настоящее время на кафедре. Большое внимание уделяется также проблемам, препятствующим как учебному процессу, в том числе подготовке научных кадров, так и научно-преподавательской деятельности членов кафедрального коллектива. Авторы говорят о кадровом обновлении кафедры и считают работу в этом направлении исключительно значимой для сохранения научных школ и преподавательских традиций. Перечисляются наиболее значимые издательские проекты последних лет, среди которых новый трехтомный учебник «Истории южных и западных славян», а также труды из серии «Историки-слависты МГУ». Завершается статья размышлениями о перспективах преподавания славистики на историческом факультете Московского университета.

***Ключевые слова*:** история южных и западных славян, Болонская система, учебный план, университетский учебник, В.И. Пичета, З. Неедлы, С.А. Никитин, И.А. Воронков, В.Г. Карасев.

Abstract. The article is devoted to an exposition of the activities of the Department of the History of Southern and Western Slavs at the Faculty of History of Moscow State University. It traces the early stages of Slavic studies in Russia, beginning during the reign of Nicholas I. The authors examine the revival of this interdisciplinary field in the interwar Soviet Union, driven largely by foreign policy considerations. The article delineates the primary phases in the development of the department, which was founded on the eve of the Great Patriotic War through the efforts of the eminent Slavist V.I. Picheta. The subsequent sections focus on the department's evolution during the second half of the twentieth and the early twenty first century, assessing its role and significance in shaping both Soviet and post-Soviet Slavic studies. The authors emphasize the department's guiding principles in training researchers of Slavic history, underscoring the significance of a meticulously structured curriculum and an individualized approach to working with students, graduate students and doctoral candidates. It is vital to note the particular focus that has been placed on the department's trajectory in the wake of the Bologna system's implementation. The article sets forth a thorough examination of the reform, its implications for the training of historians specializing in Slavic countries, and the outcomes and consequences thereof, which are predominantly negative. It delineates the specific measures that the department has initiated with the objective of optimizing the benefits of the two-tier higher education model, while concomitantly seeking to minimize its adverse effects. The

article also presents recent innovations in the department's curriculum, offering insights into newly introduced courses. Moreover, the authors address the challenges currently affecting both the educational process, including the training of young scholars, and the scholarly and teaching activities of the department's staff. The article reflects on the recent generational renewal of faculty members, which the authors of the article view as being crucial for the preservation of academic traditions and scholarly schools. Among the department's recent major publishing initiatives, particular mention is made of the new three-volume textbook *History of the Southern and Western Slavs* and the *Historians-Slavists of Moscow State University* series. The article concludes with reflections on the future of Slavic studies teaching at the Faculty of History of Moscow State University.

Keywords: history of Southern and Western Slavs, Bologna system, curriculum, university textbook, V.I. Picheta, Z. Nejedlý, S.A. Nikitin, I.A. Voronkov, V.G. Karasev.

* * *

История изучения и преподавания славистических дисциплин в России ведет свое начало с изданного в 1835 г. императором Николаем I указа об учреждении кафедр истории славянских языков и наречий в пяти университетах России, в том числе в Императорском Московском[1]. Но интерес к изучению родственных русским славянских народов имел к этому времени уже достаточно продолжительную историю как в самой России, так и за рубежом[2]. Первоначально история зарубежных славянских народов изучалась как составная часть интегральной славистики. Стоящие у ее истоков ученые оставили свой след как в исторической, так и филологической науках. Кстати, принцип интегративности славистики был соблюден при учреждении в 1947 г. Института славяноведения АН СССР, а также Международного комитета славистов в 1955 г.

Первая в СССР и на сегодняшний день единственная в Российской Федерации самостоятельная кафедра истории южных и западных славян существует только в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Предпосылки к принятию на самом высоком уровне партийно-государственного руководства Советского Союза решения о ее создании в 1939 г. были созданы рядом внешнеполитических факторов, заявивших о себе во второй

[1] *Лаптева Л.П., Ненашева З.С.* Славяноведение // Историческая наука в Московском университете. 1755–2004. М., 2004. С. 393–459. В коллективном труде содержится развернутый очерк развития исторического славяноведения в МГУ имени М.В. Ломоносова с момента открытия кафедры по 2004 г., а также приведена библиография исследований, посвященных ее истории.

[2] В 1811 г. в Московском университете была учреждена «кафедра славянского языка». См.: *Кочубинский А.А.* Адмирал Шишков и канцлер граф Румянцев. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887–1888. С. 50; *Лаптева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX в. М., 1997.

половине 1930-х гг. Идея учредить самостоятельный центр славистики в СССР существовала в 1920-е гг., тем более что в стране еще работали слависты, создавшие себе научное имя в дореволюционный период, и даже предпринимались попытки воплотить эту идею в жизнь, правда, с кратковременным успехом. Нарастание военной угрозы в восточной части Европы во второй половине 1930-х гг., трагическая судьба государственности чехов в 1938–1939 гг. показали, что изучения и популяризации истории только народов СССР и великих держав (именно на это было нацелено постановление советского руководства от 15 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории в школах) недостаточно.

Ареал проживания славянских народов — в непосредственной близости от границ СССР, в условиях современного уровня развития средств коммуникации и ведения войны — превратился в область наших жизненных интересов, поэтому возникла потребность в профессионально подготовленных специалистах, знающих не только современное положение славянских стран, но и их историю, особенности менталитета населяющих их народов. Приходило понимание, что славистика — это не буржуазная националистическая наука (такое мнение в предшествующие годы имело хождение в кругах, принимающих решения в области науки), а важная и практически необходимая общественно-гуманитарная дисциплина, развитие которой способно принести пользу обществу и государству. Конечно, для убеждения «инстанций» в правильности такого подхода к славистике потребовались немалые усилия видных славистов, руководства исторического факультета и МГУ и, конечно же, его партийной организации[3].

Новое подразделение исторического факультета начало свою деятельность 1 сентября 1939 г. Главная заслуга в его создании принадлежит академику Владимиру Ивановичу Пичете (1878–1947), приват-доценту Московского университета (1910–1911 гг.), профессору 2-го МГУ (1918–1920 гг.), советскому эксперту на Рижской мирной конференции 1920–1921 гг., организатору и ректору Белорусского государственного университета (1921–1929 гг.), фигуранту «академического дела» в 1929–1931 гг., освобожденному из ссылки в 1934 г. Его соратником был профессор Карлова университета Зде-

[3] Подробнее об этом см.: *Белявская И.М., Воронков И.А.* Советское славяноведение в Московском университете // Вестник Московского университета. 1968. № 1. С. 3–11; *Карасев В.Г.* Кафедра истории южных и западных славян // Историческая наука в Московском университете, 1934–1984 /Отв. ред. Ю.С. Кукушкин. М., 1984. С. 183–204; *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла… Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. М., 2009.

нек [Романович] Неедлы (1878–1962), с помощью советского полпредства в Праге эмигрировавший в 1939 г. в СССР. Именно усилиями В.И. Пичеты и его единомышленников впервые в отечественном университетском славяноведении история зарубежных славянских народов была выделена в самостоятельную дисциплину, был преодолен «филологический уклон», доминировавший в российской дореволюционной и послеоктябрьской славистической науке (к слову сказать, историческая славистическая кафедра появилась в МГУ раньше, чем филологическая).

С 1939 г. до настоящего времени кафедра прошла долгий, непростой, временами чрезвычайно сложный путь развития. За это время сменилось пять ее заведующих: академик АН СССР В.И. Пичета (1939–1947 гг.), профессор Сергей Александрович Никитин (1947–1967 гг.), доцент Иван Александрович Воронков (1961–1973 гг.), профессор Виктор Георгиевич Карасев (1973–1991 гг.), профессор Геннадий Филиппович Матвеев (1991 г. — н. в.). Ныне в ее коллективе всё более заметную позицию занимает четвертое поколение сотрудников (научные «правнуки» Пичеты, Неедлого и Никитина). Кафедра славян стала одним из базовых структурных подразделений исторического факультета МГУ (кафедра читает общий курс истории славян на 2–4-м курсах бакалавриата). В 2010-х гг. на ней работало 6 профессоров, в том числе 4 штатных, все другие преподаватели были доцентами[4].

Уже в 1950–1960-е гг. определились базовые принципы специализации, устойчиво сохраняющиеся в кафедральном учебном плане независимо от действующей модели образования. Главный из них — высококачественная подготовка студентов, что достигается углубленной языковой подготовкой (не менее 4-х часов в неделю), достаточной для написания полноценной бакалаврской ВКР, полновесным овладением историей страны специализации (годовой курс по 4 часа в неделю). Приобретенные навыки и умения дополняются общими знаниями об истории славянских государств и народов, получаемыми на общем курсе, а также в ходе изучения источниковедения, историографии, специальных исторических дисциплин.

Второй принцип: выбираются не разовые, проходные, а имеющие перспективу изучения в магистратуре и аспирантуре темы курсовых и бакалаврских студенческих работ. В итоге каждая ступень обучения — это составная часть единого процесса подготовки профессионального историка-слависта.

---

[4] *Ненашева З.С.* Университетская славистика двух последних десятилетий // Славянский мир профессора Матвеева /Отв. ред. Ю.А. Борисёнок, А.Н. Литвинова, З.С. Ненашева. М., 2013. С. 10–21. (Историки-слависты МГУ. Кн. 10).

Третий принцип: максимальное использование историографии на славянских и европейских языках, что расширяет исследовательский горизонт наших выпускников.

И последний принцип — студент, прослушавший годовой курс истории страны и проработавший в просеминаре, который дает ему возможность определиться со своими предпочтениями, самостоятельно выбирает научного руководителя и тему исследования, руководствуясь собственными склонностями и интересами, научный же руководитель обязан оценить ее перспективность и наличие/доступность источников. Навыки приобретения и презентации полученных знаний шлифуются в четырех кафедральных семинарах по новой и по новейшей истории.

Благодаря такому наполнению учебного процесса, а также традиции работать «по максимуму» защищаемые на кафедре бакалаврские ВКР практически мало чем отличаются от дипломных работ эпохи специалитета, а в чем-то их даже превосходят. Всё, о чем сказано выше, — это тот багаж практического и востребованного жизнью опыта, который кафедра накопила за восемь с лишним десятилетий своей работы.

Последние десятилетия в истории кафедры — это часть истории страны, университета и исторического факультета. Преобразования 1990-х гг. в базисе и надстройке общества не могли обойти и систему высшего образования. Первые, пока еще косметические меры (например, перепрофилирование кафедр истории КПСС) не затронули кафедру славян, хотя она и занималась историей стран, входивших в советский блок. В тот момент мы с благодарностью вспомнили наших старших коллег, прежде всего И.А. Воронкова и В.Г. Карасева, сумевших в годы «перестройки» отбить натиск поддерживаемых Минвузом СССР сторонников преобразования университетских славистических подразделений в кафедры истории социалистических стран от Северной Кореи до Кубы[5]. Курс руководства страны на введение в РФ Болонской системы образования вначале был встречен нейтрально: казалось, что особый статус МГУ позволит избежать неизбежного слома привычной и достаточно эффективной системы высшего исторического образования, обеспечивавшей, по крайней мере на историческом факультете МГУ, высокий уровень профессиональной подготовки как студентов, так и аспирантов. Но, как известно, этого не случилось.

---

[5] *Матвеев Г.Ф., Ненашева З.С.* Кафедра истории южных и западных славян // Славянских древностей обитель. Кафедре истории южных и западных славян — 80 лет /Отв. ред. Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева, Ю.А. Борисёнок. М., 2020. С. 10–85. (Историки-слависты МГУ. Кн.13).

Если говорить о содержательной стороне реформы, то главной проблемой стало то, что ее разработчики, учитывая заинтересованность своих коллег-преподавателей в сохранении нагрузки и мало обоснованное, по крайней мере в университетах, нежелание части студентов продолжать обучение в магистратуре или в нашей аспирантуре, ужали прежнюю пятилетнюю программу специалитета до четырех лет бакалавриата. У этого решения, как всегда, две стороны. Одна — хорошая, ибо уже на первом образовательном уровне сохранена прежняя программа подготовки профессионалов, умеющих работать с большим объемом информации, т.е. аналитиков. Об этом свидетельствует уровень защищаемых бакалаврами выпускных квалификационных работ (в большинстве случаев, как уже говорилось, они мало чем отличаются от прежних дипломных сочинений). Вторая — не очень: существенно увеличилась нагрузка как на студентов, так и на их научных руководителей. К тому же, в силу специфики процедуры выпуска студентов-бакалавров в МГУ на полтора месяца укорочен учебный цикл 8-го семестра. Стало крайне затруднительно направлять студентов даже на кратковременные стажировки за рубеж или внутри страны. Очевидно, что заметно сократилось время для работы в библиотеках, не говоря уже об архивах.

Сотрудники кафедры истории южных и западных славян для того, чтобы не утратить ее специфику, принимали самое активное участие в разработке нового учебного плана. Удалось сохранить главную особенность этого плана, в пользу которой говорит вся история кафедры: ориентацию на углубленную страноведческую специализацию с одновременным учетом того, что специализация на кафедре строится по вертикали, от периода заселения славянами европейского пространства до современности. Фактически кафедральная программа воспроизводит на страноведческом материале общефакультетскую систему обучения.

После внедрения реформы базовая часть обучения в бакалавриате кафедры включает в себя общий курс истории славян, разделенный на три части: Средневековье, Новое время, Новейшая история, который теперь читается всем студентам факультета синхронно с другими курсами по всеобщей истории. Это существенное достижение, к которому стремились наши предшественники на протяжении нескольких десятилетий. Кроме того, обязательными являются годовые курсы источниковедения, историографии, просеминары по Новой и по Новейшей истории по славянской проблематике, спецсеминар на 4-м курсе. Сохранилось углубленное изучение языков народов специализации. Абсолютно новым стал годовой курс «Введение во вспомогательные исторические дисциплины».

Такая программа подготовки бакалавров на кафедре изначально подразумевала, что наши студенты, овладев основами специальности «историк-славист», могут продолжать свое образование в магистратуре не только нашей кафедры, но и иных подразделений, специализирующихся по истории, философии, политологии, культурологии, журналистике, занимающихся сферой управления и менеджмента, других факультетов и вузов, и тем самым — самореализоваться в других сферах знания.

Оптимальный учебный план кафедральной магистратуры сформировался не сразу. Его основу составили курсы, не вошедшие в программу бакалавриата: историческая география, экономическая география, палеография, архивоведение. Со временем от чтения палеографии в магистратуре отказались, теперь необходимые знания по этой дисциплине даются студентам бакалавриата в курсе вспомогательных исторических дисциплин. Из новых курсов, оправдавших свое появление и вызывающих непосредственный интерес у студентов, сохраняется вплоть до сегодняшнего дня «Современный славянский мир». Затем в учебный план были введены курсы «Славянский мир Средневековья и раннего Нового времени» (с 2021 г.) и «Славянский мир Нового времени» (с 2024 г.). Все три курса коллективные и преследуют цель сформировать у студентов комплексное видение истории славянских народов в более широком региональном и общеевропейском контексте. Еще одним новым предметом стал в первоначальном варианте магистерской программы курс «Основы исследовательских технологий для изучения истории южных и западных славян». Его чтение показало, что он востребован главным образом внешними магистрами, которых к нам приходит не так уж много и не каждый год. Поэтому вместо него стал читаться курс «Академическое письмо», имеющий образовательно-практический характер и нацеленный на помощь студентам, активно работающим над своими выпускными квалификационными работами (диссертациями). Кроме того, преподаватели кафедры предлагают специализирующимся курсы по выбору (спецкурсы), которые систематически обновляются. Причем студентам разрешено посещать такие спецкурсы, читающиеся на историческом факультете в целом, если их тематика соответствует интересам магистров[6].

Вместе с тем, для нас очевидно, что в магистратуре факультета неоправданно велик объем базовых дисциплин, нередко далеких

[6] Кафедра истории южных и западных славян // Исторический факультет МГУ: от юбилея к юбилею: очерки /Под ред. Л.С. Белоусова, Д.А. Андреева. М., 2024. С. 87–95.

от нужд подготовки профильных специалистов. И это при том, что у магистров недостаточно времени для зарубежных стажировок, а также работы в архивах и библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга.

Немало проблем и в области подготовки аспирантов. Хотя следует признать, что руководство факультета и университета прилагает много усилий для ее совершенствования и приближения к цели подготовки не просто высокообразованного специалиста, а ученого, кандидата наук. И, тем не менее, программа аспирантуры столь насыщенна, что фактически сокращает реальный срок работы над диссертацией до двух лет. Кроме того, не учитывается и то обстоятельство, что нынешние аспиранты, которые ко всему прочему старше своих предшественников эпохи специалитета, не могут прожить на мизерную стипендию. Поэтому все они пользуются своим законным правом на труд, вследствие чего работа над диссертацией затягивается. В таких условиях очень важен правильный выбор перспективной темы научного исследования еще в бакалавриате. В пользу этого говорит и наш опыт последнего десятилетия, когда несколько наших аспирантов представляли работы на предзащиту в начале 3-го курса аспирантуры.

В целом же следует признать, что реформа в сфере высшего образования в связи с переходом на Болонскую систему не повысила кардинально качества подготовки историков-славистов. Она также не улучшила положения ни преподавателей, ни студентов. Не стало приоритетным поступление наших выпускников в зарубежные вузы. Конечно, можно обвинить в этом разработчиков образовательных стандартов, но ведь они в своей деятельности были ограничены спускаемыми сверху не очень внятными, но при этом достаточно жесткими директивами.

Приятно осознавать, что наше мнение совпадает с оценкой положения в системе высшего образования и подготовки научных кадров руководством страны. Но если планируемый переход этой системы на новые основы будет вновь сводиться к еще более изощренной формализации, то ситуацию опять придется спасать профессорам и преподавателям ведущих университетов страны.

Конечно, подготовка квалифицированных кадров и просто просвещенных людей — это главное, ради чего с XI в. в мире стали создаваться университеты. Нет для преподавателя более духоподъемного момента, чем блестящая публичная защита руководимым тобой бакалавром, магистром, аспирантом своего выпускного сочинения. Это значит, что в свое время он разглядел и помог молодому человеку, выбравшему его в качестве научного наставника, воплотить в тексты его интеллектуальные планы и творческие намерения.

Но при этом кафедра — это коллектив ярких, творческих, креативных ученых. Не секрет, что все факультетские кафедры давно уже пополняются главным образом собственными выпускниками. И это нормально, ведь мы, как никто другой, хорошо знаем своих выпускников. За шесть лет тесного творческого взаимодействия с руководимым нами сначала студентом, а затем аспирантом складывается достаточно полное представление о нем не только как исследователе и человеке, но и потенциальном коллеге на педагогическом поприще. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, ибо не каждый хороший исследователь может и хочет заниматься рутинной на первый взгляд дидактикой. Глядя со стороны, кажется, что учебные планы стабильны, читаемые курсы повторяются из года в год. Однако на практике они перманентно совершенствуются, с учетом множества факторов, от уровня подготовки пришедших на факультет абитуриентов вплоть до их интереса к отдельным историческим событиям и эпохам. Подлинной творческой мастерской для преподавателей являются курсы по выбору (спецкурсы), на которых он может «обкатать» разрабатываемую им в данный момент проблему, познакомить студентов и аспирантов с результатами своей научной деятельности, но эти курсы — лишь дополнение к обязательным дисциплинам учебного плана. Выявление талантливых, но в то же время ориентированных на преподавательскую работу, несмотря на смутные перспективы кадрового роста (и не без оснований) выпускников аспирантуры — это второе из необходимых условий поддержания работоспособности кафедры.

Это отступление от темы статьи не случайно. За прошедшее десятилетие кафедра не единожды сталкивалась с необходимостью поиска сотрудников на освободившиеся ставки. Учитывая, что учебный процесс на кафедре построен по вертикальному (средневековая, новая и новейшая история), а не горизонтальному принципу, в случае отсутствия специалиста по какому-то из периодов полноценная страноведческая подготовка просто прекращается. До 2020 г. такого рода проблемы решались за счет приглашения в совместители ведущих специалистов из Института славяноведения РАН, но в последние пять лет мы лишены такой возможности. За прошедшую декаду кафедра неоднократно сталкивалась с необходимостью срочно заполнить возникшую, как правило неожиданно, вакансию. Так было в связи с выходом на пенсию доцента Е.Ф. Фирсова в 2015 г. и профессора Л.В. Гориной в 1920 г., кончиной профессора Л.П. Лаптевой в 2016 г., уходом из университета профессора М.В. Дмитриева в 2024 г. Приглашение на работу на кафедре нашей выпускницы А.А. Ждановской в 2016 г. и преподававшей на ней до

2024 г. только на время сняло проблему подготовки специалистов по новейшей истории Чехии и Словакии. Замену Л.П. Лаптевой удалось найти только в 2019 г. На этот раз, кажется, удачную. Н.Н. Наумов, окончивший кафедру истории Средних веков, не только активно занимается научной работой, но и с удовольствием преподает. Вакансия по польскому Средневековью пока не заполнена. Причина проста: в Москве нет профессоров, специалистов по истории Польши в Средние века и раннее Новое время, готовых резко изменить свою трудовую биографию. А молодого кандидата наук нельзя зачислить на должность профессора или доцента, ему нужна ставка стартовая: ассистента, что предпочтительнее, но труднодостижимо, или младшего научного сотрудника. Таких вакантных ставок на факультете нет.

Непростой опыт преодоления кадровых трудностей показал, что лучше не дожидаться критического момента, а предвосхищать их. Сделать это в условиях нашего университета, как уже сказано выше, не просто, но всё же возможно. Для начала следует понять, в каких специалистах вскоре может возникнуть серьезная потребность. После этого определиться с возможными кандидатами, посовещаться с коллегами, ведь им придется вместе работать не один десяток лет, и только затем выяснять жизненные планы молодого специалиста.

Взятая на вооружение стратегическая линия на кадровое омоложение приносит свои плоды. Начиная с 2019 г. среди преподавателей кафедры резко выросла прослойка в возрасте до 40 лет. Кроме уже упомянутого Н.Н. Наумова, это выпускники кафедры А.Е. Кузьмичева, А.И. Бабоша, Д.К. Богомолова. Немного старше В.С. Путятин. То есть почти половина сотрудников кафедры — это молодежь. Есть и кадровый резерв, главное теперь — не потерять его. И тогда кафедра будет готова к полноценному переходу на новую систему высшего образования.

Определяющее отличие университетского преподавателя от сотрудника академического института в том, что он решает две взаимосвязанные задачи, и главная из них — преподавание, подготовка профессиональных кадров. С учебной работой связано и написание учебников и учебных пособий. В 2022 г. вышел в свет новый университетский учебник «История южных и западных славян», на этот раз не в 2-х, а в 3-х томах. Изложение материала доведено в нем до 2019 г.[7]

[7] История южных и западных славян: учебник. В 3-х т. Т. 1: Средние века и раннее Новое время; Т. 2: Новая история; Т. 3: Новейшая история / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой, В.Б. Прозорова. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2022.

Не менее существенную роль в жизни преподавателя играет научная деятельность: выступления с докладами на научных конференциях, написание статей и монографий. Научная активность — это важный критерий при прохождении конкурсов на занятие должности, при подготовке докторской диссертации, наконец, при получении стимулирующих выплат. К тому же, заниматься наукой — просто интересно и познавательно.

У каждого из сотрудников кафедры — своя стезя в этом измерении. Одни пишут статьи, продолжая разрабатывать интересующую их проблематику, другие занимаются публикацией документов, кто-то собирает силы и концентрируется на монографии. Но всех их объединяет участие в подготовке к выходу в свет продолжающейся кафедральной серии «Историки-слависты МГУ». В 2015–2024 гг. в ней вышло восемь книг, в том числе пять сборников статей и две монографии (В.К. Терехова и Г.Ф. Матвеева). Кроме того, помимо этой серии были опубликованы еще две монографии: Н.Н. Наумова и Л.В. Кузьмичевой (в Сербии). Сотрудники кафедры (Ю.А. Борисёнок и П.Е. Лукин) занимались переводческой работой. Особенно активным был Ю.А. Борисёнок, познакомивший российского читателя с творчеством польских авторов Я. Кухажевского («От белого до красного царизма». Т. 1–7), С. Цат-Мацкевича (3 книги), Р. Дыбоского, Б. Лаговского. Сотрудники кафедры публиковались в отечественных и зарубежных научных журналах, сборниках, коллективных монографиях, участвовали с докладами в российских и зарубежных конференциях. Полную информацию об их публикаторской активности легко найти в «Истине» МГУ[8]. Новым важным моментом в научной работе следует считать участие Г.Ф. Матвеева, О.А. Дубовик и А.Е. Кузьмичевой в исследовательских грантах Российского государственного научного фонда и Российского научного фонда в составе творческих коллективов совместно с коллегами с кафедр новой и новейшей истории и истории России XX–XXI веков. За такими межкафедральными исследовательскими коллективами будущее.

С 2024 г. начал работать ежемесячный научный семинар «Славянские встречи», организуемый О.А. Дубовик, А.Е. Кузьмичевой и Д.К. Богомоловой, ориентирующийся прежде всего на студентов и аспирантов. На каждое заседание приглашаются два докладчика: один с кафедры, второй — внешний.

Говорить о дальнейших перспективах развития кафедры в настоящий момент сложно. Мы можем только надеяться, что неодно-

[8] См. также информацию в книге: Кафедра истории южных и западных славян // Исторический факультет МГУ: от юбилея к юбилею: очерки. С. 87–95.

кратные высказывания на самом высоком государственном уровне о важности исторической грамотности россиян воплотятся в реальность.

Но это не значит, что мы не должны думать о главном: как сберечь наши лучшие образовательные практики, нашу дисциплину — историческую славистику. Ведь только на кафедре истфака МГУ налажена настоящая, системная подготовка специалистов по истории наших ближайших соседей в Восточной Европе, в которых нуждается не только академическая наука и вузы гуманитарного профиля, но и государственные учреждения, включая МИД. Ближайшая и важнейшая для кафедры задача — завершить процесс ее комплектации молодыми кадрами, знающими и ценящими сложившиеся традиции и готовыми их развивать и обогащать, разрабатывать новые курсы, и при этом активно заниматься научным творчеством.

References

Belyavskaya I.M., Voronkov I.A. *Sovetskoe slavyanovedeniye v Moskovskom universitete* [Soviet Slavistics at Moscow University] // *Vestnik Moskovskogo universiteta.* Series 8. *Istoriya.* 1968. N 1. P. 3–11.

Dostal' M.Yu. *Kak Feniks iz pepla… Otechestvennoe slavyanovedeniye v period Vtoroy mirovoy voyny i v pervye poslevoennye gody* [Like a Phoenix from the Ashes… Domestic Slavistics during World War II and the Early Postwar Years]. Moscow: Indrik, 2009. 463 p.

Istoriya yuzhnykh i zapadnykh slavyan: uchebnik [History of the Southern and Western Slavs: Textbook]. In 3 vols /Ed. by G.F. Matveev, Z.S. Nenasheva, V.B. Prozorov. 4th ed., revised and expanded. Moscow: KDU; Universitetskaya kniga, 2022. Vol. I. *Srednie veka i rannee Novoye vremya* [The Middle Ages and Early Modern Times]. 408 p.; Vol. II. *Novoye vremya* [Modern Times]. 410 p.; Vol. III. *Noveysheye vremya* [The Contemporary Period]. 328 p.

Kafedra istorii yuzhnykh i zapadnykh slavyan [Department of the History of Southern and Western Slavs] // *Istoricheskiy fakul'tet MGU: ot yubileya k yubileyu: ocherki* [Faculty of History, Moscow State University: From Anniversary to Anniversary: Essays] /Ed. by L.S. Belousov, D.A. Andreev. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2024. P. 87–95.

Karasev V.G. *Kafedra istorii yuzhnykh i zapadnykh slavyan* [Department of the History of Southern and Western Slavs] // *Istoricheskaya nauka v Moskovskom universitete, 1934–1984* [Historical Science at Moscow University, 1934–1984] /Ed. by Yu.S. Kukushkin. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1984. P. 183–204.

Kochubinskiy A.A. *Nachal'nye gody russkogo slavyanovedeniya. Admiral Shishkov i kantsler gr. Rumyantsev* [The Early Years of Russian Slavistics. Admiral Shishkov and Chancellor Count Rumyantsev]. Odessa: Tipografiya "Odesskogo vestnika", 1887–1888. 492, 26 p.

Lapteva L.P. *Slavyanovedeniye v Moskovskom universitete v XIX — nachale XX veka* [Slavistics at Moscow University in the Nineteenth and the Early Twentieth Century]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1997. 292 p.

Lapteva L.P., Nenasheva Z.S. *Slavyanovedeniye* [Slavistics] // *Istoricheskaya nauka v Moskovskom universitete, 1755–2004* [Historical Science at Moscow University, 1755–2004]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2004. P. 393–459.

Matveev G.F., Nenasheva Z.S. *Kafedra istorii yuzhnykh i zapadnykh slavyan* [Department of the History of Southern and Western Slavs] // *Slavyanskikh drevnostey obitel'. Kafedre istorii yuzhnykh i zapadnykh slavyan — 80 let* [The Abode of Slavic Antiquities. The Department of the History of Southern and Western Slavs, 80 Years] / Ed. by G.F. Matveev, Z.S. Nenasheva, Yu.A. Borisenok. Moscow: Izdatel' Stepanenko, 2020. P. 10–85. (*Istoriki-slavyisty MGU* [Historians-Slavists of Moscow State University]. Book 13).

Nenasheva Z.S. *Universitetskaya slavistika dvukh poslednikh desyatiletiy* [University Slavistics of the Last Two Decades] // *Slavyanskiy mir professora Matveeva* [The Slavic World of Professor Matveev] /Ed. by Yu.A. Borisenok, A.N. Litvinova, Z.S. Nenasheva. Moscow: Rodina-media, 2013. P. 10–21. (*Istoriki-slavyisty MGU* [Historians-Slavists of Moscow State University]. Book 10).

Поступила в редакцию
10 ноября 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-6-61-83

Л.В. Байбакова, Л.С. Белоусов

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ США В УСЛОВИЯХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

L.V. Baibakova, L.S. Belousov

THE EVOLUTION OF METHODOLOGY IN US POLITICAL HISTORY IN THE CONTEXT OF THE ANTHROPOLOGICAL TURN

Аннотация. В статье рассмотрены противоречивые итоги эволюции историографии политической истории США в конце XX — начале XXI в. В условиях поливариантности исследовательских парадигм анализируются теоретико-методологические подходы, обусловившие обновление основ американской историографии, выявляются ключевые тенденции, возникшие на основе междисциплинарных альянсов. Отказ от изучения наследия «великих деятелей» и переключение внимания на рядового обывателя минувших эпох, его внутренний мир и повседневное поведение обусловили крутой поворот от макро- к микроистории, где главный акцент делается

Байбакова Лариса Вилоровна, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Baybakova Larisa Vilorovna, Doctor in History, Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

lbaibakova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9433-0478

Белоусов Лев Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии образования, исполняющий обязанности декана и заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ректор Российского международного олимпийского университета

Belousov Lev Sergeevich, Doctor in History, Professor; Full Member, Russian Academy of Education; Acting Dean, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Head, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Rector, Russian International Olympic University

lbelousov@olympicuniversity.ru

ORCID: 0000-0002-0567-3912

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

на соотношении целей «большой» политики с интересами конкретного человека, выступающего одновременно в качестве субъекта и объекта властных отношений. Первоначально исследования касались специфики электорального процесса в рамках концепций «партийной перегруппировки» и «критических» выборов, затем интерес ученых переместился в сферу политической культуры избирателей, а позже сам предмет дисциплины растворился в перипетиях социальной политики. Политическая история, пройдя длительный путь эволюции, не обрела целостного представления о прошлом. Ее междисциплинарные альянсы, вылившиеся в активное использование инструментария смежных гуманитарных наук, привели к существенной фрагментации предметного поля, обусловив создание «новой» дисциплины без границ, которую отличает аморфность, отсутствие широкой концептуализации, утрата целостного представления, ориентированность на микроуровневый анализ. Одновременно произошел радикальный сдвиг в восприятии обществом политической истории. При этом обратной стороной популяризации научных знаний стало изменение способов их репрезентации. С появлением Интернета возникли новые медиаформы в виде прямого диалога между представителями академической и «любительской» истории, стремящиеся адаптировать научные знания под нужды массовой культуры. Перед академической общественностью встает вопрос о том, как донести до массовой аудитории объективные исторические знания. Некоторые ученые считают, что для преодоления разрыва между кабинетными и сетевыми знаниями требуется реинкарнация политической истории, превращение ее в «синтетическую и интегративную» науку, в которой понятие «политический» понимается максимально широко.

***Ключевые слова*:** западная историография, политическая история США, школа «Анналов», антропологический поворот, изучение истории «снизу вверх», смена сюжетных предпочтений, междисциплинарность, утрата целостного представления о прошлом, методологический тупик.

Abstract. The article examines the contradictory results of the evolution of historiography of US political history in the late twentieth and early twenty first centuries. In the context of the multiplicity of research paradigms, it analyses the theoretical and methodological approaches that led to the renewal of the foundations of American historiography and identifies the key trends that emerged on the basis of interdisciplinary alliances. The rejection of the study of the legacy of "great figures" and the shift of attention to ordinary people of past eras, their inner world and everyday behavior led to a sharp shift from macro- to microhistory, where the main emphasis is placed on the relationship between the goals of "big" politics and the interests of a specific person, who acts simultaneously as the subject and object of power relations. Initially, research focused on the specifics of the electoral process within the concepts of "party regrouping" and "critical" elections. Subsequently, scholars shifted their focus to the sphere of the political culture of voters. Finally, the subject of the discipline itself dissolved into the vicissitudes of social policy. The study of political history, having undergone a protracted process of evolution, has not yet developed a coherent view of the past. The interdisciplinary alliances have resulted in the active use of tools from related humanities, leading to significant fragmentation of the subject field. This has resulted in the

creation of a "new" discipline characterized by amorphousness, a lack of broad conceptualization, a loss of a holistic view, and a focus on micro-level analysis, devoid of any clearly defined boundaries. Concurrently, a radical shift has occurred in the societal perception of political history. Nevertheless, the dissemination of scientific knowledge has concomitantly engendered a transformation in its representation. The advent of the Internet gave rise to new forms of media, facilitating direct dialogue between representatives of academic and "amateur" history. These dialogues sought to adapt scientific knowledge to the needs of mass culture. The academic community is confronted with the challenge of disseminating objective historical knowledge to a general audience. It is the position of some scholars that in order to bridge the gap between armchair and online knowledge, political history must be reincarnated as a "synthetic and integrative" science, in which the concept of "political" is understood as broadly as possible.

***Keywords*:** Western historiography, political history of the United States, Annales School, anthropological turn, bottom-up approach to history, shift in narrative preferences, interdisciplinarity, loss of a holistic view of the past, methodological impasse.

* * *

На рубеже XX–XXI вв. мировая историческая наука столкнулась с новыми вызовами. Наиболее существенными среди них были два: глобализация, подвигшая ученых к переосмыслению прежних научных парадигм, и крушение марксистско-ленинской идеологии, служившей методологической основой для многочисленных историков различной левой ориентации. Развитие гуманитарных наук устремилось в русло так называемых «когнитивных» (антропологического, культурного, лингвистического, пространственного, визуального и др.) поворотов, обусловивших фундаментальную трансформацию ценностных оснований. Речь шла о падении авторитета макрообъяснительных моделей ушедших эпох и подчеркнутый интерес к жизни конкретного человека, его умонастроениям, культуре и поведению. Тем самым западная историография рассталась с привычным изображением прошлого в виде широкой картины мира и ограничилась мозаичным коллажем из многочисленных исторических срезов, направленных на изучение повседневной жизни и ментальности «маленького человека».

Данному подходу к изучению истории сопутствовала утвердившаяся в историософских исследованиях концепция дискретности, где базовым методологическим принципом стало понятие дисконтинуитета (разрыва, разнонаправленности, фрагментарности) исторического процесса[1]. Нарушив преемственность этапов развития, она нанесла сокрушительный удар по историзму, утвердившемуся

[1] *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977; *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2007. С. 109–110.

в историографии с XIX в. в качестве основополагающего методологического принципа познания прошлого. Если ранее история гуманитарного знания была представлена в виде линейной последовательности легко вычленяемых культурно-исторических концептов, то авансцену сегодняшнего дня заполнило «запутанное накопление соперничающих (или, в некоторых случаях, пересекающихся) парадигм»[2]. История уже не рассматривалась как эволюционный процесс, обусловленный социально-экономическими изменениями, а была представлена «чередой дискретностей, лишенных закономерностей, обладающих разнообразной природой исторических фактов и эпох»[3]. В мировоззренческом отношении подобный подход означал утверждение плюралистической парадигмы, провозглашение принципа множественности, фрагментацию культурного единства, усиление внимания к внутреннему миру человека.

История становилась многоуровневой и многособытийной в контексте существовавших для каждой конкретной исторической эпохи так называемых «эпистем», трактуемых в качестве проблемного поля, определяющего уровень научных представлений, образующихся из дискурсов разных научных дисциплин[4]. В национальных школах на первый план выдвинулись направления, в которых в наибольшей степени ощущалось обновление традиционных основ исторического знания: во Франции — история ментальности, в Великобритании — антропологически переформатированная социальная история, в Германии — историческая память, в Италии — локальная история и история повседневности, в США — гендерная история, рост интереса к которой в период с 1975 по 2015 г. составил 797 %. Одновременно традиционные направления исторических исследований во многом утратили господствующее положение. Так, в США среди субдисциплин, сдавших свои позиции за последние 40 лет, аутсайдерами оказались: история внешней политики и дипломатии (спад интереса на 60 %), экономическая история (57 %) и интеллектуальная история (46 %)[5]. Только две слабо подверженные методологи-

---

[2] *Гумбрехт Х.У.* Как антропологический поворот может затронуть гуманитарные науки? // НЛО. 2012. № 2. С. 18–24.

[3] *Репина Л.П.* Историческая теория после «культурного поворота» // Диалог. 2007. Вып.20. С. 5–13; *Шутова О.М.* Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX — начале XXI веков. Минск, 2007. С. 73–75; *Лаптева М.П.* Методологические «повороты» гуманитарного знания и их влияние на историческую науку // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 65–79.

[4] *Фуко М.* Указ. соч. С. 60.

[5] *Townsend R.B.* The Rise and Decline of History Specializations over the Past 40 Years // Perspectives on History. 2015. December 1. —URL: https://www.historians.org (дата обращения 15.09.2024).

ческим веяниям области историографии — военная и политическая история — испытали в указанный период 10-процентное увеличение интереса, при этом речь шла о трудах, написанных преимущественно в русле нового научного мейнстрима, поскольку внимание ученых привлекали не сами события, а проблематика сознания, чувств и ощущений индивидов, принимавших в них участие[6]

Парадигмальный сдвиг в области гуманитарного знания на рубеже XX–XXI вв. вынес на повестку дня вопрос о необходимости осмысления нового измерения истории и, как ее результата, оценки оформившихся в последние годы новых субдисциплин. Яркой иллюстрацией методологического поворота, претерпеваемого исторической наукой, стала политическая история США, где главный акцент сделан на соотношении целей «большой» политики с интересами конкретного человека, выступающего одновременно в качестве субъекта и объекта властных отношений[7]. В итоге это направление исследований, традиционно находившееся среди приоритетов исторического поиска, оказалось на грани исчезновения. Статьи по политической истории все чаще исключались из журналов широкого профиля, в университетах лекционные курсы, ориентированные на традиционную интерпретацию власти и политики, были отменены, в штатном расписании исчезали вакансии преподавателей, специальности которых якобы утратили актуальность.

Эти факты отражали серьезный кризис в изучении политической истории США, основанный на смене методологической парадигмы исследований. Может ли он стать исходным рубежом нового этапа в историографии? Если новые (более мелкие на фоне предыдущих) области исследования дополняют, расширяют и углубляют общее видение исторического процесса, то поворот к их изучению ведет к более емкой картине мира. Если такая картина не складывается, оставаясь «мозаикой», мы вправе говорить о системном кризисе важного, на наш взгляд, научного направления.

В настоящее время метаморфоза, произошедшая с теоретическим багажом, методологией и понятийным аппаратом политической истории, еще не стала объектом специального изучения в отечественной литературе. Одной из первых попыток переосмысления аксиом исследовательской практики стало издание в 2019 г. сотрудниками ИВИ РАН коллективной монографии «Историки в поисках

---

[6] *Гладышев А.В.* Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 136–150. — URL: https://roii.ru/r/1/59.8 (дата обращения 15.09.2024).

[7] *Appleby J., Hunt L., Jacob M.* Telling the Truth About History. New York; London, 1995. P. 292–306.

новых перспектив». Анализируя основы очередной концептуальной модели истории, авторы обосновали собственное представление о сущностных изменениях, происходящих в западной исторической науке[8]. Продолжая намеченную ими критическую линию в оценке этих перемен, представляется целесообразным оценить последствия антропологического поворота в изучении политической истории на примере США, охарактеризовав как этапы ее эволюции, так и возможные перспективы развития.

Напомним, что становление политической истории как полноценного и самостоятельного направления исторической науки произошло в середине XIX в., когда немецкий ученый Л. фон Ранке сформулировал критерии историко-критического метода. Своей главной задачей он провозгласил изучение исторических личностей сквозь призму их «важнейших и государственных деяний» на основе объективного изложения фактов. Отказывая себе в праве творить суд над историей, он призывал к строго научному воспроизведению действительности, показу того, «как это было на самом деле». Разработанная им методика изучения источников, основанная на принципах внутренней и внешней критики, была нацелена на осмысление уникальности всех событий при главенствующей роли политики[9]. Последователи Ранке, отмечали, что «история — это политика прошлого, а политика — история настоящего»[10].

Со временем ограничение политической истории деятельностью «великих героев» разных эпох стало вызывать недовольство научной общественности, считавшей, что усложнение общественно-политической жизни после Второй мировой войны требует внесения корректив в понимание сути ее компетенции. «Что такое история и зачем ею заниматься? — эти вопросы носились в воздухе на рубеже 1950-х — 1960-х гг., — вспоминал современник описываемых событий американский историк Д. Ратмэн. — Является ли история жанром искусства, служащим для развлечения? Или она позволяет подняться на высоту, с которой можно судить о добре и зле в человечестве? Или все-таки история — в некотором роде точная наука, стремящаяся объяснить человеческие взаимоотношения во времени и посему вносящая свой вклад в зарождающуюся “науку об обществе”»?[11]. Поиски в истории «прошлого, пригодного для ис-

---

[8] Историки в поисках новых перспектив. М., 2019.

[9] *Савельева И., Полетаев А.* Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. Вып. 18. 2007. С. 68–96.

[10] *Freeman E.* Lectures to American Audiences. Philadelphia, 1882. P. 207–208.

[11] *Ратмэн Д.* «Новая социальная история» в США // Новая и новейшая история. 1990. № 2. С. 69. Эти вопросы волновали специалистов и прежде. Выда-

пользования», совпали с распадом господствовавшей в середине XX в. школы консенсуса, так как студенческие волнения, движение за гражданские права и антивьетнамский синдром показали отсутствие единодушия в американском обществе.

Почву для выработки новой парадигмы в американской исторической науке во многом подготовила французская школа «Анналов». Отказавшись от деления социума на разные сферы бытия, она попыталась воссоздать многоуровневую и «очеловеченную» картину исторического прошлого во всей ее целостности[12]. В центре внимания ученых оказалось не обезличенное общество, а ценностные ориентации отдельно взятого человека или группы лиц, приобретенные в процессе самопознания. По словам французского историка Л. Февра, «предмет наших исследований — не какой-нибудь фрагмент действительности, не один из обособленных аспектов человеческой деятельности, а сам человек, рассматриваемый на фоне социальных групп, членом которых он является»[13].

В США поворотным пунктом для пересмотра устаревшего концепта стало появление в 1948 г. статьи Т. Кохрана, в которой он обвинил предшественников в подмене политической истории так называемым «президентским синтезом», представлявшим упрощенную схему власти. Изучение исключительно деятельности высокопоставленных государственных деятелей (президентов, конгрессменов или сенаторов) искажало, по его мнению, картину политической жизни, поскольку за рамками исследований оставались разнообразные явления региональной политики[14]. О массовых событиях, происходивших в стране, судили по элитным нарративным источникам (мемуарам, речам государственных мужей, дипломатической переписке и проч.), однако почерпнутые из них сведения о мировоззрении человека из высшего общества неправомерно соотносились с жизнью «класса, региона и даже общества в целом». По словам Кохрана, политическая история, выступавшая от лица власть имущих, вела к ложным обобщениям, на основе которых было сложно судить о настроениях разных слоев социума.

Усилившиеся с 1970-х гг. поиски новых траекторий исторической науки, получившие название «антропологического» (социо-

---

ющийся французский историк Марк Блок, погибший в застенках гестапо в 1941 г., написал не утратившую своей актуальности книгу «Апология истории, или Ремесло историка», впервые опубликованную в 1949 г.

[12] *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.

[13] *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 25–36.

[14] *Cochran T.* The "Presidential Synthesis" in American History // American Historical Review. 1948. Vol. 53. N 4. P. 752.

культурного) поворота, были тесно связаны с необходимостью обновления совокупности научных подходов, используемых для изучения взаимосвязи не столько отдельно взятых лиц или групп людей с институтами власти, сколько особенностей их менталитета и миропонимания. Речь шла о формировании в политической истории нового мейнстрима «с человеческим лицом». В ходе начавшегося обновления исторических знаний неминуемо встал вопрос о поиске достоверной информации в связи со сменой методологических ориентиров и трансформации представлений о способах получения знания. Сомнению подверглась мысль о возможности адекватного истолкования историком текста, написанного много лет назад. Для его более или менее четкого понимания требовалось исходить из представления о том, что исторический дискурс представляет собой не более чем воображаемую конструкцию, существующую в уме того или иного автора, а определенный тип исторического сознания проецирует особый характер историописания. Основной задачей исследователя объявлялось формулирование адекватного представления о смысловом наполнении источника, поскольку, как точно сформулировал французский культуролог Р. Барт, «нет ничего вне текста»[15]. Новые требования к пониманию исторического нарратива коррелировали представление о самом предмете политической истории.

Одним из первых всерьез задался вопросом о том, какой должна быть политическая история, американский теоретик С. Хейс. Традиционное деление на политическую, экономическую, социальную и интеллектуальную истории представлялось ему искусственным размежеванием, поскольку политика, касавшаяся взаимоотношений между людьми, затрагивала все аспекты жизни общества. Он считал, что в силу этих обстоятельств ошибочно изолировать политические отношения от остальных сторон жизни общества и рассматривать их в вакууме, отдельно друг от друга, вне социального окружения и культуры. «Политическая жизнь, — указывал Хейс, — состоит из многих экономических, социальных, культурных и идеологических граней, которые должны быть охвачены историческим анализом, … как факторы, лежащие вне формальных институтов и формирующие гораздо более широкую панораму событий»[16]. Таким образом, речь шла не только о новом угле зрения на историю, но и особом способе рассмотрения прошлого с точки зрения межличностных связей. С легкой руки Хейса границы политической истории были значительно расширены за счет крена в сторону социального анализа.

---

[15] *Барт Р.* Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 462–518.

[16] *Hays S.* American Political History as Social Analysis. Knoxville, 1980. P. 374.

Призыв к поиску нового научного ориентира был с пониманием воспринят в академических кругах, считавших, что нельзя анализировать общественно-политическую жизнь исключительно по формально-функциональному признаку без углубленного изучения тех социальных сил, на основе которых ранее формировался пресловутый «президентский синтез». За аксиому было взято изучение истории «снизу вверх», поэтому объектом стала деятельность миллионов людей, чьи «истории» воспринимались как часть плюралистического прошлого. Научный интерес сместился с глобальных общественных структур (экономики и форм политического устройства) на изучение поведения отдельных социальных слоев в конкретных жизненных ситуациях. Макроисторический подход был заменен микроисторией. И хотя объект исследования «помельчал» и спустился с федерального центра на уровень штатов и даже городов, рассматриваемых в качестве малых сообществ, изучение разнообразных поведенческих практик носило плодотворный характер. Речь шла о попытке «интегрировать элиту и общество, отцов-основателей и их последователей, иерархов и плебеев для того, чтобы создать синтетическое повествование, способное объединить множество изолированных и разрозненных исследований о прошлом Америки»[17]. В центре внимания ученых впервые оказалось так называемое «молчаливое большинство», включавшее афроамериканцев, индейцев, женщин и разнообразные этнические группы[18].

Смена масштаба наблюдения выявила не только новые пласты истории, основанные на ранее неизвестных фактах, но и подтолкнула ученых к критическому переосмыслению традиционных представлений. В частности, упор был сделан на так называемом «социальном анализе» политики, призванном объяснить, как идеологически обусловленные общественные отношения воплощаются в политической деятельности и мировоззрении людей. Изучение форм массового поведения различных социальных групп осуществлялось на основе широкого применения математико-статистических и количественных методов, «позволявших на объективной основе значительно углубить анализ внутреннего механизма, закономерностей и особенностей функционирования и развития явлений, и процессов исторической действительности»[19].

---

[17] Beyond the Founders: New Approaches to Political History of the Early American Republic. Chapel Hill, 2004. P. 387–412.

[18] *Bogue A*. New Political History in the 1970s // The Past Before Us: Contemporary Historical Writing in the United States. Ithaca; London, 1980. P. 231–238.

[19] Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983. С. 36.

Первым исследованием, в котором была предпринята попытка социального анализа политики, стала опубликованная в 1961 г. «Концепция джексоновской демократии» Л. Бенсона. С помощью математических методов автор оспорил главный тезис прогрессистской школы о наличии в обществе постоянного классового конфликта. Анализ голосования избирателей на выборах 1840–1844 гг. в штате Нью-Йорк показал, что водораздел между партиями вигов и демократов пролегал не по уровню материального достатка, а по конфессиональной принадлежности. Выявление главенствующей роли этнокультурного фактора в политическом размежевании общества подвело автора к выводу о том, что «по крайней мере с 1820 г., когда избирательное право для мужчин стало всеобъемлющим, этнические и религиозные различия, похоже, стали самым важным источником политического развития»[20]. Классовый конфликт, тем самым, переводился в русло межнациональных противоречий, поскольку считалось, что «этнокультурные вопросы в большей степени важны для избирателей, чем тарифы, регулирование трестов или железных дорог. Они напрямую касаются жизни людей…»[21]. Из подобных утверждений следовало, что именно этничность представляет реальную основу для выработки партиями альтернативного курса, понятного рядовым избирателям в таком многонациональном государстве, как США.

В этнокультурной модели поведения избирателей содержалось рациональное зерно. Общеизвестно, что религия играла важную роль в американской истории на ранних этапах государственности. В частности, в работах П. Клеппнера, посвященных этнизации политического пространства Америки, убедительно доказано, что в конце XIX в. 75 % католиков традиционно голосовали за демократов, в то время как республиканцев поддерживало такое же количество избирателей, принадлежавших протестантским деноминациям[22]. В этой связи интерес многих ученых определялся стремлением понять, как национальность и религия формируют массовое сознание и обусловливают принадлежность людей к той или иной партии, когда и в какой степени этнокультурные ценности приобрели для избирателей значительно большее значение по сравнению с материальным достатком.

Одним из существенных результатов этнокультурной интерпретации истории стало формирование концепции циклического

[20] *Benson L.* The Concept of Jacksonian Democracy. Princeton, 1961. P. 165.

[21] *Hays S.* American Political History as Social Analysis. Knoxville, 1980. P. 300.

[22] *Kleppner P.* The Cross of Culture: A Social Analysis of Midwestern Politics, 1850–1900. New York, 1970.

развития двухпартийной системы, в которой голосование на выборах было объявлено основной формой участия граждан в политическом процессе, а федеративное устройство государства предполагало частое переизбрание должностных лиц в представительные органы власти. В динамично развивающейся двухпартийной системе были выделены качественно отличные друг от друга модели, или «партийные эры» (1789–1824, 1828–1854, 1860–1896, 1896–1932, 1932–1980, 1980–2008 гг.). Границами между ними считались президентские выборы 1800, 1828, 1860, 1896, 1932, 1980 и 2008 гг., названные «критическими»[23]. Их итогом становились долговременные изменения в коалиции избирателей, резкое усиление межпартийной борьбы и, наконец, складывание новой расстановки общественно-политических сил в стране, обусловливавшей изменение вектора государственного курса. Со временем теория «критических выборов» была развернута в понятие «партийно-политическая перегруппировка», куда были включены все годы, в ходе которых шла перестройка партийных организаций и избирательных коалиций. При этом были уточнены типы выборов — от «сохраняющихся», т.е. подтверждающих традиционное межпартийное размежевание и победу партии большинства, до «отклоняющихся», на которых побеждала партия меньшинства[24].

Проведение электоральных исследований было невозможно без использования количественных методов, с помощью которых была написана большая часть работ на данную тему. Однако повальное увлечение клиометрией было непродолжительным. Под огнем критики оказалось излишне пристальное внимание ученых к электоральным сдвигам в ущерб изучению социально-экономической проблематики и эволюционных процессов в политической системе. В академических кругах накопилась усталость от огромного числа цифр и компьютерных распечаток, которыми изобиловала «новая» политическая история[25]. Многие ученые не понимали, почему они должны заниматься исключительно анализом поведения избирателей, игнорируя ход самих выборов, деятельность политиков и работу органов государственной власти. После нескольких десятилетий усиленного изучения электоральной статистики многие из них до конца так и не поняли, что же представляет собой феномен партий-

[23] *Burnham W.D.* Critical Elections and the Mainsprings of American Politics. New York, 1970; *Sundquist J.L.* Dynamics of the Party System. Alignment and Realignment of Political Parties in the United States. Washington, 1983.

[24] *Paulson A.* Electoral Realignment and the Outlook for American Democracy. Boston, 2007. P. 3–11.

[25] *Wilentz S.* On Class and Politics in Jacksonian America // Review in American History. 1982. Vol. 10. N 4. P. 48.

ной перегруппировки[26], поскольку в ходе любых выборов неминуемо происходят те или иные изменения в избирательном корпусе, а пришедшая к власти партия обязательно вносит что-то новое в политический курс. По мнению скептиков, если «критические» выборы и имели место в XIX в., то в XX в. они стали менее «внятными»[27]. Теория «критических выборов» оказалась не в состоянии объяснить, что происходит с электоратом, в чем причины его фрагментации, роста доли независимых избирателей и неуклонного падения лояльности по отношению к правящим партиям.

Разочарование заставило ученых искать новые способы объяснения прошлого. Поведение избирателей стало реконструироваться с помощью категории «политическая культура», под которой понималось «исторически сложившаяся система широко распространенных, фундаментальных, поведенчески-эмоциональных, психологических, общественно-политических ценностей, проявляющихся в сознании и деятельности субъектов политического процесса»[28]. Носителей единой политической культуры отличала этническая и религиозная однородность, схожее мировоззрение, общность образа действий. Вот почему разногласия между избирателями объяснялись принадлежностью к разным типам политической культуры: одна из них определялась нормами протестантской этики, а другая — традициями католицизма. «Приверженность избирателей определенной партии, — уточнял П. Клеппнер, — не связана с некоей классовой принадлежностью, а, напротив, является выражением общих морально-этических принципов, присущих той или иной этнокультурной группе»[29]. Отсюда следовал ранее сформулированный в рамках этнокультурной школы вывод о том, что избиратели в США никогда не были организованы вокруг социально-экономического полюса, для них более важными являлись этнокультурные ценности. Однако оставалось неясным, «от чьего имени и чьим голосом должна быть озвучена национальная культура», ведь ею мог быть голос раба и плантатора, рабочего и фермера, представителей федерального центра и периферии[30].

---

[26] *Carmines E., Stimson J.* Issue Evolution: Race and Transformation of American Politics. Princeton, 1989. P. 25.

[27] The End of Realignment? Interpreting American Electoral Eras. Madison, 1991. P. 24–37.

[28] *Mayhew D.* Electoral Realignments. A Critique of an American Genre. New Haven, 2002. P. 14–33; Voters, Parties and Elections: Quantitative Essays in the History of American Popular Voting Behavior. Lexington (Mass.); Toronto, 1971. P. 49.

[29] *Kleppner P.* The Third Electoral System. P. 73, 196–197.

[30] *Rozenzweig R.* What is the Matter with the History // Journal of American History. 1987. Vol. 74. N 1. P. 118.

Между тем сведение политической истории к противоречиям между разными субкультурами обусловило своеобразную интерпретацию многих явлений. Например, считалось, что в основе образования фермерских партий конца XIX в., зародившихся среди местного населения (преимущественно «янки»), лежали этнокультурные, а не социальные антагонизмы. В этой связи движение популистов объявлялось «религиозным возрождением, крестовым походом» за идеалы культурной однородности протестантизма[31]. Из подобной интерпретации напрашивался парадоксальный вывод о том, что если фермерское движение выступало под знаменем протестантизма, то рабочие организации должны были придерживаться прямо противоположных взглядов, поскольку они состояли преимущественно из иммигрантов иных конфессий. Однако в действительности рабочие вместе с фермерами действовали в рамках единого антимонополистического фронта. И хотя совпадение их интересов объяснялось принадлежностью к низшим слоям населения, главная парадигма этнокультурной школы столкнулась с непреодолимым методологическим дуализмом. В дальнейшем категоричность подобных суждений была оспорена в ходе определения критериев «социального измерения» человека-гражданина, среди которых социально-экономическим характеристикам придавалось гораздо большее значение, чем фактору этничности[32].

В итоге, политическая история, пройдя длительный путь эволюции, не обрела целостного представления о прошлом, представшего теперь в виде сложного мозаичного полотна, разбитого на отдельные части. Ее отличала аморфность, статичность, отсутствие широкой концептуализации, утрата целостного представления о прошлом, несопоставимость целей и результатов исследований[33]. Если одни ученые утверждали, что политическая история, несмотря на явные просчеты, наконец-то предстала «во всеобъемлющей сложности», другие не уставали вопрошать о пределах ее возможного членения: «… то, что раньше выглядело как группа, превращается в амальгаму групп; то, что было культурой, становится серией культур. … Не значит ли это, что мы должны разрывать на части каждую изучаемую категорию до состояния, когда любые обобщения становятся

[31] *Kleppner P.* The Third Electoral System. P. 291.

[32] *Hammarberg M.* The Indiana Voter: The Historical Dynamics of Party Allegiance During the 1870s. Chicago, 1977. P. 177.

[33] *Degler C.* In Pursuit of an American History //American Historical Review. 1987. Vol. 92. T. 1. P. 1–12; *Estes T.* Searching for Synthesis: The Fragmentation of Early American History and the Prospects for Reunification // The Register of The Kentucky Historical Society. 2006. Vol. 104. N 1. P. 95–126; *Baker J.* Politics, Paradigms and Public Culture // Journal of American History. 1997. Vol. 84. N 3. P. 894–899.

невозможными»[34]. Более того, усложнение масштаба исторического познания на основе методологии сопредельных гуманитарных дисциплин не способствовало появлению фундаментальных трудов, наподобие бестселлеров Ч. Бирда или А. Шлезингнера[35], несмотря на то, что исследователям и удалось попутно решить ряд частных проблем. В этой связи возникает вопрос о том, что же приобрела политическая история в ходе концептуальной трансформации, сколь далеко оказались сдвинутыми границы политического пространства за счет проникновения инструментария смежных гуманитарных дисциплин?

Начнем с того, что изменилось содержание самой политической истории, которая ныне воспринимается как межотраслевая дисциплина, расположенная на стыке общественных наук, прежде всего, политологии, правоведения, социологии и культурологии. По мнению отечественных ученых, произошла ее переориентация с макроисторической парадигмы на новый «диверсифицированный» методологический арсенал детализируемого соотнесения актора (человека) с «политическим», его процессами, структурами, трендами»[36]. Во всяком случае, это уже не история президентов и их ближнего круга, поскольку объектом изучения являются политические отношения в самом широком смысле слова, соотносимые с понятиями «власти и права, государства и нации, равенства и справедливости, самобытности и ординарности, гражданства и цивилизованности»[37]. Подобная широкая повестка политической истории обусловлена тем, что многое было почерпнуто из междисциплинарного инструментария, в результате чего возникли новые предметные отрасли (история социальных движений, сексуальности, расовой несправедливости и проч.), которые нередко сравнивают с «глазурью на торте» реальной политической истории — «сладкой, но несущественной». По словам американских ученых, «расширение того, что считается “приемлемой” историей, произошло… именно за счет политической истории»[38].

Действительно, за последние десятилетия предмет политической истории был несоразмерно расширен. На смену традицион-

---

[34] *Levine L.* The Unpredictable Past: Reflections on Recent American Historiography // American Historical Review. 1989. Vol. 94. N 3. P. 671–679.

[35] *Beard Ch.* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. New York, 1913; *Schlesinger A.M., Jr.* The Cycles of American History. Boston, 1986.

[36] *Тхагапсоев Т.Г.* В поисках методологической парадигмы политической науки. Принцип идентичности // Полис. 2013. № 4. С. 173–181.

[37] *Rosanvallon P.* Democracy Past and Future. New York, 2006. P. 36.

[38] *Rogers R.* The Strange Death (?) of Political History // Hunto. 2016. September 9. — URL: https://earlyamericanists.com (дата обращения 15.09.2024).

ным категориям государства пришло изучение феномена власти и ее символики, а инструментом анализа стало лежавшее в основе социализации человека понятие идентичности, предполагавшее, в отличие от жестких социально-классовых категорий, осознание себя через «самость»[39]. Из столь широкого понимания концепта политической истории следовало, что любые действия людей могли быть отнесены к ее сфере. Тем самым вектор политики переместился из государственных зданий на улицы, в дома и даже спальни рядовых американцев, поэтому государственные мужи были вынуждены делить политическое пространство с местными рабочими, европейскими и азиатскими иммигрантами, афроамериканцами, индейцами и остальными представителями ранее «молчаливого большинства». Например, согласно доводам специалистов по гендерной истории, феминизм, изучающий общественно-политическую деятельность женщин, фактически пополнил политическую историю[40]. Между тем значительное расширение границ политического пространства неминуемо вело к растворению традиционного предмета исследования среди других направлений исторической науки. Не случайно, новая политическая история, ориентированная на межотраслевой дискурс, распалась на отдельные направления, при этом внутри каждого из них оформилась собственная специализация, обусловливая тем самым маргинализацию изучения политического прошлого Америки.

Союз истории со смежными гуманитарными дисциплинами, ставший матрицей для последующих междисциплинарных альянсов, на первых порах был весьма плодотворным. В рамках социализации политической истории возникли новые подходы в изучении взаимоотношений государства и общества на разных уровнях власти, влиянии этнокультурных факторов на политический процесс, анализа политических практик разных общественных организаций и т.д. Иными словами, в центре исследований оказался широкий спектр проблем, ранее весьма условно входивших в круг политических отношений. Симптоматично, что и сами ученые относили свои изыскания к таким новым направлениям науки, как социальная, интеллектуальная или транснациональная история[41]. Обратной стороной междисциплинарности стало отсутствие стыковки между новыми направлениями, каждое из которых развивалось независимо от

---

[39] *Рикёр П.* Я — сам как другой. М., 2008. С. 20–22.

[40] *Offen K.* The History of Feminism is Political History // Perspectives on History. 2011. Vol. 49. N 5. — URL: https://www.historians.org (дата обращения 15.09.2024).

[41] *Huret R.* All in the Family Again? Political Historians and the Challenge of Social Policy // Journal of Policy History. 2009. Vol. 21. N 3. P. 239–263.

других. В качестве примера можно сослаться на работы политологов и культурологов, посвященные политической деятельности рабочего класса. Если первые стремились выявить, «как, когда и в какой степени рабочие участвовали в политике, как их идеология соотносилась с политической культурой», то вторых интересовал ответ на вопрос: «в какой степени американский капитализм обусловливал формирование классового сознания рабочих»[42]. Несмотря на схожесть поставленных задач, разница методологических подходов привела к противоположным результатам: политологи провели анализ этнокультурной интерпретации поведения рабочих, а культурологи показали, как классовые отношения «вплетаются» в политическую сферу.

Негативной стороной увлечения ученых междисциплинарностью явилось не только падение престижа одной из основополагающих мировоззренческих дисциплин, но и исчезновение политической истории из учебных планов исторических факультетов в университетах США. Социализация истории привела к повальному увлечению социальными науками. Число исследователей, занимающихся политической историей, сократилось с 1975 по 1995 г. с 40 до 30 %[43]. Согласно подсчетам Американской ассоциации историков, недостаток в квалифицированных кадрах по этой специальности испытывают 3/4 университетов и колледжей, однако за последние 10 лет сайт академических вакансий "H-Net" предложил всего 15 подобных рабочих мест. В 2024 г. среди 35 победителей четырех популярных исследовательских грантов отсутствовали исследования по политической истории, а преобладала этнокультурная и гендерная тематика[44].

Учитывая сложившуюся ситуацию, руководство Американской исторической ассоциации в январе 2017 г. было вынуждено констатировать факт исчезновения в университетах предмета «политическая история» и его замену лекционными курсами, посвященными истории бизнеса, протестным движениям чернокожих, студенческому спорту, кинематографу, феминизму и проч. Печальным оказался итог комплексного анализа политической истории, проведенного в 2011 г. на страницах журнала "Perspectives on History". Он был сформулирован в одной фразе: «традиционная поли-

---

[42] *Oestreicher R.* Solidarity and Fragmentation: Working People and Class Consciousness in Detroit, 1875–1900. Urbana (Ill.), 1986. P. 125.

[43] *Haber S., Kennedy D., Krasner S.* Brothers Under the Skin: Diplomatic History and International Relations // International Security. 1997. Vol. 22. N 1. P. 34–43.

[44] *West R.* 2024 AHA Research Grant Winners // Perspectives on History. 2024.Vol. 62. N 5. — URL: https://www.historians.org/perspectives (дата обращения 15.09.2024).

тическая история мертва»[45]. Хотя с точки зрения ряда исследователей, она «почила странной смертью», поскольку «понимание нашего политического прошлого стало гораздо полнее, чем в годы славы историка А. Шлезингера»[46]. Сложившуюся ситуацию разъяснили университетские профессора Ф. Логвэлл и К. Осгуд в передовице газеты "New York Times", вызвав бурную дискуссию в академическом сообществе. По их словам, «американская политическая история… пришла в упадок. Все меньше ученых строят карьеру по изучению политического процесса, отчасти потому, что мало университетов выделяют им рабочие места. Доступно меньше курсов, и меньше студентов знакомятся с ними. То, что когда-то было центральной частью исторической профессии, … исчезает»[47]. По общему мнению, речь идет о «погребальной песне по политической истории, …как последнего куплета в длинной балладе, выпущенной на волю историографическими революциями 1960–1970-х гг.»[48].

Одновременно произошел радикальный сдвиг в восприятии обществом политической истории. Обратной стороной популяризации научных знаний среди широких слоев населения стало изменение способов их репрезентации. Если ранее познание шло посредством литературы, радио, кино и телевидения, то с открытием Интернета появились новые медиаформы в виде прямого диалога между представителями академической и «любительской» истории. Чрезвычайно популярными стали научные кафе, онлайн-интервью, интерактивные музеи и проч. Многие американцы, осознавая преимущества обретения ученой степени по истории (6 из 15 хозяев Белого дома: Ф.Д. Рузвельт, Л. Джонсон, Р. Никсон, Дж. Буш-старший и младший, Дж. Байден имели соответствующую степень бакалавра), большую часть информации все же черпают не из трудов ученых, а из Интернета. Не проходит и дня, чтобы модные обозреватели не сравнили Дональда Трампа с такими эпатажными политиками, как Хью Лонг или Джордж Уоллес, заставляя слушателей вникать в дела давно минувших дней. Всё это свидетельствует о том, что сюжеты из политической истории сейчас воспроизводятся повсюду, но чаще не в университетских аудиториях, а в медийном пространстве: в многочисленных ток-шоу, социальных сетях и мес-

---

[45] *Pincus S., Novak W*. Political History After the Cultural Turn // Perspectives on History. 2011. Vol. 49. N 5. — URL: https://www.historians.org (дата обращения 15.09.2024).

[46] *Rogers R.* Op. cit.

[47] *Logevall F., Osgood K.* Why Did We Stop Teaching Political History? // New York Times. 2016. August 29.

[48] *Rogers R.* Op. cit.

сенджерах, дающих возможность пользователям мгновенно обмениваться мнениями. Можно говорить о рождении так называемой «публичной истории», стремящейся адаптировать исторические знания под нужды массовой культуры[49]. Междисциплинарная по своей направленности и граничащая с теориями коммуникации и культурологии, она делает историю не просто привлекательной для широких масс, но и способствует бурным дискуссиям на актуальные темы современности.

В условиях начавшейся дигитализации исторических знаний, обусловивших новый уровень коммуникации между обществом и наукой, перед академическими кругами встал вопрос о том, как донести до массовой аудитории достоверные исторические факты и знания в качестве достояния нации. С одной стороны, ученые, успешно овладевая новыми методиками исследований и опираясь на новые виды источников, способствуют качественному обновлению представлений о прошлом, с другой — в средствах массовой информации происходит тиражирование упрощенных стереотипов. Так, на волне охвативших США расовых беспорядков и всплеска движения "Black Lives Matter" началось переписывание национальной истории. Ряд чернокожих политиков выступил с инициативой переосмысления роли афроамериканцев в создании национального государства, в рамках которого свобода и рабство диалектически дополняли и в то же время взаимно отрицали друг друга.

Ярким примером тенденциозного осмысления ушедшей в прошлое эпохи рабовладения стал выход в 2019 г. августовского номера журнала "New York Times Magazine". В нем обосновывался «неизгладимый» вклад афроамериканцев в построение самой богатой и могущественной нации в мире, без которого ее существование не представлялось возможным[50]. Очерки, написанные исключительно чернокожими авторами, подспудно вынесли на повестку дня вопрос об уточнении датировки рождения американской нации. И хотя основополагающей вехой, согласно традиционной точке зрения, считается принятие в 1776 г. «Декларации независимости», с подачи указанного издания им с большим основанием мог бы стать 1619 г., когда первая партия рабов из 20 человек прибыла в одну из британских колоний. После знакомства с подобной интерпретацией истории у читателя может возникнуть вопрос, являются ли представленные нарративы надежным историческим источником или

[49] *Матусевич О.А.* Публичная история: вызов профессиональным историкам или ответ на кризис исторической науки? // Труды БГТУ. Сер. 6. 2019. № 1. С. 108–111.

[50] The 1619 Project // New York Times Magazine. 2019. August 14. P. 14–26.

их следует отнести к новой версии аболиционистской литературы, поскольку все описываемые события, подтвержденные фактами, могут считаться идеологически анганжированными. В любом случае трудно согласиться с утверждением, что существующие в Америке государственные институты созданы исключительно или даже преимущественно вследствие рабовладения. Подобная интерпретация прошлого Америки, исходящая из этнокультурной специфики афроамериканского дискурса, свидетельствует о том, что история все чаще становится полем политических баталий.

В связи с начавшейся дигитализацией исторической науки исследователи все чаще стали задаваться вопросом, что означает сложившаяся ситуация — конец истории или расцвет цифровой культуры?[51] Не случайно в январе 2023 г. президент Ассоциации современного языка К. Ньюфилд посвятил свое выступление способу преодоления разрыва между кабинетными и «сетевыми» знаниями в публичном пространстве. Он заявил, что поскольку достижения гуманитарных наук зачастую генерируются в медиа-среде лицами без соответствующих знаний, профессиональным ученым следует, с одной стороны, занять соответствующие «позиции для *фундаментальных исследований* глубоких и сложных тем», задавая, тем самым, высокий уровень стандартов, а с другой — модернизировать основы обновленного знания, учитывающего не только научные достижения, но и публичное использование прошлого. «Нам не нужно выбирать между общественными и университетскими гуманитарными науками… Нам нужно и то, и другое»[52]. Иными словами, требуется реинкарнация политической истории, превращение ее в «синтетическую и интегративную» науку, в которой понятие «политический» понимается максимально широко.

Существуют и конкретные предложения по восстановлению в правах фундаментальной политической истории, подвергшейся культурно-идеологической трансформации: «Начинать надо с университетского начальства, должного определить политическую историю в числе приоритетных дисциплин, … а меценатам следует жертвовать средства на создание особого профиля должностей профессорско-преподавательского состава и предоставление стипендий

---

[51] *Секиринский Д.С., Липкин М.А.* История и киберпространство: расцвет цифровой культуры или «конец истории»? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Вып. 5 (38). — URL: http://history. jes.su/s207987840001179-5-1 (дата обращения 15.09.2024).

[52] *Newfield C.* Criticism After the Crisis: Toward the National Strategy for Literary and Cultural Study. MLA Presidential Address. 2023. January 7 // Representations. 2023. Vol. 164. N 1. — URL: https://doi.org/10.1525/rep.2023.164.1.1 (дата обращения 15.09.2024).

аспирантам…»[53], способных адаптировать историческое знание для широкой общественности. Конечно, столь широкая программа действий в условиях медиатизации информационного пространства вряд ли может быть осуществлена в кратчайшие сроки, поэтому вопрос о том, как превратить политическую историю в интегративную науку, способную «обеспечить достойное место перед лицом встречных политических, культурных и социальных вызовов», еще долгое время останется открытым.

Одним из первых шагов в этом направлении может стать «возрождение интереса к истории государства и его важнейшим взаимосвязям с гражданским обществом»[54]. Но даже если большая часть предложенных реформ осуществится, политическая история уже не станет прежней. Переосмыслив себя, она многое потеряла. Ее междисциплинарные альянсы, вылившиеся в активное использование инструментария смежных гуманитарных наук, привели к существенной фрагментации предметного поля, обусловив создание «новой» дисциплины без границ. Нам же, видимо, придется согласиться с предсказанием французского теоретика Ж. ле Гоффа, сделанного два десятилетия тому назад о том, что «политическая история — не “становой хребет”, а скорее “ядро” истории»[55].

References

Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth About History. New York; London: W.W. Norton & Company, 1995. 322 p.

Baker J. Politics, Paradigms and Public Culture // Journal of American History. 1997. Vol. 84. N 3. P. 894–899.

Barthes R. *Udovol'stviye ot teksta* [The Pleasure of the Text] // Barthes R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress; Univers; Reya, 1994. P. 261–281.

Beard Ch. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. New York: Macmillan Company, 1913. 354 p.

Benson L. The Concept of Jacksonian Democracy. Princeton: Princeton University Press, 1961. 368 p.

Beyond the Founders: New Approaches to Political History of the Early American Republic. Chapel Hill; London: University of North Carolina Press, 2004. 435 p.

[53] *Logevall F., Osgood K.* Why Did We Stop Teaching Political History? // New York Times. 2016. August 29. — URL: https://www.nytimes.com (дата обращения 15.09.2024).

[54] *Pincus S., Novak W.* Political History After the Cultural Turn // Perspectives on History. 2011. Vol. 49. N 5. — URL: https://www.historians.org (дата обращения 15.09.2024).

[55] *Ле Гофф Ж.* Является ли все же политическая история становыми хребтом истории? // Thesis. 1994. Вып. 4. Т. 2. С. 190.

Bogue A. New Political History in the 1970s // The Past Before Us: Contemporary Historical Writing in the United States /Ed. by M. Kammen. Ithaca: Cornell University Press, 1980. P. 232–251.

Burnham W.D. Critical Elections and the Mainsprings of American Politics. New York: W.W. Norton & Co, 1970. 210 p.

Carmines E., Stimson J. Issue Evolution: Race and Transformation of American Politics. Princeton: Princeton University Press, 1989. 217 p.

Cochran T. The "Presidential Synthesis" in American History // American Historical Review. 1948. Vol. 53. N 4. P. 748–759.

Decline of History Specializations over the Past 40 Years // Perspectives on History. 2015. December 1. — URL: https://www.historians.org

Degler C. In Pursuit of American History // American Historical Review. 1987. Vol. 92. N 1. P. 1–12.

The End of Realignment? Interpreting American Electoral Eras. Madison: University of Wisconsin Press, 1991. 181 p.

Estes T. Searching for Synthesis: The Fragmentation of Early American History and the Prospects for Reunification // Register of the Kentucky Historical Society. 2006. Vol. 104. N 1. P. 95–126.

Fevre L. *Boi za istoriyu* [Combats pour l'histoire]. Moscow: Nauka, 1991. 632 p.

Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Moscow: Progress, 1977. 488 p.

Freeman E. Lectures to American Audiences. Philadelphia: Porter & Coates, 1882. 455 p.

Gladychev A.V. *Antropologicheskiy povorot v voyennoy istorii* [The Anthropological Turn in Military History] // *Dialog so vremynem*. 2017. Vol. 59. P. 136–150. — URL: https://roii.ru/r/1/59.8

Gumbrecht H.U. *Kak antropologicheskiy povorot mozhet zatronut' gumanitarnyye nauki?* [How May the Anthropological Turn Affect the Humanities?] // *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2012. N 2. P. 18–24.

Gurevich A.Ya. *Istoricheskiy sintez i Shkola "Annalov"* [Historical Synthesis and the Annales School]. Moscow: Indrik, 1993. 328 p.

Haber S., Kennedy D., Krasner S. Brothers Under the Skin: Diplomatic History and International Relations // International Security. 1997. Vol. 22. N 1. P. 34–43.

Hammarberg M. The Indiana Voter: The Historical Dynamics of Party Allegiance During the 1870s. Chicago: University of Chicago Press, 1977. 251 p.

Hays S. American Political History as Social Analysis. Knoxville: University of Tennessee Press, 1980. 459 p.

Huret R. All in the Family Again? Political Historians and the Challenge of Social Policy // Journal of Policy History. 2009. Vol. 21. N 3. P. 239–263.

Istoriki v poiskakh novykh perspektiv [Historians in Search of New Perspectives]. Moscow: Akvilon, 2019. 416 p.

Kleppner P. The Cross of Culture: A Social Analysis of Midwestern Politics, 1850–1900. New York: Free Press, 1970. 402 p.

Kleppner P. The Third Electoral System. 1852–1892. Voters, Parties and Political Culture. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1979. 424 p.

Kolichestvennye metody v sovetskoy i amerikanskoy istoriografii [Quantitative Methods in Soviet and American Historiography]. Moscow: Nauka, 1983. 424 p.

Lapteva M.P. *Metodologicheskiye "povoroty" gumanitarnogo znaniya i ikh vliyanie na istoricheskuyu nauku* [Methodological "Turns" in the Humanities and Their Influence on Historical Science] // *Terminologiya istoricheskoy nauki. Istoriopisaniye* [Terminology of Historical Science. Historiography]. Moscow: IVI RAN, 2010. P. 65–79.

Le Goff J. *Yavlyaetsya li vse zhe politicheskaya istoriya stanovymi khrebtom istorii?* [Is Political History the Backbone of History?] // *Thesis.* 1994. Issue 4. Vol. 2. P. 177–192.

Levine L. The Unpredictable Past: Reflections on Recent American Historiography // American Historical Review. 1989. Vol. 94. N 3. P. 671–679.

Logevall F., Osgood K. Why Did We Stop Teaching Political History? // New York Times. 2016. August 29. — URL: https://www.nytimes.com/2016/08/29

Matusevich O.A. *Publichnaya istoriya: vyzov professional'nym istorikam ili otvet na krizis istoricheskoy nauki?* [Public History: A Challenge to Professional Historians or a Response to the Crisis of Historical Science?] // *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta.* Series 6. *Istoriya, filosofiya.* 2019. N 1. P. 108–111.

Mayhew D. Electoral Realignments. A Critique of an American Genre. New Haven: Yale University Press, 2002. 174 p.

Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Moscow: Kanon+, 2007. 480 p.

Newfield C. Criticism After the Crisis: Toward the National Strategy for Literary and Cultural Study. MLA Presidential Address. 2023, January 7 // Representations. 2023. Vol. 164. N 1. — URL:https://doi.org/10.1525/rep.2023.164.1.1

Oestreicher R. Solidarity and Fragmentation: Working People and Class Consciousness in Detroit, 1875–1900. Urbana: University of Illinois Press, 1986. 263 p.

Offen K. The History of Feminism is Political History // Perspectives on History. 2011. Vol. 49. N 5. — URL: https://www.historians.org

Paulson A. Electoral Realignment and the Outlook for American Democracy. Lebanon (NH): University Press of New England, 2007. 200 p.

Pincus S., Novak W. Political History After the Cultural Turn // Perspectives on History. 2011. Vol. 49. N 5. — URL: https://www.historians.org

The 1619 Project // New York Times Magazine. 2019. August 14. — URL: https://www.nytimes.com/interactive/2019/08/14/magazine/1619-america-slavery.html

Repina L.P. *Istoricheskaya teoriya posle "kul'turnogo povorota"* [Historical Theory After the "Cultural Turn"] // *Dialog so vremenem.* 2007. Vol. 20. P. 5–13.

Ricoeur P. *Ya — sam kak drugoy* [Oneself as Another]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 2008. 416 p.

Rogers R. The Strange Death (?) of Political History // The Junto. 2016. — URL: https://earlyamericanists.com/2016/09/09/

Rosanvallon P. Democracy Past and Future. New York: Columbia University Press, 2006. 312 p.

Rozenzweig R. What Is the Matter with the History? // Journal of American History. 1987. Vol. 74. N 1. P. 117–122.

Rutman D. *"Novaya sotsial'naya istoriya" v SShA* [The "New Social History" in the USA] // *Novaya i noveishaya istoriya.* 1990. N 2. P. 66–80.

Savelyeva I., Poletayev A. *Stanovlenie istoricheskogo metoda: Ranke, Marks, Droyzen* [Formation of the Historical Method: Ranke, Marx, Droysen] // *Dialog so vremynem.* 2007. Vol. 18. P. 68–96.

Schlesinger A.M., Jr. The Cycles of American History. Boston: Houghton Mifflin Company, 1986. 498 p.

Sekirinskiy D.S., Lipkin M.A. *Istoriya i kiberprostranstvo: rastsvet tsifrovoy kul'tury ili "konets istorii"?* [History and Cyberspace: The Rise of Digital Culture or the "End of History"?] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 2015. Vol. 5 (38). — URL: http://history.jes.su/s207987840001179-5-1

Shutova O.M. *Istoriografiya i postmodern: vopros ob identichnosti vo vtoroy polovine XX — nachala XXI vekov* [Historiography and Postmodernism: The Question of Identity in the Second Half of the 20th and Early 21st Centuries]. Minsk: BGU, 2008. 277 p.

Sundquist J.L. Dynamics of the Party System. Alignment and Realignment of Political Parties in the United States. Washington: The Brooking Institution, 1983. 388 p.

Tkhagapsoev T.G. *V poiskakh metodologicheskoy paradigmy politicheskoy nauki. Printsip identichnosti* [In Search of the Methodological Paradigm of Political Science. The Principle of Identity] // *Polis*. 2013. N 4. P. 173–181.

Townsend R.B. The Rise and Decline of History Specializations over the Past 40 Years // Perspectives on History. 2015. December 1. — URL: https://www.historians.org (date of retrieval: 20.06.2025).

Voters, Parties and Elections: Quantitative Essays in the History of American Popular Voting Behavior /Ed. by Joel H. Silbey. Lexington (Mass.); Toronto: Wiley, 1972. 434 p.

West R. 2024 AHA Research Grant Winners // Perspectives on History. 2024. Vol. 62. N 5. — URL: https://www.historians.org/perspectives

Wilentz S. On Class and Politics in Jacksonian America // Review in American History. 1982. Vol. 10. N 4. P. 45–63.

Поступила в редакцию
15 октября 2024 г.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Серия 8. ИСТОРИЯ. 2024. Т. 65. № 6. С. 84–104
LOMONOSOV HISTORY JOURNAL. 2024. Vol. 65. N 6. P. 84–104

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-6-84-104

Л.И. Бородкин

ТРЕХМЕРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ЗАДАЧАХ КОМПЬЮТЕРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

L.I. Borodkin

3D MODELING IN THE TASKS OF COMPUTER-BASED RECONSTRUCTION OF CULTURAL HERITAGE: THE MOSCOW STATE UNIVERSITY'S EXPERIENCE

Аннотация. В статье рассматривается история развития 3D-моделирования для осуществления виртуальной реконструкции полностью утраченных или частично сохранившихся объектов культурного наследия. Это направление появилось в России в начале XXI в. Ведущим научным и образовательным центром, занимающимся данной проблематикой, является кафедра исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. На основании материалов, подготовленных сотрудниками этой кафедры, а также другими российскими исследователями, в статье излагаются современные подходы к осуществлению проектов, связанных с созданием 3D-моделей памятников различных объектов российского культурного наследия, анализируются проблемы, накопившиеся за четверть века проведения работ в русле данной темы. Объектами реконструкции являются храмы и монастырские комплексы, исчезнувшая

Бородкин Леонид Иосифович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

*Borodkin Leonid Iosifovich***,** Doctor in History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head, Department of Historical Informatics, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

borodkin@hist.msu.ru

ORCID: 0000-0003-0422-1938

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

историческая городская застройка, индустриальные корпуса, дворянские усадьбы (причем не только экстерьеры усадебных построек, но и их интерьеры, а также окружавшие их парковые ансамбли и другие природные рекреационные комплексы), кабинет императора Николая I, почтовые и железнодорожные станции конца XIX в., тюремный замок XIX в., доходные дома, жилые помещения известных людей, исторические костюмы. Систематизируются сведения о том, что собой представляет источниковая база 3D-моделирования исторических объектов, в чем заключаются специфические особенности изучения ее отдельных компонентов. Приводятся примеры конкретных объектов, которые были виртуально реконструированы на кафедре исторической информатики. Помимо собственно реконструкции конкретных построек, с помощью технологий виртуальной и дополненной реальности воссоздавалась целая пространственная урбанистическая среда, в которой находился объект, восстановленный подобным способом. Такие объекты вместе с исторической средой, в которой они находились, могут воспроизводиться на смартфонах и планшетах, что существенно облегчает использование результатов 3D-моделирования в экскурсионной и просветительской деятельности. Автор делает вывод о возможных перспективах использования наработок в области виртуальной реконструкции исторических объектов в музейных экспозициях, а также при подготовке проектов реконструкции сохранившихся исторических сооружений.

Ключевые слова: историческая информатика, виртуальная реконструкция, искусственный интеллект, историко-культурное наследие, историческая урбанистика, 3D-моделирование, технологии виртуальной и дополненной реальности, Страстной монастырь в Москве, Белый город Москвы, подмосковные усадьбы XVII — начала XX в.

Abstract. The article examines the development of 3D modelling for the virtual reconstruction of cultural heritage sites that are entirely lost or partially preserved. This research direction emerged in Russia in the early 21st century. The Department of Historical Informatics at the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, is the preeminent scientific and educational center in this field. The article draws upon materials prepared by the department's staff and other Russian researchers, and outlines modern approaches to implementing projects related to the creation of 3D models of various monuments of Russian cultural heritage. Moreover, an analysis is conducted of the issues that have accumulated over a period of twenty-five years of work in this area. The reconstructed objects include churches and monastic complexes, historical urban buildings that have since disappeared, industrial structures, noble estates (not only the exteriors of manor houses but also their interiors, as well as the surrounding park ensembles and other natural recreational complexes), the study of Emperor Nicholas I, postal and railway stations of the late 19th century, a 19th-century prison castle, revenue houses, and residential interiors of notable figures, as well as historical costumes. The paper presents a systematic overview of the data concerning the source base of 3D modelling of historical objects, with a particular emphasis on the distinctive characteristics of the analysis of its constituent elements. It provides examples of specific objects virtually reconstructed by the Department of

Historical Informatics. In addition to the reconstruction of specific buildings, VR and AR technologies were utilized to recreate entire urban spatial environments in which these objects once existed. These reconstructions, when coupled with their historical contexts, can be exhibited on smartphones and tablets, thereby markedly enhancing the utilization of 3D modelling outcomes in educational tours and activities. The author concludes with a discussion of the potential for applying developments in virtual reconstruction of historical objects in museum exhibitions and in the preparation of restoration projects for surviving historical structures.

Keywords: historical information science,virtual reconstruction, artificial intelligence, historical and cultural heritage,historical urbanism, 3D modeling, VR and AR technologies, Strastnoy Monastery in Moscow, Moscow White City, suburban estates from the 17th through the early 20th centuries.

* * *

Стремительное развитие компьютерных технологий, а также растущий интерес к автоматизации процессов проектирования в различных сферах деятельности привело к появлению технологий трехмерного моделирования. Для историков наиболее перспективной областью приложений 3D-моделирования стала проблематика виртуальной реконструкции объектов культурного наследия, частично или полностью утраченных. Пионерами исследований в этой междисциплинарной области были археологи, освоившие в последнем десятилетии XX в. новые технологии и соответствующее программное обеспечение. Дальнейшее распространение технологий 3D-моделирования в историко-культурной сфере дало импульс к принятию в 2009 г. «Лондонской хартии компьютерной визуализации культурного наследия»[1].

В России первые публикации исторических 3D-реконструкций начинаются с 2000 г.[2] За четверть века определенный опыт разработок такого рода накоплен группами исследователей в ряде научных центров страны. По числу реализованных исследовательских проектов, научных публикаций, защищенных магистерских диссертаций в этой области лидирует кафедра исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Отметим, что в 2013 г. на историческом факультете МГУ была защищена первая в России кандидатская диссертация данного профиля (автор — со-

[1] London Charter for the Computer-Based Visualization of Cultural Heritage. Draft 2.1. — URL: http://www.londoncharter.org/fileadmin/templates/main/docs/london_ charter_2_1_en.pdf (дата обращения 11.01.2024).

[2] *Баранов Ю. М., Курлаев Е. А.* Реконструкция утраченных промышленных объектов и раритетных технологий с использованием компьютерного моделирования // VII научно-практическая конференция «Российский научно-технический музей: проблемы и перспективы». Т. 1. Нижний Тагил, 2000. С. 46–59.

трудник кафедры исторической информатики Д.И. Жеребятьев)[3], а также и первая монография[4].

Опыт кафедры в разработке цифровых исторических 3D-реконструкций позволил обобщить принципы и этапы таких исследований, конкретизировать соответствующие методологические, методические и источниковедческие аспекты[5]. В данной статье через призму исследований кафедры исторической информатики дается краткий обзор современных подходов в реализации проектов по созданию 3D-моделей объектов культурного наследия, обсуждаются выявленные методологические и источниковедческие проблемы.

* * *

Начиная с 2010 г. на историческом факультете Московского университета развиваются несколько тематических направлений в области создания виртуальных реконструкций объектов культурного наследия, частично или полностью утраченных[6]. В качестве таких объектов рассматриваются монастырские комплексы, храмы, утраченная историческая городская застройка, объекты индустриального наследия, дворянские усадьбы и др. Результаты этих разработок опубликованы в 60 статьях (более 40 из них — в рецензируемых журналах), а также в главах двух коллективных монографий и в упомянутой выше авторской монографии.

С начала 2010-х гг. на кафедре реализовано около 30 проектов по созданию виртуальных реконструкций объектов культурного наследия; при этом на первом этапе каждого проекта ставилась задача оценки информационного потенциала источниковой базы. Исходя из накопленного за эти годы опыта, можно говорить о том, какой набор источников создает обычно возможности для научно обоснованной, верифицируемой виртуальной реконструкции утраченного

---

[3] *Жеребятьев Д.И.* Методы исторической реконструкции памятников истории и культуры России средствами трехмерного компьютерного моделирования: автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2013.

[4] *Жеребятьев Д.И.* Методы трехмерного компьютерного моделирования в задачах исторической реконструкции монастырских комплексов Москвы. М., 2014.

[5] *Бородкин Л.И.* 3D-моделирование, виртуальные реконструкции и VR/AR/MR-технологии в задачах сохранения культурного наследия // Цифровые гуманитарные исследования. Красноярск, 2023. С. 186–220.

[6] *Жеребятьев Д.И.* О методике комплексного исследования источников при виртуальной реконструкции объектов культурного наследия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2010. № 6. С. 68–74; *Бородкин Л.И., Жеребятьев Д.И.* Современные тенденции в разработке виртуальных реконструкций объектов историко-культурного наследия: международный опыт // Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в форматах научного исследования и образовательного процесса: сб. науч. ст. / Под ред. Л.И. Бородкина, М.В. Румянцева, Р.А. Барышева. Красноярск, 2012. С. 10–30.

объекта культурного наследия. Это фотоматериалы, изобразительные источники, письменные источники (включая описания изучаемых объектов, иногда актовые и делопроизводственные материалы, источники личного происхождения), картографические материалы. Но в большинстве случаев важнейшее место в источниковой базе проекта занимает научно-техническая документация (НТД). Применительно к задачам реконструкции исторических зданий НТД включает *план* объекта (чертеж горизонтальной проекции), *чертеж фасада,* а также *разрез* строения[7]. Важной задачей является оптимальный выбор программного и аппаратного обеспечения разработки моделей и их визуализации (с учетом специфики источников и состояния объекта)[8]. Отметим в этой связи, что хорошей основой для создания виртуальных реконструкций стали программы BIM-проектирования для архитекторов, проектировщиков зданий (BIM — *Building Information Model,* цифровая информационная модель здания). Наиболее известная из них — профессиональная программа ArchiCAD, которая использовалась в ряде наших проектов. Адаптация BIM-технологии для применения в задачах виртуальной реконструкции культурного наследия известна как HBIM (*Historic/ Heritage Building Information Model*).

Прежде чем перейти к краткому обзору проведенных за полтора десятилетия кафедральных проектов в данной области исторической информатики, отметим еще один важный аспект реализации каждого проекта создания «академичной» виртуальной реконструкции объекта культурного наследия: учет полидисциплинарного характера таких проектов. Их междисциплинарность очевидна (стык историко-культурных исследований и информатики), но проведение масштабных проектов требует участия и специалистов других профилей (например, архитектора, краеведа и др.), что повышает степень достоверности создаваемых 3D-моделей.

Трехмерное моделирование в исследованиях по исторической урбанистике

С конца 1990-х гг. виртуальные реконструкции исторической городской застройки создаются и в России, и за рубежом. В России наиболее масштабные проекты такого рода в области исторической урбанистики реализованы на базе кафедры исторической инфор-

[7] Подробнее о НТД см.: *Юмашева Ю.Ю.* Источниковая база виртуальных исторических реконструкций объектов историко-культурного наследия: к постановке проблемы // Историческая информатика. 2020. № 3. С. 21–50.

[8] Подробнее об этом см., например: *Бородкин Л.И.* 3D-моделирование, виртуальные реконструкции… С. 189–193.

матики исторического факультета МГУ. Речь идет прежде всего о виртуальной реконструкции московского Страстного монастыря (1654–1937 гг.) и Страстной площади, а также о реконструкции исторического ландшафта и доминантных строений Белого города (центр Москвы, XVI–XVIII вв.). Эти проекты дали возможность, в частности, визуализировать районы центра Москвы XVIII–XIX вв. в том виде, которого уже не существовало к 1930-м гг., а в ряде случаев и гораздо раньше[9]. Обратимся к опыту реализации этих двух проектов, опираясь на публикации участников этих проектов[10].

***Московский Страстной женский монастырь*[11].** Исследование эволюции пространственной структуры монастыря проводилось на основе сформированного комплекса источников, отражающих изменения облика монастырских строений в три ключевых периода: рубеж XVII–XVIII вв., 1830-е гг. и 1910-е гг. Это позволило создать по сути 4D-модель, учитывающую трансформации архитектурно-строительной среды монастыря и Страстной площади на протяжении двух веков. Пространственные изменения этой исторической территории нашли отражение в многочисленных источниках: архитектурных проектах, планах и чертежах зданий, делопроизводственных документах, материалах о реконструкции, реставрации и других изменениях облика монастырских построек, а также в гравюрах, фотографиях конца XIX — начала XX в.

При создании виртуальной реконструкции проводилась оцифровка источников, решались задачи их анализа, включая их датировку, оценку степени их достоверности и полноты, устранение противоречий и т.д. Для восстановления облика монастырского храма использовались как архивные, так и опубликованные материалы. Пространственное расположение строений определялось на основе планов территории монастыря 1757, 1773 и 1831 гг., а также топографических карт, составленных по архивным данным. В 1830-х гг. на прилегающей к монастырю площади насчитывалось более 20 владений, 3D-модели которых были привязаны в ходе исследования к Генеральному плану Страстной площади 1831 г. Важно, что для каждого здания имелись чертежи фасадов, что обеспечило высокую точность создаваемых виртуальных моделей и достоверную качественную визуализацию.

---

[9] *Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Жеребятьев Д.И., Мироненко М.С., Моор В.В.* Репрезентация и визуализация в онлайн результатов виртуальной реконструкции // Историческая информатика. 2015. № 3–4. С. 3–18.

[10] Проекты выполнены под руководством автора данной статьи, при поддержке российских фондов.

[11] Проект был поддержан грантом РНФ (2014–2015 гг.).

Рис.1. Виртуальная реконструкция старой колокольни
Страстного монастыря (до середины XIX в.)

Рис. 2. Виртуальная реконструкция новой колокольни
Страстного монастыря (архитектор М.Д. Быковский, середина XIX в.)

Одной из ключевых построек монастыря являлась колокольня. Старая колокольня, существовавшая до начала 1850-х гг., представлена на нескольких графических и изобразительных источниках, включая чертежи и гравюру фасада монастыря после пожара 1773 г., выявленные в РГИА. На основе этих данных в программе SketchUp была создана виртуальная модель колокольни (рис. 1). В 1853 г. архитектором М.Д. Быковским была построена новая колокольня, запечатленная в различных источниках, в том числе на гравюре 1855 г., отражающей облик Страстной площади (рис. 2). Гравюра была подвергнута анализу в компьютерных программах (ArchiCAD, SketchUp, Unity3D) с целью оценки точности изображения зданий, их размеров, перспективы, цветового оформления фасадов.

Для храма Дмитрия Солунского, прилегавшего к монастырю, сохранились лишь планы, фотографии и гравюры конца XIX — начала XX в. Имеющиеся гравюры дают неточное представление об архитектуре храма, искажая его пропорции. Более точными оказались фотографии, хотя они относятся к более позднему времени. В программе SketchUp с использованием инструмента MatchPhoto анализировались перспективы и параметры зданий, что позволило определить углы съемки и размеры построек. Итоговая 3D-модель храма, полученная с использованием фотограмметрии, представлена на рис. 3.

Рис. 3. Виртуальная реконструкция храма Дмитрия Солунского на Страстной площади, вид на середину XIX в.

Созданная на трех временных срезах компьютерная реконструкция монастырского комплекса и прилегающей застройки Страстной площади демонстрирует новые возможности развития исторической урбанистики в контексте визуального, пространственного и цифрового поворотов в исторической науке. Результаты проекта доступны на сайте исторического факультета МГУ http://hist.msu.ru/Strastnoy/, где представлены источники по каждому из объектов реконструкции, их 3D-визуализации, видеотуры, а также эффекты дополненной реальности.

Виртуальная реальность. На втором этапе работы по Страстному монастырю исследовались возможности технологий виртуальной и дополненной реальности (VR/AR) для совершенствования визуализации результатов реконструкции. Работы проводились в рамках проекта «Комплекс работ по адаптации и созданию WEB версии 3D модели Страстного монастыря и Страстной площади на временных срезах XVII — начала XX в. в единой информационной среде»[12] кафедрой исторической информатики МГУ совместно с лабораторией математического обеспечения имитационных динамических систем механико-математического факультета МГУ[13]. Для «погружения» в историю города были созданы панорамы, доступные на планшетах и смартфонах. Пользователь (или участник экскурсии), находясь на месте утраченной исторической застройки, может с помощью AR-технологий увидеть, как выглядели 100–200 лет назад Страстная площадь и монастырь (которого нет уже с 1937 г.). При этом VR-гарнитуры обеспечивают взаимодействие с виртуальным миром. Результаты проекта представлены на портале, созданном по инициативе Российского исторического общества http://portal.historyrussia.org, демонстрируя новые подходы в исторической урбанистике.

Белый город (центр Москвы). Проект «Пространственная реконструкция исторического ландшафта Белого города Москвы XVII–XVIII вв. с применением современных информационных технологий»[14] был реализован по инициативе кафедры исторической информатики и объединил 11 специалистов из разных научных областей. Проект носил полидисциплинарный характер, в составе его коллектива, кроме сотрудников кафедры, были ИТ-специалист, археолог, архитектор, географ, геолог, краевед-реставратор.

---

[12] Поддержан фондом «История Отечества» в 2017 г.

[13] *Бородкин Л.И., Мироненко М.С., Чертополохов В.А., Белоусова М.Д., Хлопиков В.В.*. Технологии виртуальной и дополненной реальности (VR/AR) в задачах реконструкции исторической городской застройки (на примере московского Страстного монастыря) // Историческая информатика. 2018. № 3. С. 76–88.

[14] Поддержан фондом РФФИ в 2019–2020 гг.

Методология проекта опиралась на определение исторического городского ландшафта, принятое ЮНЕСКО, что подразумевает комплексный и междисциплинарный подход к его изучению, а его эволюция рассматривается как результат воздействия антропогенных факторов и природной среды. Не меньше, а даже больше внимания в проекте уделялось доминантным объектам Белого города — храмам, палатам, монастырским строениям (основным объектом на территории Белого города был Ивановский женский монастырь).

В ходе архивной работы были собраны и оцифрованы различные источники, включая письменные, картографические, изобразительные, топографические материалы, старые фотографии, сведения о владельцах городских усадеб, строительных работах, переписях дворов, церковных владений и т.д. Учитывая сложный рельеф Белого города, важную роль сыграли данные археологических раскопок и геолого-геоморфологические исследования[15]. Основной временной срез для реконструкции — середина и вторая половина XVIII в., так как этот период лучше обеспечен источниками.

На основе собранных данных были решены следующие задачи: создание базы данных об объектах Белого города; 3D-реконструкция рельефа территории; виртуальная реконструкция пяти доминантных строений Белого города XVII–XVIII вв. (храмы и гражданские здания)[16]: церковь князя Владимира в Старых Садех, собор Усекновения главы Иоанна Предтечи Ивановского монастыря, городская усадьба Ф.А. Головина — княгини Н.С. Щербатовой, палаты Голицыных, палаты думного дьяка Емельяна Украинцева и др.; размещение реконструированных объектов на воссозданном рельефе; разработка виртуальной среды для использования VR-технологий.

Для создания 3D-моделей применялись технологии лазерного сканирования и аэрофотосъемки. Например, с помощью этих технологий была создана модель храма Владимира в Старых Садех на основе облака точек (их количество — 73 млн). Виртуальная реконструкция проводилась с использованием программы ArchiCAD, а сложный рельеф восточной части Белого города был воссоздан с помощью ГИС-программы QGIS.

В рамках проекта была создана виртуальная среда, позволяющая пользователю совершить виртуальный тур по территории Бе-

---

[15] *Бородкин Л.И.* О виртуальной реконструкции исторического городского ландшафта Белого города // Историческая информатика. 2019. № 4. С. 90–96.

[16] *Ким О.Г., Моор В.В., Жеребятьев Д.И.* Виртуальная реконструкция доминантных объектов исторической застройки Белого города Москвы (XVI–XVIII вв.) // Историческая информатика. 2020. № 2. С. 100–134.

лого города[17], погрузиться в атмосферу Москвы XVIII в., посетить Ивановский монастырь, осмотреть усадьбу знатного человека. Для достижения реалистичной визуализации специалисты МГУ разработали программно-аппаратный комплекс на основе шлема виртуальной реальности высокого разрешения. Система отслеживает движения пользователя и моделирует взаимодействие с объектами виртуального мира в реальном времени, обеспечивая погружение в воссозданную среду. Технологии VR/AR позволяют синхронизировать движения человека с виртуальным пространством, создавая эффект физического присутствия (иммерсивные эффекты). Результаты проекта, включая интерактивный виртуальный тур, доступны на сайте http://www.landscape.vrmsu.ru/

Виртуальная реконструкция индустриального наследия

Постиндустриальное развитие приводит к завершению жизненного цикла многих промышленных объектов и предприятий, которые становятся ненужными из-за изменений спроса, производственных технологий или ужесточения экологических стандартов. Вопрос о дальнейшем использовании фабричных зданий эпохи индустриализации и устаревшего производственного оборудования остается предметом обсуждений. Эта проблема приобрела актуальность в 1970-х гг., а в 1978 г. был учрежден Международный комитет по сохранению индустриального наследия (TICCIH), который предложил подходы к решению этой проблемы[18]. Речь идет прежде всего о музеефикации — перепрофилировании старых промышленных зданий в объекты культуры и туризма. В ряде стран накоплен такой опыт организации общественных пространств. Так, в России создан ряд музеев-заповедников (например, музей-заповедник «Горнозаводской Урал» в Екатеринбурге, эко-индустриальный технопарк «Старый Демидовский завод» в Нижнем Тагиле). Другие направления трансформации территорий старой промышленности связаны с созданием на их базе рекреационных объектов, образовательных учреждений, а также коммерческих центров, арт-объектов и др.

Однако процессы урбанизации, интенсивной застройки территории городов в XX–XXI вв. в целом ряде случаев оставляют только

[17] *Лемак С.С., Чертополохов В.А., Кручинина А.П., Белоусова М.Д., Бородкин Л.И., Мироненко М.С.* Задачи оптимизации расположения элементов интерфейса в виртуальной реальности (в контексте создания виртуальной реконструкции исторического рельефа Белого города) // Историческая информатика. 2020. № 1. С. 81–93.

[18] *Запарий В. В.* Индустриальное наследие России и Урала в контексте мирового культурного наследия: Избранные труды. Екатеринбург, 2025.

один — инновационный — вариант сохранения памятников индустриальной эпохи, связанный с применением технологий виртуальной 3D-реконструкции и VR/AR. В России первые попытки таких реконструкций были сделаны на рубеже XX–XXI вв. уральскими исследователями Е.А. Курлаевым и Ю.М. Барановым[19].

Современные 3D-технологии позволяют на кафедре исторической информатики исторического факультета МГУ реализовывать проекты виртуального сохранения индустриального наследия на качественно новом уровне. В качестве примера можно привести два проекта, выполненных аспирантом кафедры А.А. Гасановым.

Первое исследование сосредоточено на виртуальной 3D-реконструкции комплекса производственных зданий Баранчинского завода в Пермской губернии, с выбранным временным диапазоном — рубеж XIX–XX вв., когда завод достиг пика своего развития и был хорошо документирован[20]. Архитектурный проект доменных печей, выполненный А.З. Комаровым, выделяется как уникальный пример уральской промышленной архитектуры. История завода связана с такими фигурами, как В.Н. Демидов и П.И. Шувалов, а также с экспедицией под руководством Д.И. Менделеева. Основанный в 1743 г. завод пережил периоды процветания и упадка, а его архитектура, сформированная региональными особенностями, делает его привлекательным объектом для виртуального воссоздания. В исследовании Гасанова акцентируется внимание на анализе исторических источников в контексте сохранения индустриального и культурного наследия, методах 3D-реконструкции, а также выборе и использовании программного обеспечения, масштабе воссоздания целого комплекса зданий. На сегодняшний день архитектура большей части исторических корпусов, включая формирующие характерный внешний облик завода механический цех и доменные печи, утрачена, отдельные сохранившиеся постройки постепенно разрушаются. Руинирование большинства построек завода подчеркивает актуальность его реконструкции. В исследовании представлены изображения источников, описывающих внешний вид завода, их классификация, скриншоты процесса реконструкции и финальные визуализации

[19] *Баранов Ю. М., Курлаев Е. А.* Реконструкция утраченных промышленных объектов и раритетных технологий с использованием компьютерного моделирования // VII научно-практическая конференция «Российский научно-технический музей: проблемы и перспективы». Т. 1. Нижний Тагил, 2000. С. 46–59.

[20] *Гасанов А.А.* Виртуальная 3D-реконструкция ключевых строений Баранчинского завода Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв. (источниковедческие и технологические аспекты) // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 2. С. 34–53.

(рендеры) комплекса, созданные с использованием 3D-редактора Blender.

Второй проект Гасанова посвящен виртуальной 3D-реконструкции производственного корпуса Трёхгорного пивоваренного завода в Москве на рубеже XIX–XX вв. (см.: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36567). Этот завод на протяжении десятилетий был лидером пивоваренной отрасли в Российской империи и СССР. В работе проанализированы текстовые, графические и фотоматериалы, рассмотрены проблемы неполноты данных и противоречий в источниках. Дается краткий обзор истории завода и обсуждаются вопросы сохранения индустриального наследия. Итогом стали рендеры корпуса «Варни», выполненные в программе Unreal Engine 4. После остановки производства в 2006 г. завод стал объектом индустриального наследия, но его постройки конца XIX в. находятся под угрозой разрушения, что делает проведенное исследование актуальным.

Работа подчеркивает перспективность разработки интерактивных виртуальных сред для демонстрации исторических 3D-реконструкций. Такой подход позволяет воссоздавать не только статические элементы, такие как архитектура производственных корпусов или их интерьеры, но и динамические процессы, например, производственные операции минувших эпох. Для реконструкции был выбран варочный корпус Трёхгорного пивоваренного завода, крупнейшего в Российской империи. Анализ источниковой базы показал ее высокий информационный потенциал для воссоздания интерьеров корпуса, а также пивоваренных процессов конца XIX — начала XX в. Важным итогом работы стало приложение виртуальной реальности, созданное на движке Unreal Engine 4 с использованием технологии визуального программирования Blueprints. Приложение оснащено механизмами проверки исторических данных и подсказками об операциях пивоварения и оборудовании того времени. В нем реализованы технологии механической анимации и систем частиц, а созданная среда позволяет пользователю выступить в роли рабочего завода и самостоятельно «выполнять» этапы пивоварения с применением технологий виртуальной реальности. В рамках виртуального тура пользователь имеет возможность ознакомиться с источниковой базой реконструкции, находясь в виртуальном интерьере варни Трехгорного завода. Предложенный формат виртуальной реконструкции может найти в будущем более широкое применение в 3D-реконструкциях технологических процессов прошлого.

Виртуальная реконструкция исторических усадеб Подмосковья

Проект «Виртуальная реконструкция исторических усадебных комплексов Подмосковья: архивные источники и цифровые технологии» является наиболее масштабным на кафедре исторической информатики, он начался в рамках договора о сотрудничестве Главного архивного управления Московской области с историческим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова, заключенного в марте 2020 г. Проект ведется уже пять лет, за эти годы специализирующиеся по кафедре студенты защитили 14 выпускных работ (по программам магистратуры и бакалавриата), а четверо из них продолжают свои исследования по виртуальной реконструкции исторических усадеб Подмосковья, поступив в аспирантуру. По результатам этих исследований опубликовано более 15 статей в журналах перечня ВАК.

В Подмосковье существовало несколько сотен усадеб, бóльшая часть которых сегодня находится в руинированном состоянии той иной степени. В архивных фондах Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО) сосредоточены разнообразные документы по истории усадеб. Значительную часть составляет проектно-реставрационная документация, которая отложилась в ЦГАМО в фонде 2753 Главного управления культурного наследия Московской области.

Как показал пятилетний опыт сотрудничества в рамках проекта архивистов и историков, наиболее информативный набор источников для создания виртуальной реконструкции подмосковных исторических усадеб формируется в большинстве случаев на основе материалов по сохранению историко-культурного наследия РСФСР, датируемых 1960–1980-ми гг. Эта деятельность включала выявление, обследование, подготовку научно-учетной документации, содержащей научно-техническую информацию об объекте[21].

Именно эта документация составила основу источниковой базы проекта, включая графические и текстовые комплекты проектно-реставрационной документации (исторические записки, обмерные чертежи, инженерные заключения о состоянии конструкций, эскизные проекты реставрации, сметы на реставрационные работы и др.), а также альбомы фотофиксаций состояния усадеб.

[21] *Свичкарь И.Г.* Деятельность государственных органов по охране историко-культурного наследия в Российской Федерации в 1960–1980 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 1. С. 52.

Созданная на кафедре студенческая исследовательская группа обсуждала (с участием научных руководителей — д.и.н. Л.И. Бородкина и к.и.н. Д.И. Жеребятьева) вопросы полноты, достоверности, репрезентативности документов, выявленных в фонде 2753 ЦГАМО по соответствующим темам. Основная задача сотрудников архива состояла в консультировании студентов по составу научно-справочного аппарата архива, методике и организации работ с проектно-реставрационными документами, а также в пополнении указанного архивного фонда тематическими фотодокументами в рамках инициативного комплектования и в помощи в оцифровке сложной проектно-реставрационной документации (с использованием планетарного сканера для оцифровки большеформатных документов). Были использованы также цифровые инструменты для соединения оцифрованных фрагментов документов[22].

Всего студентами и аспирантами кафедры исторической информатики выполнены виртуальные реконструкции 12 руинированных подмосковных усадеб XVII — начала XX в. Как правило, ставилась задача реконструкции облика главного дома усадьбы на конец XIX в., реже — и других усадебных строений (исходя из состава источниковой базы). Это следующие усадьбы Подмосковья: Никольское-Урюпино, Петровское-Алябино, Семёновское-Отрада, Ольгово, Пущино-на-Наре, Пущино-на-Оке, Молоди, Михайловское, Демьяново, Денежниково, Никитское, Сенницы. Все эти усадьбы имеют статус объектов культурного наследия федерального (в основном) или регионального значения. Среди владельцев этих усадеб были в разное время Апраксины, Бестужевы, Головины, Демидовы, Салтыковы, Гагарины, Долгоруковы, Келлеры, Орловы, Вяземские, Мещерские, Оболенские и др. Среди архитекторов реконструированных виртуально строений исторических усадеб были М.Ф. Казаков, М.Д. Быковский, итальянский архитектор Ф. Кампорези. К сожалению, сегодня эти памятники историко-культурного наследия находятся в руинированном состоянии, причем основные потери-разрушения приходятся на последние десятилетия. Фотографии руинированных усадеб, сделанные участниками нашего проекта, и визуализации созданных ими виртуальных реконструкций наглядно иллюстрируют масштаб утрат памятников усадебного культурного наследия (рис. 4–7).

[22] Подробнее об опыте сотрудничества архивистов и историков в этом проекте см.: *Бородкин Л.И., Герасимова Ю.Н.* Виртуальная реконструкция исторических усадебных комплексов: сотрудничество историков и архивистов, проектная деятельность студентов // Историческая информатика. 2020. № 3. С. 103–111.

В связи с реорганизацией Главного архивного управления Московской области в 2023 г. формат этого сотрудничества был несколько изменен.

Рис. 4. Руины главного дома подмосковной усадьбы Ольгово (снимок К.Э. Сорокиной, 2019 г.)

Рис. 5. Руины главного дома подмосковной усадьбы Никитское (снимок Е.В. Теплоуховой, 2025 г.)

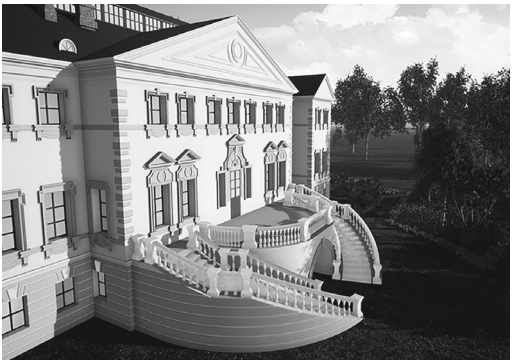


Рис. 6. Виртуальная реконструкция главного дома усадьбы Ольгово (выполнена К.Э. Сорокиной в рамках выпускной квалификационной работы, защищенной в 2020 г. на кафедре исторической информатики, опубликована в журнале «Историческая информатика», 2020, №3)

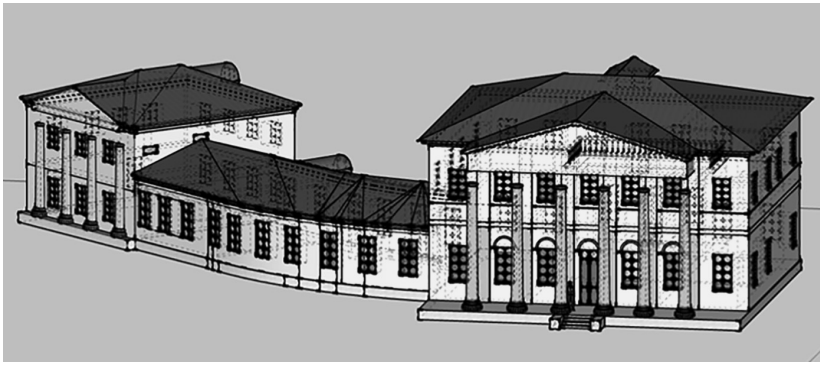


Рис. 7. Виртуальная реконструкция главного дома усадьбы Никитское (выполнена Е.В. Теплоуховой в рамках магистерской диссертации, защищенной в 2025 г. на кафедре исторической информатики)

Развитие «Усадебного проекта» расширило начальные рамки постановки задач виртуальной реконструкции. Наряду с созданием 3D-моделей главного дома усадьбы предметом 3D-моделирования стали и другие строения на территории усадьбы (флигели, хозяйственные постройки)[23], усадебный парк и малые архитектурные формы дворцово-паркового ансамбля[24]. Логичным шагом на этом пути стало трехмерное моделирование ландшафта усадебной территории, что дало возможности создания 3D-моделей усадебного комплекса в целом[25]. С другой стороны, появился интерес к виртуальной реконструкции *интерьеров* главного дома усадьбы, в этом случае источниковая база исследования имеет выраженную специфику; это относится и к методике создания 3D-моделей элементов интерьера[26]. Делаются попытки использования искусственного интеллекта в ситуациях, когда информация по интерьеру представлена в основном фотографиями и предметами-аналогами. Искусственная нейросеть в таком исследовании выступает как аналитический инструмент работы с неполной информацией источника, контролируемый исследователем. За рубежом есть ряд публикаций последних лет, где искусственный интеллект применяется в задачах 3D-моделирования объектов культурного наследия[27], мы же делаем первые шаги, дискутируя о ролях человека (исследователя) и искусственного интеллекта в этих задачах.

Завершая краткий обзор основных направлений исследований, проводимых на кафедре исторической информатики МГУ в области создания виртуальных реконструкций культурного наследия, отметим, что за рамками рассмотренных направлений осталось немало проектов, которые ориентировались на реконструкцию отдельных

---

[23] *Корсаков С.А.* Виртуальная реконструкция строений подмосковной усадьбы Сенницы: источники и методы исследования // Историческая информатика. 2023. № 1. С. 55–78.

[24] *Жеребятьев Д.И., Пимонова Д.А.* Виртуальная реконструкция малых архитектурных форм Богородицкого дворцово-паркового ансамбля усадьбы графов Бобринских конца XVIII века // Историческая информатика. 2023. № 2. С. 102–128.

[25] *Корсаков С.А.* Усадьба Сенницы графини М. А. Келлер Зарайского уезда Рязанской губернии: социально-экономические и пространственные аспекты дворянской усадьбы рубежа XIX–XX веков: дис. … маг. М., 2025.

[26] *Маландина Т.В.* Виртуальная 3D-реконструкция интерьеров подмосковных усадеб XVIII — начала XX веков: парадные интерьеры усадебного комплекса Никольское-Урюпино // Историческая информатика. 2021. № 2; *Она же.* Опыт использования искусственных нейросетей в решении задач виртуальной реконструкции исторических усадебных интерьеров // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. С. 45–60.

[27] Краткий обзор см.: *Маландина Т.В.* Опыт использования искусственных нейросетей …

храмов, железнодорожных и почтовых станций конца XIX в., кабинета Николая I, тюремного замка XIX в., жилья известных людей, доходных домов, исторических костюмов и т.д. Это предмет отдельной публикации.

Заключение

В Программе фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период (до 2030 гг.) содержатся два направления, в русле которых на историческом факультете МГУ развиваются проекты виртуальной реконструкции объектов культурного наследия: это 6.1.1.1. Разработка новых теоретико-методологических подходов понимания прошлого; 6.1.1.3. Внедрение методов естественных наук и информатики в исторической науке[28].

Работа по 3D-проектам продолжается, есть основания ожидать продвижения междисциплинарных разработок как в методологическом плане, так и в прикладном. Например, трехмерные модели утраченных объектов культурного наследия могут расширять, дополнять музейные экспозиции, и такие примеры у нас уже есть[29]. Продолжается апробация возможностей использования искусственных нейросетей в задачах колоризации созданных трехмерных моделей культурного наследия[30], наложения текстур на 3D-модели, используя методы переноса стиля, а также для построения трехмерных моделей на основе облаков точек[31]. Опыт реализации представленных проектов создания виртуальных реконструкций культурного наследия с использованием технологий 3D-моделирования показывает, что эти технологии не заменяют специалистов, работающих в области сохранения культурного наследия в рамках традиционных подходов, но дают эффективный инструментарий, применение которого в междисциплинарных проектах позволяет обосновать и визуализировать созданную трехмерную модель утраченного (полностью или частично) объекта. Такая реконструкция должна пройти экспертизу специалистов. Еще лучше, если специалисты (архитектор, историк

---

[28] http://static.government.ru/media/files/skzO0DEvyFOIBtXobzPA3zTyC71cRAOi.pdf

[29] *Лысенко К.Д.* Опыт применения 3d-реконструкций объектов культурного наследия в музейной практике (на примере Троицкого собора в Ставрополе-на-Волге // Историческая информатика. 2022. № 2. С. 181–195.

[30] *Мамонова С.А.* Виртуальная реконструкция храма Николая Чудотворца (Лорийская область Армении): исследование объекта культурного наследия русского присутствия в Армении в XIX–XX веках // Историческая информатика. 2023. № 2. С. 34–78.

[31] Такие эксперименты проводятся сотрудниками кафедры Д.И . Жеребятьевым и М.С. Мироненко.

культуры, краевед) участвуют в работе полидисциплинарного коллектива проекта, что удалось реализовать в целом ряде представленных выше проектов.

References

Baranov Yu.M., Kurlayev E.A. *Rekonstruktsiya utrachennykh promyshlennykh ob"yektov i raritetnykh tekhnologiy s ispol'zovaniyem komp'yuternogo modelirovaniya* [Reconstruction of Lost Industrial Sites and Rare Technologies Using Computer Modeling] // *VII nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Rossiyskiy nauchno-tekhnicheskiy muzey: problemy i perspektivy" (Nizhniy Tagil, 16–18 oktyabrya 2000 g.)* [The 7th Scientific and Practical Conference "Russian Scientific and Technical Museum: Problems and Prospects" (Nizhny Tagil, 16–18 October 2000)]. Nizhny Tagil: [s. n.], 2000. Vol. 1. P. 46–59.

Borodkin L.I. *3D-modelirovaniye, virtual'nye rekonstruktsii i VR/AR/MR-tekhnologii v zadachakh sokhraneniya kul'turnogo naslediya* [3D Modeling, Virtual Reconstructions, and VR/AR/MR Technologies in Cultural Heritage Preservation Tasks] // *Tsifrovyye gumanitarnyye issledovaniya* [Digital Humanities Research] /A.B. Antopol'skiy, A.A. Bonch-Osmolovskaya, L.I. Borodkin *et al.* Ch. 8. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2023. P. 186–220.

Borodkin L.I. *O virtual'noy rekonstruktsii istoricheskogo gorodskogo landshafta Belogo goroda* [On the Virtual Reconstruction of the Historical Urban Landscape of the Moscow White City] // *Istoricheskaya informatika.* 2019. N 4. P. 90–96.

Borodkin L.I., Gerasimova Yu.N. *Virtual'naya rekonstruktsiya istoricheskikh usadebnykh kompleksov: sotrudnichestvo istorikov i arkhivistov, proyektnaya deyatel'nost' studentov* [Virtual Reconstruction of Historical Estate Complexes: Cooperation Between Historians and Archivists, Student Project Activities] // *Istoricheskaya informatika.* 2020. N 3. P. 103–111.

Borodkin L.I., Mironenko M.S., Chertopolokhov V.A., Belousova M.D., Khlopikov V.V. *Tekhnologii virtual'noy i dopolnennoy real'nosti (VR/AR) v zadachakh rekonstruktsii istoricheskoy gorodskoy zastroyki (na primere moskovskogo Strastnogo monastyrya)* [Virtual and Augmented Reality (VR/AR) Technologies in the Tasks of Historical Urban Reconstruction (On the Example of the Strastnoy Monastery in Moscow)] // *Istoricheskaya informatika.* 2018. N 3. P. 76–88.

Borodkin L.I., Valetov T.Ya., Zherebyat'yev D.I., Mironenko M.S., Moor V.V. *Reprezentatsiya i vizualizatsiya v onlayne rezul'tatov virtual'noy rekonstruktsii* [Online Representation and Visualization of Virtual Reconstruction Results] // *Istoricheskaya informatika.* 2015. N 3–4. P. 3–18.

Borodkin L.I., Zherebyat'yev D.I. *Sovremennyye tendentsii v razrabotke virtual'nykh rekonstruktsiy ob"yektov istoriko-kul'turnogo naslediya: mezhdunarodnyy opyt* [Current Trends in the Development of Virtual Reconstructions of Historical and Cultural Heritage Sites: International Experience] // *Virtual'naya rekonstruktsiya istoriko-kul'turnogo naslediya v formatakh nauchnogo issledovaniya i obrazavatel'nogo protsessa: sbornik nauchnykh statey* [Virtual Reconstruction of Historical and Cultural Heritage in the Formats of Scientific Research and Educational Process: Collection of Scientific Articles] /Ed. by L.I. Borodkin, M.V. Rumyantsev, R.A. Baryshev. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Sibirskogo federal'nogo universiteta, 2012. P. 10–30.

Gasanov A.A. *Virtual'naya 3D-rekonstruktsiya klyuchevykh stroyeniy Baranchinskogo zavoda Permskoy gubernii na rubezhe XIX–XX vv. (istochnikovedcheskiye i tekhnologicheskiye aspekty)* [Virtual 3D Reconstruction of Key Structures of the Baranchinsky Plant in Perm Province at the Turn of the 19th and 20th Centuries] // *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya.* 2025. N 2. P. 34–53.

Kim O.G., Moor V.V., Zherebyat'yev D.I. *Virtual'naya rekonstruktsiya dominantnykh ob"yektov istoricheskoy zastroyki Belogo goroda Moskvy (XVI–XVIII vv.)* [Virtual Reconstruction of Dominant Objects of Historical Buildings of Moscow White City (from the 16th through the 18th Centuries)] // *Istoricheskaya informatika.* 2020. N 2. P. 100–134.

Korsakov S.A. *Usad'ba Sennitsy grafini M.A. Keller Zarayskogo uyezda Ryazanskoy gubernii: sotsial'no-ekonomicheskiye i prostranstvennyye aspekty dvoryanskoy usad'by rubezha XIX–XX vekov: vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota magistra (rukopis')* [The Sennitsy Estate of Countess M. A. Keller of Zaraysk *Uyezd*, Ryazan' *Guberniya*: Socioeconomic and Spatial Aspects of a Noble Estate at the Turn of the 19th and 20th Centuries: M.A. Thesis (Manuscript)]. Moscow: Istoricheskiy fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2025. 126 p.

Korsakov S.A. *Virtual'naya rekonstruktsiya stroyeniy podmoskovnoy usad'by Sennitsy: istochniki i metody issledovaniya* [Virtual Reconstruction of Buildings in the Sennitsy Estate near Moscow: Sources and Research Methods] // *Istoricheskaya informatika.* 2023. N 1. P. 55–78.

Lemak S.S., Chertopolokhov V.A., Kruchinina A.P., Belousova M.D., Borodkin L.I., Mironenko M.S. *Zadachi optimizatsii raspolozheniya elementov interfeysa v virtual'noy real'nosti (v kontekste sozdaniya virtual'noy rekonstruktsii istoricheskogo rel'yefa Belogo goroda)* [Issues of Optimizing the Arrangement of Interface Elements in Virtual Reality (In the Context of Creating a Virtual Reconstruction of the Historical Relief of the White City)] // *Istoricheskaya informatika.* 2020. N 1. P. 81–93.

Lysenko K.D. *Opyt primeneniya 3D-rekonstruktsiy ob"yektov kul'turnogo naslediya v muzeynoy praktike (na primere Troitskogo sobora v Stavropole-na-Volge)* [Applying 3D Reconstructions of Cultural Heritage Sites in Museum Practice (On the Example of the Trinity Cathedral in Stavropol'-on-Volga)] // *Istoricheskaya informatika.* 2022. N 2. P. 181–195.

Malandina T.V. *Opyt ispol'zovaniya iskusstvennykh neyrosetey v reshenii zadach virtual'noy rekonstruktsii istoricheskikh usadebnykh inter'yerov* [Using ANNs in Solving Problems of Virtual Reconstruction of Historical Estate Interiors] // *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya.* 2025. N 3. P. 45–60.

Malandina T.V. *Virtual'naya 3D-rekonstruktsiya inter'yerov podmoskovnykh usadeb XVIII — nachala XX vekov: paradnyye inter'yery usadebnogo kompleksa Nikol'skoye-Uryupino* [Virtual 3D Reconstruction of Interiors of Moscow Region Estates from the 18th through the Early 20th Centuries: Parade Interiors of the Nikolskoye-Uryupino Estate Complex] // *Istoricheskaya informatika.* 2021. N 2. P. 134–170.

Mamonova S.A. *Virtual'naya rekonstruktsiya khrama Nikolaya Chudotvortsa (Loriyskaya oblast' Armenii): issledovaniye ob"yekta kul'turnogo naslediya russkogo prisutstviya v Armenii v XIX–XX vekakh* [Virtual Reconstruction of the Church of Saint Nicholas the Wonderworker (Lori Province, Armenia): A Study of the Cultural Heritage Site of Russian Presence in Armenia in the 19th and 20th Centuries] // *Istoricheskaya informatika.* 2023. N 2. P. 34–78.

Svichkar' I.G. *Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov po okhrane istoriko-kul'turnogo naslediya v Rossiyskoy Federatsii v 1960–1980 gg.* [Activities of State Bodies for the Protection of Historical and Cultural Heritage in the Russian Federation in the 1960s–1980s] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta.* Series: *Sotsial'no-gumanitarnyye nauki.* 2013. Vol. 13. N 1. P. 53–57.

Yumasheva Yu.Yu. *Istochnikovaya baza virtual'nykh istoricheskikh rekonstruktsiy ob"yektov istoriko-kul'turnogo naslediya: k postanovke problemy* [The Source Base of Virtual Historical Reconstructions of Historical and Cultural Heritage Sites: Toward a Problem Statement] // *Istoricheskaya informatika.* 2020. N 3. P. 21–50.

Zapariy V.V. *Industrial'noye naslediye Rossii i Urala v kontekste mirovogo kul'turnogo naslediya: izbrannyye trudy* [Industrial Heritage of Russia and the Urals in the Context of World Cultural Heritage: Selected Works]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo AMB, 2025. 520 p.

Zherebyat'yev D.I. *Metody istoricheskoy rekonstruktsii pamyatnikov istorii i kul'tury Rossii sredstvami trekhmernogo komp'yuternogo modelirovaniya: avtoreferat diss…. kandidata istoricheskikh nauk* [Methods of Historical Reconstruction of Russian Historical and Cultural Heritage Sites by Means of 3D Computer Modeling: Abstract of the PhD Candidate in History Diss.]. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova, 2013. 28 p.

Zherebyat'yev D.I. *Metody trekhmernogo komp'yuternogo modelirovaniya v zadachakh istoricheskoy rekonstruktsii monastyrskikh kompleksov Moskvy* [Methods of 3D Computer Modeling in the Tasks of Historical Reconstruction of Monastic Complexes of Moscow]. Moscow: MAKS Press, 2014. 224 p.

Zherebyat'yev D.I. *O metodike kompleksnogo issledovaniya istochnikov virtual'noy rekonstruktsii ob"yektov kul'turnogo naslediya* [On the Methodology of Comprehensive Source Studies in the Virtual Reconstruction of Cultural Heritage Sites] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov.* Series *"Istoriya Rossii"*. 2010. N 6. P. 68–74.

Zherebyat'yev D.I., Pimonova D.A. *Virtual'naya rekonstruktsiya malykh arkhitekturnykh form Bogoroditskogo dvortsovo-parkovogo ansamblya usad'by grafov Bobrinskikh kontsa XVIII veka* [Virtual Reconstruction of Small Architectural Forms of the Bogoroditsk Palace and Park Ensemble of the Bobrinsky Counts in the Late 18th Century] // *Istoricheskaya informatika.* 2023. N 2. P. 102–128.

Поступила в редакцию
15 февраля 2025 г.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Серия 8. ИСТОРИЯ. 2024. Т. 65. № 6. С. 105–125
LOMONOSOV HISTORY JOURNAL. 2024. Vol. 65. N 6. P. 105–125

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-6-105-125

О.В. Солопова

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ИСТОРИКОВ: ОПЫТ УЧЕБНО-НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ «БЕЛОРУСОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ И БЕЛОРУССКОЙ ДИАСПОРЫ» ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

O.V. Solopova

COOPERATION BETWEEN RUSSIAN AND BELARUSIAN HISTORIANS: THE EXPERIENCE OF THE ACADEMIC PROGRAMME "BELARUSIAN STUDIES, HISTORY OF BELARUS AND THE BELARUSIAN DIASPORA" AT THE FACULTY OF HISTORY, LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Аннотация. В статье рассматриваются основные события и тенденции, связанные со становлением и развитием на историческом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова учебно-научного направления «Белорусоведение, история Беларуси и белорусской диаспоры». Впервые осмыслены и введены в научный оборот данные об основных этапах развития межгосударственного сотрудничества исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова с ведущими

*Солопова Оксана Вячеславовна***,** кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана, руководитель лаборатории истории диаспор и миграций и руководитель учебно-научного направления «Белорусоведение, история Беларуси и белорусской диаспоры» исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Solopova Oksana Vyacheslavovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Deputy Dean, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Head, Laboratory of Diaspora and Migration History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Head, Academic Programme "Belarusian Studies, History of Belarus and the Belarusian Diaspora", Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

osolopova@mail.ru

ORCID: 0009-0002-3675-5766

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

белорусскими образовательными и научными центрами, занимающимися изучением и преподаванием истории, такими, как исторический факультет Белорусского государственного университета, Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Академия управления при Президенте Республики Беларусь и др. Определен инициативный вклад в развитие этого процесса национально-культурных автономий, общественных организаций и объединений белорусской диаспоры России и мира. Охарактеризованы ключевые результаты совместной деятельности историков Союзного государства: оформление учебно-научного направления «Белорусоведение, история Беларуси и белорусской диаспоры», открытие и успешная реализация первой российско-белорусской международной совместной магистерской программы с двумя дипломами — МГУ имени М.В. Ломоносова и БГУ — «История белорусской диаспоры», создание уникального формата межуниверситетских мероприятий «Дни Дружбы МГУ имени М.В. Ломоносова и БГУ», появление на историческом факультете Архива истории белорусской диаспоры и Кабинета белорусской научной литературы, регулярное проведение других научных мероприятий с участием представителей исторического факультета Московского университета и белорусских историков. Рассматриваются проекты, в создании которых исторический факультет принял самое деятельное участие и которые в настоящий момент стали частью межгосударственных проектов высокого значения, в том числе создание Экспертно-консультативного российско-белорусского совета по истории. В результате комплексного анализа исторических процессов и событий, представленного в статье, сформулирован вывод об особом вкладе исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в формирование единого социогуманитарного российско-белорусского пространства. В рамках реализуемого сотрудничества последовательно формируется уникальная межгосударственная российско-белорусская единая научная школа.

***Ключевые слова*:** российско-белорусская история, белорусоведение, история Беларуси, история белорусской диаспоры, межвузовское сотрудничество, диаспоральные общественные организации, учебно-научное направление, российско-белорусское сотрудничество, единое российско-белорусское социогуманитарное пространство, научные школы.

Abstract. The article examines the key events and trends associated with the establishment and development of the "Belarusian Studies, History of Belarus and the Belarusian Diaspora" academic programme at the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. For the first time, it introduces data on the main stages of intergovernmental cooperation between the Faculty of History at Moscow State University and leading Belarusian educational and scientific centres involved in the study and teaching of history. These centres include the Faculty of History of Belarusian State University, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, and others. The article identifies the initiative contributions of national-cultural autonomies, public organizations, and associations of the Belarusian diaspora in Russia and worldwide to this process. The key results

of the joint activities between historians from the Union State are highlighted, including the creation of the academic programme "Belarusian Studies, History of Belarus and the Belarusian Diaspora", the launch of the first Russian-Belarusian international joint master's programme offering dual qualifications from Lomonosov Moscow State University and Belarusian State University in "History of the Belarusian Diaspora", the creation of the unique format of inter-university event "Days of Friendship between Lomonosov Moscow State University and Belarusian State University", the establishment of the Archive of the Belarusian Diaspora History and the Belarusian Scientific Literature Cabinet at the Faculty of History, and the regular organization of scientific events involving representatives of the Moscow University History Faculty and Belarusian historians. The article also discusses projects in which the Faculty of History played an active role, which have since become significant intergovernmental initiatives, including the establishment of the Russian-Belarusian Expert and Consulting Council on History. The final conclusion is that the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University has made a special contribution to the formation of a unified Russian-Belarusian socio-humanitarian space. Within the framework of this collaboration, a unique Russian-Belarusian intergovernmental unified scientific school is being systematically established.

***Keywords*:** Russian-Belarusian history, Belarusian studies, history of Belarus, history of the Belarusian diaspora, inter-university cooperation, diaspora public organizations, academic programme, Russian-Belarusian cooperation, unified Russian-Belarusian socio-humanitarian space, scientific schools.

* * *

Сотрудничество и взаимодействие Московского университета с белорусскими университетскими и академическими центрами имеет в целом постоянный вектор, но не линейную, а пунктирную историю.

В МГУ имени М.В. Ломоносова в 1991 г., т.е. к моменту дезинтеграции СССР, насчитывалось 9 (против нынешних 17) естественнонаучных и 11 (в настоящее время 25) гуманитарных факультетов, а также 6 (сегодня 13) научно-исследовательских институтов, библиотек и других подразделений. И большинство из них имело на начало 1990-х гг. те или иные формы сотрудничества с белорусскими коллегами.

Историки МГУ не относились к числу тех из них, кто мог бы похвастаться прочными системными связями с белорусскими историками и постоянными впечатляющими результатами. Тем не менее, это сотрудничество к концу XX в. выстраивалось и стабильно крепилось на профессиональном межличностном уровне учителей, учеников, коллег, сокурсников, постоянными встречами внутри профессионального сообщества на крупных межреспубликанских, всесоюзных, юбилейных и иных исторических мероприятиях, по-

мимо других реализовывавшихся традиционных форм взаимодействия, среди которых были повышение квалификации, стажировки, аспирантура, докторантура, взаимное рецензирование квалификационных работ, публикаций и т.п. Всё это составляло неотъемлемую часть обыденной жизни профессионального сообщества, неосознаваемого как самостоятельное двустороннее сотрудничество, так как оно осуществлялось внутри единой страны.

При этом в историческом багаже этого взаимодействия были особенные периоды в прямом смысле единения историков Московского университета и Белорусского государственного университета. Начало такого единения связано с личностью и деятельностью В.И. Пичеты, выдающегося русского и советского историка-слависта, ученика В.О. Ключевского, одного из основоположников белорусской советской исторической науки, академика АН СССР, академика АН БССР, первого ректора Белорусского государственного университета, профессора исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, основавшего здесь кафедру истории южных и западных славян.

В полной мере это единение проявилось в годы Великой Отечественной войны. По постановлению Совнаркома СССР «О возобновлении работы Белорусского государственного университета» от 15 мая 1943 г., 10–11 октября 1943 г. в поселке Сходня при одноименной станции Октябрьской железной дороги в Подмосковье возобновил работу эвакуированный сюда Белорусский государственный университет, все его шесть на тот момент факультетов — физико-математический, химический, биологический, географический, филологический и, наконец, исторический. Сотрудники и студенты МГУ имени М.В. Ломоносова с полной самоотдачей и искренним рвением помогали тогда эвакуированным из БССР коллегам: передавали учебные и научные библиотечные фонды, предоставляли возможность белорусским студентам посещать занятия в Московском университете на постоянной основе. Ведущая профессура МГУ ездила с лекциями в Сходню. Здесь читали лекции и уже упомянутый В.И. Пичета, и Б.А. Рыбаков. Оба университета в тот период возглавляли историки: И.С. Галкин — МГУ и П.П. Савицкий — БГУ, и это заметно стимулировало внутрицеховое сотрудничество историков.

3 июля 1944 г. в ходе операции «Багратион» советские войска освободили Минск, что совпало с окончанием учебного года в университете, и БГУ вернулся в БССР. Но следует особо подчеркнуть, что всего один этот учебный год оказал принципиальное влияние на сохранение и развитие связей российских и белорусских историков

двух главных вузов будущего Союзного государства. То есть это профессиональное единство — из той «военной поры 1943-го»[1].

Постоянное сотрудничество исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова с белорусскими историками — двустороннее, осмысленное, системное — поступательно стало выстраиваться уже после 1991 г., и далеко не сразу.

Первым шагом в этом направлении, без сомнения, стал Договор о сотрудничестве МГУ имени М.В. Ломоносова и БГУ, который в 2007 г. подписали их ректоры — академик РАН В.А. Садовничий и академик НАН Беларуси С.В. Абламейко.

Этот договор простимулировал и обновил двусторонние российско-белорусские контакты. Первыми отозвались естественно-научные факультеты, которые, впрочем, относились к сформировавшемуся в советское время сотрудничеству бережнее и функциональнее гуманитариев, сконцентрировав в новых межгосударственных условиях свои усилия на прорывных, актуальных вызовах современности, выполняя российско-белорусские проекты, отвечающие приоритетным направлениям научно-технологического развития, участвуя в реализации программ Союзного государства. Бегло можно перечислить такие их достижения, как суперкомпьютер «СКИФ», сотрудничество географов в области экономической географии, туризма, демографии, геоэкологии, геологических изысканий, гидрометеорологии. Особое место занимает сотрудничество Московского университета с белорусскими коллегами в области медицины. Так, учеными геологического факультета МГУ и Белорусского национального технического университета разработана лабораторная технология выращивания монокристаллов с заданными свойствами. На их основе создан уникальный лазер для лечения глаз. Помимо медицины, разработка успешно применяется в коммуникационных системах, метрологии, других научных исследованиях. Задача ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной станции, помощь пострадавшим от этой катастрофы, разработка новейшего оборудования и методик лечения, вопросы безопасности ядерной энергетики, работа по реабилитации территорий — это и многое другое является приоритетным научным направлением разных российско-белорусских коллективов, в том числе университетских ученых России и Беларуси.

Договор 2007 г. открыл и историкам МГУ возможности для запуска институализированного сотрудничества с университетски-

[1] *Борисенок Ю.А.* В военные годы Белорусский госуниверситет работал в Подмосковье. БГУ со станции «Сходня» // Союз. Беларусь–Россия. 6 мая 2021. — URL: https://www.sb.by/articles/bgu-so-stantsii-skhodnya.htm (дата обращения 29.05.2023).

ми центрами и белорусскими коллегами Минска, Могилева, Гомеля, Витебска, Гродно в рамках подписанных тогда соглашений о взаимодействии. Но в полной мере этими обстоятельствами тогда не воспользовались.

Всё изменилось в 2009 г. Именно тогда состоялись знакомство с новым председателем региональной национально-культурной автономии «Белорусы Москвы» С.Л. Кандыбовичем, его визит на исторический факультет, первые удачные совместные проекты и подписание первого в истории соглашения о сотрудничестве между историческим факультетом Московского университета и национально-культурной организацией, созданной в соответствии с Федеральным законом ФЗ-74 «О национально-культурной автономии».

Благодаря инициативной деятельности тогдашних декана истфака МГУ, ныне академика РАН С.П. Карпова и заместителя декана по УМО, ныне академика РАН Е.И. Пивовара в Московском университете появилась первая в РФ кафедра истории стран ближнего зарубежья. Возглавить учебно-научное направление по белорусской истории ими была приглашена автор настоящей статьи — на тот момент ученый секретарь исторического факультета МГУ и член РНКА «Белорусы Москвы». Активная деятельность этого учебно-научного направления и белорусских общественных организаций, их синергия имели принципиальное значение для развития сотрудничества Московского университета с ведущими белорусскими научными и университетскими центрами.

Во многом именно благодаря ресурсу и инициативам тогдашнего главы «Белорусов Москвы», ныне — председателя Федеральной национально-культурной автономии Белорусов России, члена Президиума Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, академика РАО, иностранного члена НАН Беларуси С.Л. Кандыбовича шло знакомство, выстраивались контакты, подписывались договоры о сотрудничестве между историческим факультетом МГУ и сначала Институтом истории Национальной академии наук Беларуси (с 2012 г.), затем — соглашение о научном сотрудничестве с Центром истории геополитики Института истории НАН Беларуси (с 2014 г.), наконец — с Отделением гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси (с 2016 г.), а также с Институтом подготовки научных кадров НАН Беларуси (с 2019 г.).

Значительный вклад в укрепление сотрудничества с историками Московского университета внесли белорусские коллеги. Среди них следует особо выделить академика НАН Беларуси А.А. Коваленю (в чью бытность еще директором Института истории было положено начало новому этапу взаимодействия историков России и Беларуси

при сохранении лучших традиций исторического сообщества, сложившихся в XX в., но с учетом новых форматов и обстоятельств), доктора исторических наук, доцента В.В. Даниловича (в настоящее время — депутат Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь; ранее, возглавив в октябре 2010 г. Институт истории НАН Беларуси, он закрепил и наполнил это оформлявшееся сотрудничество), нынешнего директора Института истории НАН Беларуси, кандидата исторических наук, доцента В.Л. Лакизу (который уверенно продолжает это сложившееся взаимодействие, не снижая прежних темпов), кандидата исторических наук, доцента М.Г. Жилинского (открывшего в качестве ректора Института подготовки научных кадров НАН Беларуси новые возможности для сотрудничества).

Цеховое единство российских и белорусских историков и общее понимание того, что необходимо развивать профессиональные контакты, оказались неизменными и при кадровом росте белорусских коллег. Так, российско-белорусское взаимодействие исторического факультета МГУ получило дополнительное развитие и новые формы институционализации в рамках Договора о сотрудничестве исторического факультета и Академии управления при Президенте Республики Беларусь, когда в 2021 г. ее ректором стал В.В. Данилович, и Договора о сотрудничестве с Научно-исследовательским институтом теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь (с 2021 г.), директором которого на тот момент был доцент А.И. Гордейчик, чье сотрудничество с истфаком МГУ не прерывается вот уже более 10 лет.

На фоне проводимых совместных мероприятий и реализации общих проектов в качестве отдельного направления сложилось межуниверситетское взаимодействие белорусских и российских историков. Инициатива в данном случае шла не от российской стороны, как в первом случае, а непосредственно от Белорусского государственного университета. Подписанный ректорами МГУ и БГУ договор 2007 г. был обновлен в 2014 г. Тогда же по приглашению Российского государственного гуманитарного университета в Москве побывал профессор С.Н. Ходин, занимавший в то время посты декана истфака и ученого секретаря Белорусского государственного университета. Он по собственной инициативе посетил истфак МГУ и сделал ряд конкретных предложений по развитию взаимодействия между факультетами.

Уже закрепленному за кафедрой истории стран ближнего зарубежья учебно-научному направлению, в рамках которого откры-

лась специализация по белорусской истории, истории белорусской диаспоры и началось преподавание белорусского языка штатным сотрудником факультета, было поручено курировать сотрудничество с белорусскими партнерами. Это сотрудничество было формализовано в 2014 г. заключением Договора о сотрудничестве между истфаками МГУ и БГУ.

Необходимо особо подчеркнуть личный вклад белорусских коллег в становление этого направления работы двух главных университетов РФ и РБ. В их числе ректор БГУ, академик НАН Беларуси С.А. Абламейко (внимательно и последовательно содействовавший этим процессам), ректор БГУ, профессор А.Д. Король (в полной мере поддержавший как сложившиеся, постоянные, так и новые прорывные двусторонние проекты историков), ранее проректор по учебной работы, а ныне декан факультета международных отношений, доцент Е.А. Достанко (оказавшая исключительное содействие при подготовке и внедрении новаторских учебных двусторонних инициатив), уже упоминавшийся сначала декан исторического факультета, в настоящее время заместитель председателя Учебно-методического объединения по гуманитарному образованию на базе БГУ, профессор С.Н. Ходин (инициировавший сотрудничество и наполнивший его долгосрочными проектными предложениями), нынешний декан исторического факультета БГУ, профессор А.Г. Кохановский (с первых дней самым деятельным образом участвующий в реализации сотрудничества и как инициатор проектов, и как непосредственный участник задуманного, и как соруководитель совместной российско-белорусской магистратуры), доцент кафедры истории средних веков А.А. Прохоров и заместитель декана по научной работе и международному сотрудничеству А.И. Маскевич (бывший и теперешняя кураторы белорусско-российского межуниверситетского сотрудничества), заведующий единственной кафедрой истории России в РБ, которая функционирует именно на историческом факультете БГУ, профессор О.А. Яновский и профессор механико-математического факультета БГУ, доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук Д.Г. Медведев, который в бытность первым проректором университета внес значимый вклад в развитие взаимодействия историков России и Беларуси.

Следует упомянуть и сотрудничество исторического факультета МГУ с историками Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, Полоцкого

государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, других университетов Республики Беларусь.

Сотрудничество российских и белорусских историков после 1991 г. синхронно повторяло те процессы, которые были присущи отношениям между РФ и РБ. Несколько упрощая, это сотрудничество можно представить следующими реперными точками. Разорванные связи, период дистанцированности. Потом — первые попытки закрепить то, что пока сохранялось, но стало постепенно утрачиваться, и первые же попытки выстроить в новых условиях обновленное сотрудничество. Не форсированные, но, скорее, робкие шаги навстречу друг другу, продиктованные очевидной функциональной и стратегической заинтересованностью, отчетливой необходимостью друг в друге при сохранении в качестве приоритета собственной независимости. Постепенное осознание очевидного, а именно — высокой результативности совместных проектов и взаимной выгоды новых форматов, которые основывались на историческом багаже, и непродуктивности разрыва тесного сотрудничества в процессе саморазвития. Накопление институализированного, в том числе общественными инициативами, договорного потенциала. Влияние на двустороннее сближение кризисных факторов (непрекращающиеся и новые тотальные санкции, попытки реализации цветных революций и военных переворотов, пандемия, обострение международной обстановки), которые способствовали осознанию и полному принятию исторической близости и цехового единства. Выстраивание новых функциональных высокорезультативных подходов, обогащающих гуманитарный научный потенциал в целом — не в ущерб общему и не в ущерб каждому.

Для восстановления разорванных новыми государственными, установленными в 1991 г. границами связей между научным, университетским, академическим сообществами двух стран изначально не выделялось системного финансирования. На тот момент на высоком уровне не ставились и четко определенные единые для обоих государств задачи, не создавались особые приоритетные условия. Тот исторический период не предполагал такой возможности.

Тем не менее, исходя из опыта одного только Московского университета и его исторического факультета, видно, что с 2008 г., опираясь на Договор о сотрудничестве между МГУ и БГУ, рабочие программы к этому договору между истфаками МГУ и БГУ, впервые в истории заключенные договоры о сотрудничестве между истфаком МГУ и организациями белорусской диаспоры России, поступательно и непрерывно шли внятные, конкретные, системные процессы развития взаимодействия, основанные на инициативных проектах

и использовавшие имевшиеся потенциальные возможности самих учреждений. То есть, по сути, всё равно по факту при государственной поддержке с обеих сторон — сотрудничества исторических сообществ двух стран.

Вот главные результаты развития историческим факультетом МГУ российско-белорусского сотрудничества. Было заключено 24 договора о сотрудничестве с белорусскими вузами, научными институтами, музеями, архивами, библиотеками. Были налажены контакты, выстроено в разной степени системности сотрудничество с белорусскими национально-культурными общественными организациями России, Армении, Германии, Израиля, Италии, Испании, Иордании, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Польши, США, Узбекистана, Чехии, Эстонии. С 2008 г. по инициативе исторического факультета совместно с белорусскими коллегами было инициировано и проведено более полусотни научных конференций, форумов, круглых столов, публичных дискуссий. Сохранился формат научных стажировок — казалось бы, не самый значительный в количественном выражении (всего 7 историков РБ и 5 историков РФ прошли стажировку в главных университетах Союзного государства друг у друга), но показателен сам факт его функционирования. Общими усилиями было выпущено более 20 научных и учебных публикаций. С 2010 г. 17 раз происходил обмен лекторами, предполагавший чтение авторских лекционных курсов и отдельные публичные выступления наиболее статусных и авторитетных историков обеих стран на площадках друг друга.

Институционализированное, начавшееся в 2009 г., взаимодействие в рамках учебно-научного направления «История Беларуси и белорусской диаспоры» можно разделить на несколько направлений:

- заключение договоров;
- совместная научная деятельность;
- оформление общей новой тематики научных исследований и учебных проектов (белорусская диаспора);
- совместная учебная деятельность;
- общественно значимая и национально-культурная популяризаторская деятельность;
- самостоятельные студенческие инициативы.

Во всех перечисленных направлениях самое активное участие принимали белорусские общественные национально-культурные объединения России, ближнего зарубежья и мира. Но в первую очередь — российские, при личном участии С.Л. Кандыбовича. Более того, в структуре ФНКА Белорусов России в связи с активным развитием направления, которое воспринималось как вклад в форми-

рование общего гуманитарного пространства в прямом смысле этого слова, был создан специальный Комитет по развитию гуманитарных связей с университетскими и академическими центрами РБ и РФ, позднее преобразованный в Комитет по истории белорусских общественных организаций, который возглавляет автор данной статьи.

Первый договор между историческим факультетом МГУ и национально-культурной автономией московских белорусов был высоко оценен белорусской стороной, и его формат воспроизведен в договорах этой РНКА с Институтом истории НАН Беларуси (2016 г.) и с истфаком БГУ (2016 г.), а также в договорах ФНКА Белорусов России с Белорусским государственным университетом (2016 г.), с Белорусским государственным университетом культуры и искусства и с Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова (2022 г.). Договор 2022 г. — это первое в России соглашение подобного рода между вузом и федеральной национально-культурной автономией.

С 2009 г. по 2023 г. истфак МГУ подписал 24 договора с белорусскими организациями. Из них 10 с белорусскими высшими учебными заведениями, 5 с научными институтами, 2 с музеями и библиотеками, 5 с национально-культурными общественными объединениями, 2 с республиканскими центрами.

Все эти договоры лишь в редких случаях являются протоколами о намерениях. Практически во всех случаях к договорам прилагаются рабочие программы, которые обновляются каждые два года и содержат планы конкретных согласованных мероприятий. Поначалу движение в данном направлении шло по траектории — соглашение о сотрудничестве на два года, по результатам работы подписание нового договора на оговоренный срок, после этого бессрочный договор с прописанной возможностью выхода из него. Так было до 2012 г. включительно. После этого договоры стали подписываться сразу в бессрочном формате. Все без исключения договоры не содержат в себе финансовых обязательств сторон. Деятельность первоначально осуществлялась на общественных началах с опорой на личные средства, а также на административный ресурс учебных и научных структур, государственных бюджетных учреждений, на Департамент национальной политики и межрегиональных связей и на Комитет общественных связей Москвы, а также на спонсорскую поддержку.

С 2009 г. было организовано, проведено, осуществлено совместное российско-белорусское участие в 69 научных форумах, конференциях, круглых столах, презентациях научных и учебных изданий по истории. Из них 33 прошли в Российской Федерации, 27 в Республике Беларусь, 15 онлайн.

Как отмечалось выше, научные стажировки историков осуществлялись в 2015–2019 гг.: граждан РБ в МГУ имени М.В. Ломоносова для 7 человек, а для граждан РФ в БГУ в те же годы для 5 человек. Недостаточные темпы развития данной формы сотрудничества были обусловлены пандемией COVID-19 и отсутствием целевого финансирования.

Важный показатель работы учебно-научного направления — научные публикации[2].

Российско-белорусское сотрудничество, которое реализует исторический факультет МГУ, многолико и соответствует разным направлениям — научному, образовательному, общественно значимому, патриотическому, ознакомительному, научно-популярному, экспертному и др. Оно осуществляются в рамках учебно-научного направления «Белорусоведение, история Беларуси и белорусской

[2] Дни Дружбы МГУ и БГУ. Российско-белорусское межуниверситетское сотрудничество МГУ и БГУ на современном этапе. Материалы и документы: научно-практический сборник /В.А. Садовничий, А.Д. Король, Л.С. Белоусов, Ю.А. Мазей и др. М., 2019; История белорусских земель и белорусской государственности. Краткий очерк. Материалы к лекционному курсу: учебное пособие для вузов /Под ред. В.В. Даниловича, О.В. Солоповой. СПб., 2023; История белорусских земель и белорусской государственности. Краткий очерк (материалы к лекционному курсу): учебное пособие для вузов. Изд. 2-е, испр. и доп. /Под ред. В.В. Даниловича, О.В. Солоповой. М., 2024 (Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. Вып. 6. Белорусоведение); История Великой Отечественной войны /Л.Е. Гришаева, С.В. Девятов, Е.И. Пивовар и др. СПб., 2020; История для будущего. Современные исследования истории диаспор и миграций. Международный молодежный научный сборник /Отв. ред. Л.О. Башелеишвили, М.М. Гасанов, А.И. Маскевич. СПб., 2024; История Союзного государства: учебное пособие для высших учебных заведений /Отв. ред. С.Л. Кандыбович, О.В. Солопова, Д.А. Андреев, В.В. Данилович, В.Л. Лакиза, А.Г. Кохановский, И.В. Жилинская. М., 2023; Историческая память: Великая Победа, добытая единством. Материалы Международной парламентской конференции (Минск, 14–15 июня 2022 г.) /Сост. В.Л. Лакиза, А.М. Литвин; пред. редкол. В.П. Андрейченко. Минск, 2024; Минское гетто: 75 лет спустя. Научный сборник /Отв. ред. О.В. Солопова. СПб., 2019 (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 153. Сер. II. Исторические исследования, 94); Национально-культурные автономии в Российской Федерации. Научный сборник /Отв. ред. О.В. Солопова. СПб., 2019 (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 155. Сер. II. Исторические исследования, 95); Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории. Научный сборник /Отв. ред. И.И. Тучков, О.В. Солопова, О.В. Иванников. М., 2018 (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 126. Сер. II. Исторические исследования, 72); Петр Машеров. Эпоха и судьба. К 100-летию со дня рождения. Сборник статей и воспоминаний /Под ред. С.Л. Кандыбовича, О.В. Солоповой. М., 2017; Республика-партизанка. К 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков /Отв. ред. С.Л. Кандыбович, В.В. Данилович, О.В. Солопова. М., 2014; Республика-партизанка. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Изд. 2-е, доп. и испр. /Отв. ред. С.Л. Кандыбович, В.В. Данилович, О.В. Солопова. М., 2020; Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 2. Революция 1917 года в России в истории и историографии стран ближнего зарубежья /Отв. ред. И.И. Тучков. М., 2018 (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60.); Сын белорусского народа Петр Машеров: к 95-летию со дня рождения: воспоминания и статьи. М., 2013.

диаспоры», которое оформилось на историческом факультете в рамках кафедры истории стран ближнего зарубежья. Появилось и еще одно учебно-научное направление — «История белорусской диаспоры». Оно стало общим для ведущих исторических центров России и Беларуси и на определенном этапе приоритетным в числе всех проводимых российско-белорусских научных мероприятий и общих публикаций. Само же сотрудничество вышло за границы Москвы и Минска, вовлекло в себя российские и белорусские регионы.

Тематика проведенных российско-белорусских научных мероприятий и прочитанных лекций охватывала самые разные вопросы исторического знания и распределялась следующим образом:

- история развития двусторонних отношений обеих стран вне привязки к формату Союзного государства и союзного строительства (6%, или 7 мероприятий);
- история Союзного государства и разных аспектов его деятельности (10%, или 11 мероприятий);
- вопросы всеобщей истории (7%, или 8 мероприятий);
- история Беларуси (15%, или 17 мероприятий);
- общие вопросы, новые тенденции и подходы в исторической науке и историческом образовании (16%, или 18 мероприятий);
- история СССР (17%, или 19 мероприятий);
- история белорусской диаспоры (30%, или 34 мероприятия).

Столь выраженное внимание к проблематике белорусской диаспоры объясняется тем, что одним из результатов работы учебно-научного направления стало открытие первой в истории российско-белорусской магистерской программы с двумя дипломами — МГУ имени М.В. Ломоносова и Белорусского государственного университета — «История белорусской диаспоры». Подготовка и реализация этого проекта велись при непосредственном участии и содействии ФНКА Белорусов России и многочисленных белорусских объединений РФ и мира. Выпускники совместной магистратуры уже приступили к работе в Белорусском государственном университете, в отделе археографии Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, в отделе использования документов и информации Национального архива Республики Беларусь, в Российском военно-историческом обществе, на истфаке МГУ, в отделе методического обеспечения и взаимодействия с национальными общественными организациями и территориальными органами исполнительной власти Московского дома национальностей, в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Поклонной горе в Москве, преподают историю в гимназиях Минска.

Этот проект имел основательную подготовку: 34 раза (поровну от каждой стороны) белорусские историки, российские историки и члены белорусской диаспоры (либо имеющие непосредственное профессиональное отношение к гуманитарному знанию, либо лидеры общественного мнения, ведущие эксперты и ученые, популяризаторы науки и главы белорусских общественных объединений мира) приезжали друг к другу с лекциями и лекционными курсами, вырабатывали общее понимание учебного процесса, продвигались к формированию единой исторической школы.

На историческом факультете МГУ появились новые дисциплины по российско-белорусской, белорусской и диаспоральной белорусской истории, преподаваемые для учащихся исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и исторического факультета Белорусского государственного университета, а также в рамках сложившегося учебно-научного направления и учебных программ бакалавриата и магистратуры «История стран ближнего зарубежья», межкафедральной магистерской программы «История диаспор и миграционных процессов», первой российско-белорусской международной совместной магистерской программы с двумя дипломами (МГУ имени М.В. Ломоносова и БГУ) «История белорусской диаспоры». Среди них: «История Беларуси», «Белорусская диаспора в России и в мире», «Традиционная культура этнических общностей Беларуси», «Религиозные традиции на территории Беларуси на фоне процессов в Центральной и Восточной Европе», «История Союзного государства Беларуси и России», «Основные этапы формирования Союзного государства Беларуси и России с 1996 года» (на белорусском языке). Ведется преподавание белорусского языка.

Помимо этого, белорусская проблематика и изучение общей российско-белорусской истории в той или иной степени находят свое отражение во многих других курсах сотрудников кафедры истории стран ближнего зарубежья и лаборатории истории диаспор и миграций, в том числе: «Актуальные проблемы изучения истории стран ближнего зарубежья», «Источниковедение истории стран ближнего зарубежья», «Историография стран ближнего зарубежья», «Историческая география стран ближнего зарубежья», «Диаспоры и национальная политика: историческая и геополитическая ретроспектива», «Диаспоры постсоветского пространства: история формирования, институционализации и функционирования», «Теория и практика диаспоральных процессов», «Исторические закономерности, особенности и перспективы миграций», «Трудовая эмиграция из западных окраин Российской империи второй половины XIX — начала XX века», «Методы историко-политического

анализа», «Политическая история стран ближнего зарубежья», «Этнополитология», «Народы и культуры стран ближнего зарубежья», «Народы и культуры Союзного государства и мира». Эта же проблематика рассматривается и в спецсеминаре по изучению истории стран ближнего зарубежья.

С момента оформления учебно-научного направления «Белорусоведение, история Беларуси и белорусской диаспоры» студентами исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по российско-белорусской проблематике, белорусской истории и истории белорусской диаспоры были защищены 32 дипломных, бакалаврских и магистерских исследования, 12 работ были подготовлены и защищены при научном соруководстве российских и белорусских коллег.

Российские и белорусские историки подготовили и опубликовали первое совместное российско-белорусское учебное пособие для вузов «История белорусских земель и белорусской государственности. Краткий очерк. Материалы к лекционному курсу» под редакцией В.В. Даниловича (РБ) и О.В. Солоповой (РФ). Пособие представляет собой краткий очерк белорусской истории от древности до современности и позволяет составить целостное представление о прошлом белорусских земель, об исторической — в составе других государств и собственно белорусской — государственности, истории белорусских национально-культурных общественных объединений. Уникальность этого издания состоит в том, что его написание стало возможным только благодаря установившимся в результате многолетнего системного сотрудничества связям между ведущими учебно-научными центрами Союзного государства — Академией управления при Президенте Республики Беларусь, историческим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова, историческим факультетом Белорусского государственного университета и Институтом постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ. Учебное пособие было введено в учебный процесс в университетских центрах России и Беларуси с 2023/2024 учебного года. Первое издание учебного пособия вышло в серии «Труды исторического факультета МГУ». В 2024 г. вышло второе его издание в еще одной узнаваемой и авторитетной серии — «Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ».

Практически сразу за этим изданием вышло второе совместное учебное пособие для вузов, подготовленное тем же авторским коллективом, но в более расширенном составе, — «История Союзного государства». Это пособие тоже стало первым по данной проблематике. Работа над текстом пособия велась, в том числе, в рамках многочисленных совместных научных конференций и общественно значимых

мероприятий, в ходе внедрения учебных курсов и, конечно, в процессе системной работы единого российско-белорусского авторского коллектива, состоявшего из сотрудников ведущих образовательных и академических учреждений и опиравшихся в своей работе на самую широкую источниковую базу, частично вошедшую в раздел учебного издания «Хрестоматия». Авторский коллектив составили сотрудники истфака МГУ имени М.В. Ломоносова, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Института истории НАН Беларуси, исторического факультета БГУ. Средства на издание тысячного тиража этого пособия изыскала ФНКА Белорусов России под руководством ее председателя — академика РАО, иностранного члена НАН Беларуси, профессора и одного из авторов пособия С.Л. Кандыбовича. При этом здесь, как и во всех с минимальным исключением других проектах, сама преподавательская, методическая, научная работа велась без грантовой поддержки, без дополнительных субсидий. Данное пособие с 2024/2025 учебного года было введено в университетский учебный процесс высших учебных заведений в РФ и РБ, а оба учебных пособия рекомендованы школьникам при подготовке к участию в олимпиадах по истории.

По результатам многолетней работы на определенном этапе сотрудничества стало очевидно, что историкам России и Беларуси необходимо развивать единые подходы в рамках общей научной и экспертной деятельности. На Форуме регионов Беларуси и России в Уфе было единогласно поддержано предложение, поступившее от учебно-научного направления исторического факультета МГУ «Белорусоведение, история Беларуси и белорусской диаспоры» о формировании российско-белорусского экспертного пула историков — особой экспертной российско-белорусской площадки, где фундировались бы и популяризировались бы базовые научные смыслы, впоследствии воспринимаемые органами и институтами власти, обществом, смыслы, которые выстраивают координирующие гуманитарные механизмы и нарративы. Такой орган должен был стать принципиально полезным в разработке, оценке, продвижении, обсуждении любых вопросов исторического знания во всех срезах общества.

Эта инициатива получила развитие. В 2023 г. на Первом российско-белорусском Форуме историков в Москве было предложено создать Экспертно-консультативный российско-белорусский совет по истории (ЭКС). Инициаторами этого проекта стали истфак МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт истории и Университет НАН Беларуси, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, истфак БГУ и РГГУ. В сентябре 2023 г. в Минске был подписан меморандум о создании ЭКС. В его состав вошли представители 30 веду-

щих академических и университетских центров изучения и преподавания истории двух стран. Сопредседателями ЭКС стали академики А.А. Коваленя и Е.И. Пивовар. Белорусскую рабочую группу ЭКС возглавляет директор Института истории НАН Беларуси, представитель РВИО в Беларуси В.Л. Лакиза. Российскую рабочую группу ЭКС возглавляет заместитель декана, руководитель учебно-научного направления «Белорусоведение, история Беларуси и белорусской диаспоры» истфака МГУ имени М.В. Ломоносова О.В. Солопова.

Главная задача ЭКС была определена как укрепление единого социогуманитарного пространства РФ и РБ, реализация историками двух стран конкретных научных и образовательных совместных проектов, направленных на противостояние попыткам искажения и фальсификации исторического прошлого в условиях гибридной войны, развязанной коллективным Западом против России и Беларуси.

В 2023 г. Совместная российско-белорусская Комиссия по истории, соруководителями которой стали с белорусской стороны председатель Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, председатель Республиканского совета по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь И.П. Сергеенко и с российской стороны помощник Президента РФ, председатель Межведомственной комиссии по историческому просвещению при Президенте Российской Федерации В.Р. Мединский, посчитала возможным сделать ЭКС своим рабочим органом.

На сегодняшний день результатами работы ЭКС стали:

- публикация совместных изданий, в том числе молодежного научного сборника;
- взаимное рецензирование учебных изданий по истории для школ и вузов;
- преобразование научно-практического журнала «Человеческий капитал» (входит в списки ВАК РФ и ВАК РБ) в базовый совместный российско-белорусский журнал по истории, а журнал «Идеология будущего» — в базовый российско-белорусский научный журнал по военной истории;
- написание рукописей совместных российско-белорусских учебных пособий «Россиеведение», «Белорусоведение»;
- учреждение издательской серии ЭКС «История для настоящего и будущего» для публикации совместных российско-белорусских научных, учебных, научно-популярных изданий;
- системная совместная с РВИО деятельность в сфере мемориализации исторической памяти в России и в Беларуси.

Очевидно, что проектные инициативы истфака МГУ в этой области вышли на межкафедральный, межфакультетский, общеуниверситетский, межвузовский, общероссийский и международный уровни. Благодаря этому появилась возможность в отдельных случаях определять форматы институционализации российско-белорусского взаимодействия в области исторического знания.

Все это подтверждает стратегическую прозорливость руководства исторического факультета, которое последовательно — с момента создания кафедры истории стран ближнего зарубежья, оформления самостоятельного учебно-научного направления по изучению белорусской истории и истории белорусской диаспоры, появления лаборатории истории диаспор и миграций — проводило системную, совместную деятельность с РНКА «Белорусы Москвы», ФНКА Белорусов России, Институтом истории НАН Беларуси, Белорусским государственным университетом, Экспертно-консультативным российско-белорусским советом, Совместной российско-белорусской Комиссией по истории, Российским военно-историческим обществом.

Московский университет в лице исторического факультета уловил, определил новый, ранее не имевший примеров формат сотрудничества и смог с максимальной результативностью капитализировать ресурс гражданского общества в виде общественных организаций белорусской диаспоры России. Декан исторического факультета МГУ, академик РАН, профессор С.П. Карпов поддержал инициативу РНКА «Белорусы Москвы» в лице С.Л. Кандыбовича и О.В. Солоповой, что позволило вывести белорусское направление учебно-научной работы истфака на уровень прямого сотрудничества с официальными структурами обеих стран и формировавшимся гражданским обществом России. Впоследствии этот опыт при системной поддержке декана, доктора искусствоведения, доцента И.И. Тучкова и исполняющего обязанности декана, академика РАО, профессора Л.С. Белоусова стал настолько результативным, что был проецирован и на другие общественные объединения диаспор стран ближнего зарубежья. Это, в свою очередь, предопределило появление еще одного нового учебно-научного направления на истфаке МГУ — «История диаспор и миграционных процессов» — и создание соответствующей новой лаборатории в структуре факультета.

В рамках учебно-научного направления историки двух стран поддерживают и внеучебное взаимодействие молодых коллег.

Историческими факультетами МГУ и БГУ совместно было инициировано проведение российско-белорусского конкурса студенческих научных работ по истории «Общий путь к Великой Победе».

Сегодня это один из наиболее системных и постоянных проектов, ориентированных на научную молодежь Союзного государства. Он был учрежден в 2014 г., с тех пор проводился с определенной периодичностью уже без малого 10 раз, изначально совместно и при содействии белорусской диаспоры России, а в последние несколько лет — еще и Российского центра науки и культуры в Минске (Русский дом в Минске) и Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации. В нем участвовали сотни молодых историков с обеих сторон, более 70 из них стали победителями и призерами, а 11 удостоились специально учрежденной денежной премии белорусской диаспоры: белорусу — за лучшую работу по истории России, россиянину — за лучшую работу по истории Беларуси, а вне привязки к гражданству — за лучшую работу по российско-белорусской истории. Доклады победителей с 2021 г. получили возможность опубликования в научных журналах из списка ВАК («Вестниках» обоих университетов и «Человеческом капитале»). В Республике Беларусь конкурс включен в пул национальных приоритетных конкурсов: белорусские студенты — лауреаты этого конкурса попадают в «Банк данных одаренной и талантливой молодежи Республики Беларусь».

В 2018 г. двумя сначала историческими факультетами, а потом университетами в целом, БГУ и МГУ, был учрежден единственный в своем роде праздник — Дни дружбы МГУ и БГУ. Формат мероприятия предполагает взаимодействие деканов и руководства разных факультетов, которые встречаются на площадках по очереди то одного, то другого университета в памятный день 11 октября и превращают эти встречи в праздник межуниверситетского естественно-научного и гуманитарного знания. В свою очередь, и студенты двух стран проводят в рамках Дней МГУ и БГУ свои мероприятия.

Можно назвать несколько устойчивых форматов студенческих внеучебных мероприятий. Это различные конференции, студенческий клуб «Facta non Verba» с Дискуссионным клубом «Кухня», поездки студентов истфака МГУ в Беларусь в рамках экскурсий и выступлений концертных бригад, участие в спортивных мероприятиях на площадках друг друга и интеллектуальные исторические и междисциплинарные научные квизы. Еще один важнейший общий со студентами проект получил навание «Памяти учителей». В его рамках проводятся студенческие конференции, посвященные осмыслению научного наследия российских и белорусских историков, а также ведется работа по уходу за местами их упокоения.

Сотрудничество историков МГУ с белорусскими коллегами внесло ощутимый вклад в развитие социогуманитарных интеграционных начинаний Союзного государства, в формулирование и реше-

ние общих исторических научно-исследовательских задач, в реализацию разнообразных двусторонних проектов. Это сотрудничество стало одним из самых успешных примеров профессионального взаимодействия представителей разных государств на постсоветском пространстве.

References

Borisenok Yu.A. *V voennye gody Belorusskiy gosuniversitet rabotal v Podmoskovye. BGU so stantsii "Skhodnya"* [During the War Years, Belarusian State University Worked in the Moscow Region. The BSU from the "Skhodnya" Station] // *Soyuz. Belarus–Russia.* May 6, 2021. — URL: https://www.sb.by/articles/bgu-so-stantsii-skhodnya.htm

Dni Druzhby MGU i BGU. Rossiysko-belorusskoye mezhuniversitetskoye sotrudnichestvo MGU i BGU na sovremennom etape. Materialy i dokumenty: nauchno-prakticheskiy sbornik [Days of Friendship between the MSU and the BSU. Russian-Belarusian Inter-University Cooperation of the MSU and the BSU at the Present Stage. Materials and Documents: Scientific and Practical Collection] /V.A. Sadovnichiy, A.D. Korol', L.S. Belousov, Yu.A. Mazey *et al.*]. Moscow: Moscow University Press, 2019. 165 p.

Istoricheskaya pamyat': Velikaya Pobeda, dobytaya yedinstvom. Materialy Mezhdunarodnoy parlamentskoy konferentsii (Minsk, 14–15 iyunya 2022 g.) [Historical Memory: The Great Victory Achieved through Unity. Materials of the International Parliamentary Conference (Minsk, 14–15 June, 2022)] /Comp. by V.L. Lakiza, A.M. Litvin; Head of Editorial Board — V.P. Andreychenko]. Minsk: Belarusian Science, 2024. 311 p.

Istoriya belorusskikh zemel' i belorusskoy gosudarstvennosti. Kratkiy ocherk. Materialy k lektsionnomu kursu: uchebnoye posobiye dlya vuzov [History of the Belarusian Lands and Belarusian Statehood. A Brief Outline. Materials for the Lecture Course: A Textbook for Universities] /Ed. by V.V. Danilovich, O.V. Solopova. Saint Petersburg: Aleteia, 2023. 102 p.

Istoriya belorusskikh zemel' i belorusskoy gosudarstvennosti. Kratkiy ocherk (materialy k lektsionnomu kursu): uchebnoye posobiye dlya vuzov [History of the Belarusian Lands and Belarusian Statehood. A Brief Outline (Materials for the Lecture Course): A Textbook for Universities]. 2nd ed., rev. and enl. /Ed. by V.V. Danilovich, O.V. Solopova. Moscow: RSUH, 2024. 77 p. (*Trudy Instituta postsovetskikh i mezhregional'nykh issledovaniy* [Proceedings of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies]. Issue 6. *Belorusovedeniye* [Belarusian Studies]).

Istoriya dlya budushchego. Sovremennyye issledovaniya istorii diaspor i migratsiy. Mezhdunarodnyy molodezhnyy nauchnyy sbornik [History for the Future. Contemporary Research on the History of Diasporas and Migrations. International Youth Scientific Collection] /Ed. by L.O. Basheleishvili, M.M. Gasanov, A.I. Maskevich. Saint Petersburg: Aleteia, 2024. 262 p.

Istoriya Soyuznogo gosudarstva: uchebnoye posobiye dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy [History of the Union State: A Textbook for Higher Educational Institutions] /Ed. by S.L. Kandybovich, O.V. Solopova, D.A. Andreev, V.V. Danilovich, V.L. Lakiza, A.G. Kokhanovskiy, I.V. Zhilinskaya. Moscow: Etnika Studio (IP Troshkov A.V.), 2023. 288 p.

Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny [History of the Great Patriotic War] /L.E. Grishaeva, S.V. Devyatov, E.I. Pivovar *et al.*]. Saint Petersburg: Aleteia, 2020. 848 p.

Minskoye ghetto: 75 let spustya. Nauchnyy sbornik [Minsk Ghetto: 75 Years After. Scientific Collection] /Ed. by O.V. Solopova. Saint Petersburg: Aleteia, 2019. 172 p. (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History at Moscow State University]. Issue 153. Series II. *Istoricheskiye issledovaniya* [Historical Researches], 94).

Natsional'no-kul'turnyye avtonomii v Rossiyskoy Federatsii. Nauchnyy sbornik [National-Cultural Autonomies in the Russian Federation. Scientific Collection] / Ed. by O.V. Solopova. Saint Petersburg: Aleteia, 2019. 374 p. (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History at Moscow State University]. Issue 155. Series II. *Istoricheskiye issledovaniya* [Historical Researches], 95).

Osmysleniye al'ternativnykh kontseptsiy rossiysko-belorusskoy istorii. Nauchnyy sbornik [Understanding Alternative Concepts of Russian-Belarusian History. Scientific Collection] /Ed. by I.I. Tuchkov, O.V. Solopova, O.V. Ivannikov. Moscow: Moscow University Press, 2018. 156 p. (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History at Moscow State University]. Issue 126. Series II. *Istoricheskiye issledovaniya* [Historical Researches], 72).

Petr Masherov. Epokha i sud'ba. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. Sbornik statey i vospominaniy [Petr Masherov. Era and Fate. On the 100th Anniversary of His Birth. A Collection of Articles and Memoirs] /Ed. by S.L. Kandybovich, O.V. Solopova. Moscow: Etnika Studio (IP Troshkov A.V.), 2017. 560 p.

Respublika-partizanka. K 70-letiyu osvobozhdeniya Belarusi ot nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov [Partisan Republic. On the 70th Anniversary of the Liberation of Belarus from the German-Fascist Invaders] /Ed. by S.L. Kandybovich, V.V. Danilovich, O.V. Solopova. Moscow: Assotsiatsiya "Liga sodeystviya oboronnym predpriyatiyam", 2014. 360 p.

Respublika-partizanka. K 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne [Partisan Republic. On the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. 2nd ed., rev. and enl. /Ed. by S.L. Kandybovich, V.V. Danilovich, O.V. Solopova. Moscow: Etnika Studio (IP Troshkov A.V.), 2020. 480 p.

Stoletiye Revolyutsii 1917 goda v Rossii. Nauchnyy sbornik [The Centennial of the 1917 Revolution in Russia. Scientific Collection]. Part 2. *Revolyutsiya 1917 goda v Rossii v istorii i istoriografii stran blizhnego zarubezh'ya* [The 1917 Revolution in Russia in the History and Historiography of the Near Abroad Countries]. Moscow: RDP, 2018. 195 p. Ed. by I.I. Tuchkov (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History at Moscow State University]. Issue 108. Series II. *Istoricheskiye issledovaniya* [Historical Researches], 60).

Syn belorusskogo naroda Petr Masherov: k 95-letiyu so dnya rozhdeniya: vospominaniya i stat'i [Son of the Belarusian People, Petr Masherov: On the 95th Anniversary of His Birth: Memoirs and Articles]. Moscow: Assotsiatsiya "Liga sodeystviya oboronnym predpriyatiyam", 2013. 461 p.

Поступила в редакцию
20 ноября 2024 г.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Серия 8. ИСТОРИЯ. 2024. Т. 65. № 6. С. 126–150
LOMONOSOV HISTORY JOURNAL. 2024. Vol. 65. N 6. P. 126–150

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-6-126-150

О.Е. Казьмина, Т.Д. Соловей

РОССИЙСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ

O.E. Kazmina, T.D. Solovei

RUSSIAN ETHNOLOGY THROUGH THE PRISM OF UNIVERSITY SCIENCE

Аннотация. Понять логику становления и развития этнографии (этнологии) как дисциплины в Московском университете возможно только через внимание к контексту (контекстам). В первую очередь, это контекст дисциплинарный, что предопределялось его долговременным решающим влиянием на этнографию в университетских стенах. Этнология как дисциплина также развивалась в динамичном общеисторическом контексте, оказывавшем и оказывающем на нее решающее воздействие. Становление и институционализация этнологии в России происходили во второй половине XIX в. В 1880-х гг. наметились две линии в организации этнологического образования: одна интегрировала его в контекст естественнонаучный, другая — в исторический (шире — гуманитарный). Уже в первые десятилетия XX в. русская этнография обладала серьезным потенциалом, в частности, способностью к самостоятельному оригинальному теоретизированию. На советскую эпоху пришелся расцвет этнографии как дисциплины и уни-

Казьмина Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kazmina Olga Evgenievna, Doctor in History, Head, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

okazmina@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1708-2933

Соловей Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Solovei Tatiana Dmitrievna, Doctor in History, Professor, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

tsolovei19@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7453-297X

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

верситетской кафедры как ее неотъемлемого звена. Этнография в университете прошла, начиная с 1939 г., фазы институционализации (С.П. Толстов и Н.Н. Чебоксаров), качественного роста (С.А. Токарев) и профессионального расцвета (Г.Е. Марков). Сложилась концепция этнографического образования, были обеспечены серьезные масштабы научно-исследовательской и экспедиционной деятельности, сложился привлекательный имидж профессии. Устойчивость и здоровый консерватизм, присущие Московскому университету и университетской корпорации, позволили кафедре успешно преодолеть эпоху социальной и политической турбулентности (вторая половина 1980-х — 1990-е гг.), сохранив базовые основания системы профессиональной подготовки, и внести в нее необходимые новшества (В.В. Пименов). В начале XXI столетия основной линией развития этнологии как дисциплины стал антропологический поворот. Антропологическая линия была инкорпорирована и в систему профессионального образования в Московском университете, дополнив, но не вытеснив традиционные этнографическое и этнологическое направления (А.А. Никишенков, Д.А. Функ). На современном этапе кафедра этнологии демонстрирует расширение притока студентов, поддерживает разумный баланс этнографически-этнологической и антропологической составляющих, стоит на позициях междисциплинарности, обеспечивает устойчивую трансляцию профессиональной традиции в тесном взаимодействии с академической наукой.

Ключевые слова: этнография в Московском университете, этнология как дисциплина, антропологический поворот, академическая и университетская наука, этнографические экспедиции.

Abstract. It is only possible to comprehend the logic of the formation and development of ethnography (ethnology) as a discipline at Moscow University if one is aware of its context(s). Primarily, this is a disciplinary context, as evidenced by its long-term and decisive influence on ethnography within the university environment. The development of ethnology as a discipline has been shaped by a dynamic socio-historical context, which has exerted and continues to exert a significant influence on its evolution. The establishment and institutionalization of ethnology in Russia occurred in the second half of the 19th century. During the 1880s, two distinct trends began to emerge in the organization of ethnological education. One of these trends integrated ethnological education into the context of the natural sciences, while the other placed it within the broader historical and humanitarian context. In the early decades of the 20th century Russian ethnography possessed serious potential, including the ability for independent original theorization. During the Soviet era, ethnography experienced significant development, both as a scholarly discipline and as a formally recognized academic department. Since 1939, ethnography within the university has undergone phases of institutionalization (S.P. Tolstov and N.N. Cheboksarov). The concept of ethnographic education was formed, substantial scientific research and expeditionary activities were carried out, and the profession developed an attractive image. The stability and conservative ethos of Moscow University and its academic community enabled the department to successfully navigate the period of social and political turbulence (the late 1980s — 1990s), thereby preserving the foundational aspects of the professional training system and introducing necessary innovations

(V.V. Pimenov). At the beginning of the twenty first century, ethnology as a discipline underwent a significant development, marked by an anthropological turn in research and methodology. The anthropological approach was integrated into the academic framework of professional education at Moscow University, serving as a complement to, rather than a replacement for, the prevailing ethnographic and ethnological methodologies (A.A. Nikishenkov, D.A. Funk). The Department of Ethnology has recently been experiencing an increase in student enrolment, while concurrently maintaining a judicious balance between ethnographic, ethnological and anthropological components. It is noteworthy that the department has adopted an interdisciplinary stance and has instituted measures to ensure the seamless transmission of professional tradition in close collaboration with academic science.

***Keywords*:** ethnography at Moscow University, ethnology as a discipline, anthropological turn, academic and university science, ethnographic expeditions.

* * *

В 2024 г. исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова отметил свое 90-летие, а кафедра этнологии исторического факультета — 85-летие. Годом ранее был 90-летний юбилей Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Череда этих юбилеев мотивирует нас поразмышлять о траектории развития российской этнологии, ее месте в системе социогуманитарного знания и высшего образования. Не менее важно подумать о перспективах и роли этнологии как дисциплины в сложной и динамичной реальности современного мира. Развернувшиеся в последние десятилетия процессы глобализации, стандартизации и унификации повседневной жизни людей не смогли вытеснить этническую идентичность и культурное многообразие человечества. Роль этнокультурного фактора не просто сохраняется, но непрерывно возрастает: современные общества остаются поликультурными, многие нации — многоэтничными. Это внушает оптимизм по поводу перспектив этнологии как отдельной научной дисциплины. Одновременно это ставит новые задачи, «осовременивает» предмет этнологии, а также в очередной раз доказывает ошибочность позиции тех, кто столетие назад пытался свести этнографию (этнологию) до уровня сугубо эмпирической вспомогательной дисциплины. В данной статье итоги и перспективы этнологии будут проанализированы сквозь призму университетской кафедры.

В России становление и дисциплинарное оформление этнологии (этнографии, народоведения, как в разные периоды называлась эта дисциплина) происходило во второй половине XIX в. Отечественная этнология формировалась как наука о народах, предполагая комп-

лексный характер изучения разных этнических групп, отличающихся друг от друга по хозяйству, верованиям, традиционной культуре, что естественно для страны с пестрым этническим составом[1]. Это предопределило ее отличие от западной социальной и культурной антропологии, которая складывалась во второй половине XIX в. прежде всего как наука о человеке, об обществе и культуре. Эти разные акценты обусловили разные траектории и разные национальные историографические традиции.

Российское профессиональное этнографическое образование своими истоками восходит к 80–90-м гг. XIX в. (тогда — в контексте географического образования), и флагманом этого процесса стал Московский университет. На рубеже XIX–XX вв. в нем складываются две линии этнографического образования: интегрировавшая его в естественнонаучный цикл (Д.Н. Анучин) и склонявшаяся к гуманитарным дисциплинам (Н.Н. Харузин).

Востребованность этнологического знания в раннесоветских проектах национальной политики предопределила институциональное оформление университетской этнологии. В 1919–1929 гг. функционировала кафедра антропологии физмата I МГУ (на ней читались и курсы этнографического профиля), а в 1925–1930 гг. существовал этнологический факультет I МГУ. Затем преподавание этнологии на несколько лет приостановилось. Но в 1934 г. был образован (воссоздан) исторический факультет МГУ, а в 1939 г. на нем открыта кафедра этнографии[2]. Таким образом, этнология в качестве самостоятельной университетской дисциплины инкорпорировалась в систему исторического образования.

Создание кафедры этнографии на историческом факультете в 1939 г. во многом произошло благодаря волевым усилиям, административным возможностям и научным достижениям выдающегося историка, археолога и этнографа С.П. Толстова. Он стал первым заведующим кафедрой и руководил ею до 1952 г. Он же в 1933 г. реализовал свою инициативу по созданию Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР в Москве. В 1937 г. институт был реорганизован и преобразован в Институт этнографии, а С.П. Толстов стал его первым директором. Руководство как институтом, так и кафедрой одним ярким ученым предопределило общий путь ака-

---

[1] Подробнее о становлении и институционализации российской этнологии см.: *Соловей Т.Д.* История российской этнологии в очерках. XVIII — начало XXI века. М., 2022.

[2] Подробнее о становлении этнологического образования и истории университетской кафедры см.: *Соловей Т.Д.* Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX — начало XXI вв.). М., 2004.

демической и университетской этнографии, по крайней мере, на начальном этапе. Во многом заслугой С.П. Толстова было и признание корпорацией профессиональных историков этнографии в качестве полноценной исторической дисциплины (косвенным свидетельством тому служит факт, что в 1943–1945 гг. С.П. Толстов был одновременно и деканом исторического факультета). С.П. Толстов собрал на кафедре блестящий преподавательский коллектив: С.А. Токарев, М.О. Косвен, Н.Н. Чебоксаров, В.И. Чичеров, Е.М. Шиллинг, Б.И. Шаревская. Все эти видные ученые совмещали преподавание на кафедре с академической исследовательской работой.

Сложившийся в первые полтора десятилетия ее существования учебный план кафедры этнографии включал три главных проблемно-тематических направления: история первобытного общества, этнография народов СССР, зарубежная этнография. Те же направления были основными и в исследовательской работе Института этнографии. В этнографической науке преобладал исторический аспект. Изучение, а тем более концептуализация современности были весьма затруднены, да и небезопасны в политической ситуации и идеологической атмосфере конца 1940-х — первой половины 1950-х гг. Внимание этнографов было смещено в область изучения первобытности, этнической истории и традиционной этнографии. Важной составляющей профессиональной подготовки будущих этнографов на кафедре и исследований в институте была полевая работа. В этот период обычно проводились совместные экспедиции института и кафедры. Это были, прежде всего, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция — любимое детище С.П. Толстова, а также Северокавказская (работала в Дагестане и Северном Азербайджане), которой руководил Е.М. Шиллинг, и комплексная Прибалтийская во главе с Н.Н. Чебоксаровым экспедиции. Позже кафедра стала проводить собственные постоянные экспедиции: Поволжскую во главе с К.И. Козловой, Северовеликорусскую во главе с М.В. Витовым и Г.Г. Громовым, Среднеазиатскую археолого-этнографическую во главе с Г.Е. Марковым.

В 1952 г. С.П. Толстова на посту заведующего кафедрой этнографии сменил Н.Н. Чебоксаров — видный специалист в области этнической истории народов Восточной Азии, физической антропологии и этногенеза народов Евразии, занимавшийся также теоретическими вопросами этнографии и антропологии, ставший в частности одним из авторов теории хозяйственно-культурных типов. В 1956 г. Н.Н. Чебоксаров оставил кафедру в связи с предстоящей длительной командировкой в Китай. Там также ярко проявился его талант учителя и наставника. Н.Н. Чебоксаров стал одним из основателей ки-

тайской этнологической школы, подготовив многих специалистов, занявших впоследствии ведущие позиции в науке своей страны.

В 1956–1973 гг. кафедру возглавлял С.А. Токарев. Вклад С.А. Токарева, ученого-энциклопедиста, в развитие отечественной этнографии (как академической, так и университетской) можно охарактеризовать исключительно в комплиментарных тонах. Жесткая логика изложения, простота стиля и доходчивость характерны для всех его работ, будь то теоретические построения или насыщенные фактами эмпирические осмысления. Любой профессиональный сюжет подвергался им фундаментальной историографической и фактологической проработке. В обширном научном наследии С.А. Токарева можно выделить несколько магистральных направлений, центральным из которых было изучение религии, которое он считал главной научной задачей своей жизни[3]. Этот интерес вылился в прославивший ученого и неоднократно переиздававшийся религиоведческий цикл: «Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в.», «Ранние формы религии», «Религия в истории народов мира». Все эти работы со временем не теряли своей ценности и переиздавались[4]. Именно С.А. Токарев внедрил религиоведческую тематику — кстати, основополагающую в развитии как отечественной этнологии, так и западной социокультурной антропологии — в учебный план кафедры.

С.А. Токарев также фактически выступил основоположником отечественной историографической традиции, опубликовав такие капитальные труды, как «История русской этнографии (дооктябрьский период)» (1966), «Истоки этнографической науки (до середины XIX в.)» (1978), «История зарубежной этнографии» (1978)[5], и заложив традицию основательной историографической подготовки студентов кафедры.

В значительной степени усилиями С.А. Токарева на кафедре были созданы первые учебники. В 1958 г. выходит ставший знаменитым учебник С.А. Токарева «Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры» — работа беспрецедентная

[3] Собственноручная запись С.А. Токарева в дневнике. См.: Из дневников С.А. Токарева // Благодарим судьбу за встречу с ним. (О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке) /Отв. ред. С.Я. Козлов, П.И. Пучков. М., 1995. С. 163.

[4] *Токарев С.А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; *Он же.* Ранние формы религии и их развитие. М., 2021; *Он же.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.; Л., 1957; *Он же.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М., 2020; *Он же.* Религия в истории народов мира. М., 1964; *Он же.* Религия в истории народов мира. М., 2005.

[5] *Токарев С.А.* История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1966; *Он же.* Истоки этнографической науки (До середины XIX в.). М., 1978; *Он же.* История зарубежной этнографии. М., 1978.

по региональному и тематическому охвату, по собранному и осмысленному материалу[6]. А в 1968 г. под редакцией С.А. Токарева коллектив кафедры издает первый вузовский учебник «Основы этнографии»[7].

Одним из ярких достижений этнографической науки 1950-х — 1960-х гг. (и академической, и университетской) стало издание под общей редакцией С.П. Толстова монументальной серии «Народы мира. Этнографические очерки» (1954–1966), состоявшей из 17 книг, посвященных разным регионам мира, и одного общего тома. Серия отражала успехи отечественной этнографии в области изучения этногенеза, этнической истории, традиционной культуры. Но уже в ходе работы над этой серией С.П. Толстов почувствовал, что надо разворачиваться к современности[8] (обращение к современности отразилось, в частности, в подготовке тома «Численность и расселение народов мира»[9]). Работа над этой серией также дала мощный импульс развитию этнической картографии (серия содержала большое количество карт), прославившей советскую этнографическую науку. В 1964 г. вышел «Атлас народов мира»[10], до сих пор по своей полноте и детальности не имеющий аналогов в мире.

В 1960–1970-е гг. институционализация этнографии как самостоятельной университетской дисциплины приобрела общесоюзный размах: этнография стала обязательным предметом и неотъемлемой частью исторического образования в крупнейших вузах страны, а кафедра этнографии исторического факультета МГУ по праву обрела статус головной в системе профессионального образования этнографов. Выпускники кафедры стали составлять костяк научно-педагогических этнологических кадров большинства советских вузов и исследовательских институтов. Значительную часть, если не большинство, сотрудников Института этнографии АН СССР, ставшего центром академической этнологической науки в СССР, тоже образовывали питомцы кафедры этнографии МГУ. Коллектив самой кафедры также пополнялся теперь почти исключительно через кафедральную аспирантуру.

Одновременно наметилось размежевание университетской и академической этнологической науки в Москве. Впрочем, оно

---

[6] *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958.

[7] Основы этнографии. Учебное пособие /Под ред. С.А. Токарева. М., 1968.

[8] «Узнать из первоисточника». Интервью с С.И. Бруком // Тишков В.А. Разговоры с этнографами. СПб., 2022. С. 64.

[9] Численность и расселение народов мира /Под ред. С.И. Брука. Серия: Народы мира. Этнографические очерки. М., 1962.

[10] Атлас народов мира /Отв. ред. С.И. Брук, В.С. Апенченко. М., 1964.

было характерно для всего комплекса исторических дисциплин. Отчасти это было вызвано институциональной конкуренцией, отчасти — традиционно присущим системе высшего образования консерватизмом. Академические институты довольно быстро улавливали и усваивали новые теоретические веяния и научные направления, в то время как вузы не спешили интегрировать их в учебные курсы. Это был здоровый консерватизм: образование не может руководствоваться скороспелой интеллектуальной модой и включает новации в систему учебной подготовки лишь тогда, когда они докажут свою эффективность и будут признаны научным сообществом. Но консерватизм не означал косность или второсортность. Университетская кафедра не могла себе этого позволить, подтверждение чему находим в дневниках С.А. Токарева. Вот его запись гораздо более раннего периода (1944 г.): «Об истории религии: Толстов убеждает меня отказаться от изложения моих "еретических" взглядов, излагать теоретические вопросы более нейтрально и более согласно с взглядом "большинства", а с другой стороны, сократить раздел о высших религиях. Я очень смущен этим требованием: не могу же я говорить на лекциях то, что противоречит моим взглядам…»[11]. И это не просто описание конкретного эпизода, отражающего принципиальную позицию С.А. Токарева, здесь отражается сущностная черта университетской науки в ее лучших проявлениях. Да, зачастую университетская наука более консервативна, чем наука академическая, но, с другой стороны, на лекциях и семинарах преподаватель порой апробирует новые, еще не опубликованные мысли и гипотезы, а студенческая аудитория может быть чутким и тонким критиком. У университетских преподавателей есть эта постоянная и весьма ценная обратная связь. С.А. Токарев был и академическим ученым, и вузовским преподавателем, и приведенная выдержка из его дневника демонстрирует, что он ценил эту обратную связь. С.А. Токарев обладал «редким иммунитетом к научной моде»[12] и небезуспешно пытался привить его своим коллегам по кафедре и студентам-этнографам, делая визитной карточкой кафедры именно такой консерватизм.

С конца 1960-х гг. метанарративом советской этнографии становится разработанная академиком Ю.В. Бромлеем теория этноса (и близкие к ней вариации, предложенные другими учеными). Центральной категорией выступал народ/этнос (этническая общность) — исторически сложившаяся на определенной территории

[11] Из дневников С.А. Токарева // Благодарим судьбу за встречу с ним. С. 190.

[12] *Басилов В.Н.* С.А Токарев как представитель русской культуры // Благодарим судьбу за встречу с ним. С. 35.

устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих общими чертами и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык), а также осознанием своего единства и отличия от всех других подобных групп. Такая концептуализация предопределяла сохранение исследовательского интереса к этногенезу, этнической истории, традиционной материальной и духовной культуре народов. Но одновременно она предполагала расширение тематики за счет всё большего обращения к современности и к междисциплинарным ее исследованиям. Заметим попутно, что в западной социальной и культурной антропологии обозначающая определенную группу категория «этнос» не использовалась, там возникло понятие «этничность» — т.е. не группа, а свойство, одна из идентичностей, меняющихся и конструирующихся.

Теория этноса, конечно, давала твердую дисциплинарную рамку, четко очерчивала предметное поле этнологии, но в ней вместе с тем было немало натяжек, в том числе и идеологически обусловленных (в частности, этнические общности надо было непременно помещать в схему общественных формаций). Да и само определение этноса вызывало немало вопросов. На отсутствие удовлетворительного определения понятия «этнос», загнанного в перечень признаков, ни один из которых не является универсальным, обращал внимание С.А. Токарев (в своих работах понятию «этнос» он предпочитал более широкое и использовавшееся учеными ранее понятие «этническая общность», уходя таким образом от не удовлетворявших его искусственностей теории этноса). В одной из своих статей он предложил сделать определение более гибким, построив его вокруг связей, а не признаков: «… чисто формальное, пока весьма предварительное, определение понятия “этническая общность” могло бы гласить: этническая общность есть такая общность людей, которая основана на одном или нескольких видах социальных связей: общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии (если эта последняя сохраняется)»[13]. Вроде бы лишь замена «признака» на «связи», но ведь связи — это и результат определенной рационализации в определенной ситуации, в определенном контексте. На это определение стоило бы обратить больше внимания в начале 1990-х гг., когда велись жесткие споры о взаимоисключающем выборе между примордиализмом и конструктивизмом.

С 1973 по 1986 г. кафедрой руководил Г.Е. Марков. Он воплощал самые сильные стороны советской науки того периода: крупный эт-

[13] *Токарев С.А.* Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 43.

нолог и археолог, автор ряда прорывных открытий и идей, блестящий лектор и педагог, эффективный организатор науки. Г.Е. Марков выступил одним из основоположников нового научного направления в этнологии — номадологии (кочевниковедения) и стал автором оригинальной основательно верифицированной и блестяще аргументированной теории социально-экономических отношений в кочевых обществах, убедительно доказав, что кочевники никогда не были феодально-зависимым населением[14]. Второе, исправленное и дополненное, издание монографии Г.Е. Маркова «Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации», впервые вышедшей в 1976 г., состоялось в 2010 г.[15], спустя значительное время и в совершенно другую эпоху, доказав тем самым, что его концепция была не сиюминутным построением, а стала фундаментальной теорией. В своей исследовательской деятельности Г.Е. Марков органично сочетал эмпирическую (полевую) и аналитическую (теоретическую) работу, демонстрируя одинаково высокий уровень в этих качественно различных формах научной активности.

При Г.Е. Маркове базовые принципы этнографического образования на кафедре оставались неизменными, но работа по их совершенствованию носила непрерывный характер. Отчетливо оформились первичный (общие теоретические вопросы этнографии, историография, история первобытного общества, изучение религиозных верований) и вторичный (углубленное изучение региональной этнографии) циклы обучения. С начала 1970-х гг. в учебной подготовке и научной деятельности кафедры всё более важное место занимает изучение современности. Расширяются дисциплинарные границы советской этнографии. Концепция этноса — основополагающее теоретическое основание в ее арсенале, — рассматривавшая этнос как сложную социальную систему и целостность, стимулировала формирование на периферии этнографии суб- и пограничных дисциплин (этносоциологии, этносоциолингвистики, этнопсихологии, этнодемографии, этноэкологии и др.). Отечественными учеными они рассматривались как важный инструмент анализа современности, изучение которой в рамках этнологии стало одним из императивов того времени. Без обращения к изучению современности, современных форм проявления этничности этнология рисковала превратиться в дисциплину, пытающуюся ухватить уходящую архаику. Расширение исследовательских горизонтов

[14] *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

[15] *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.

было характерно не только для советской этнографии, но и в еще большей степени для западной антропологии. Выделились и самоопределились на уровне самостоятельных научных обществ городская, гендерная, медицинская, политическая и другие антропологии. Такое расширение предмета дисциплины принимало у нас не всё цеховое сообщество, неоднозначно оно воспринималось и на Западе. В одном своем интервью В.А. Тишков отмечал: «Сами же западные антропологи начали жаловаться, что теперь антропологией стали называться почти все отрасли гуманитарного знания, и следует более четко определять собственные дисциплинарные границы, чтобы не потерять дисциплину вообще»[16]. Расширение предметных рамок в принципе таит угрозы для дисциплины, но определенным ориентиром того, до какой степени могут простираться границы расширения без угрозы потери предмета, служат ответы на вопросы, насколько результаты субдисциплин помогают понять функционирование и проявление этнического в современном мире, что они дают для описания характера и параметров его культурного многообразия, насколько они базируются на традициях дисциплины, демонстрируют преемственность и вносят вклад в историографический багаж своего цеха. Подобный тест, например, проходят этнодемография (исследование этнического состава и его картографирование, изучение переписей населения) и этносоциология (изучение этнической и других идентичностей методами социологических опросов), хотя исследовательские сферы, демонстрирующие с ними преемственность, уже теперь обычно и не обозначают прежними наименованиями.

Г.Е. Марков задавал высокий стандарт междисциплинарности — когда это не механистическое соединение элементов разных дисциплин, а вклад в каждую из них. Не случайно его в плане цеховой принадлежности считают своим и этнологи, и археологи. Коллекция памятников неолита и мезолита западной части Центральной Азии, собранная Г.Е. Марковым за время возглавлявшейся им Туркестанской археолого-этнографической экспедиции МГУ и Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР (1958–1980 гг.) (часть коллекции хранится в МГУ имени М.В. Ломоносова), до сих пор вызывает большой научный интерес специалистов. Так, на протяжении нескольких последних лет археологи из Сибирского отделения РАН приезжали на кафедру этнологии, чтобы поработать с предметами этой коллекции. На основе собранных материалов с помощью этно-археологического подхода Г.Е. Марков выдвинул гипотезу о том, что на территории Восточного

[16] *Тишков В.А.* Разговоры с этнографами. С. 198.

и Южного Прикаспия, Кызылкума, Центрального Ирана и Северного Ирака существовала Каспийская археологическая этнокультурная провинция[17]. Современные археологические исследования подтвердили эту гипотезу.

Своими фундаментальными трудами, основанными на тщательном осмыслении источников и историографии такие фигуры отечественной науки, как Н.Н. Чебоксаров, С.А. Токарев, Г.Е. Марков демонстрировали способность и возможность советской этнографии выйти за идеологизированную рамку. Крупные отечественные этнологи, столпы кафедры этнологии МГУ не были диссидентами, но и не принадлежал к «касте» марксистов-догматиков, они умели использовать эвристический потенциал этой влиятельной интеллектуальной доктрины, инкорпорируя ее концептуальные подходы в свои исследования, не вписывавшиеся в заезженные догмы.

Научная и педагогическая карьера Г.Е. Маркова демонстрировала, что глобальная наука существовала, несмотря на идеологические и социокультурные барьеры времен «среднего» и «позднего» СССР. С середины 1960-х гг. Г.Е. Марков систематически читал лекционные курсы в европейских странах, немало поспособствовав росту интереса к отечественной этнологии за рубежом. В конце 1970-х гг. он в течение года исполнял обязанности директора Института этнологии Свободного университета Западного Берлина, где организовал ряд семинаров по российской тематике, привлекших пристальное внимание западных ученых. Авторитет трудов Г.Е. Маркова за рубежом подтверждает, что советская этнография не была чем-то изолированным и воспринималась как часть своего цеха западной антропологией. По его собственному признанию, никаких идейно-политических и концептуальных проблем в ходе научных контактов с западными коллегами, Г.Е. Марков не испытывал: «На Западе никаких проблем у меня не было. Дело в том, что я никогда не занимался агитацией, а излагал свою точку зрения, которая, впрочем, нисколько не противоречила существующим у нас позициям»[18].

Все лекционные курсы Г.Е. Маркова отличало сочетание теоретической насыщенности с обширной эмпирической базой, безусловной цеховой принадлежности с необходимой этнологическому знанию междисциплинарностью. Г.Е. Марков был одним из авторов всех вузовских учебников по этнологии, подготовленных кафед-

[17] Подробнее об этом см.: *Марков Г.Е.* Памятники каменного века в Западной Туркмении и проблема типологии археологических культур в мезолите и неолите // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 12. Ташкент, 1975. С. 60–67.

[18] *Аникин Н.В., Соловей Т.Д.* Интервью с Г.Е. Марковым // Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии. К юбилею профессора Г.Е. Маркова. Сб. научных статей /Отв. ред. Т.Д. Соловей. М., 2013.

рой[19], и соредактором двух из них. Учебник 1982 г., вышедший под редакцией директора Института этнографии АН СССР Ю.В. Бромлея и заведующего кафедрой этнографии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, свидетельствовал, что после периода некоторого отдаления вновь усилилось тесное и органичное сотрудничество института и кафедры на пользу обеим институциям. Подтверждением этого был и факт приглашения Г.Е. Марковым тогдашнего директора Института этнографии АН СССР Ю.В. Бромлея на кафедру на работу по совместительству.

В структуре учебной подготовки и научной деятельности кафедры начиная с 1970-х гг. всё более важное место также занимало исследование современности, что было реакцией университетской этнографии на формирование круга новых научных проблем. В силу естественного консерватизма системы образования включение тем по современности в профессиональную подготовку происходило с некоторым запозданием по сравнению с формированием соответствующих направлений в головном институте.

Однако университетская кафедра, как часть этнографического сообщества, сублимировала не только сильные, но и слабые стороны позднего СССР, не избежав тех деформаций, которые характеризовали советскую гуманитаристику эпохи «застоя». Это особенно проявилось на закате Советского Союза.

Задача руководить кафедрой этнологии в 1986–2005 гг., в эпоху бурных перемен и политических катаклизмов, выпала на долю В.В. Пименова, выпускника кафедры, вернувшегося на нее уже профессором и заведующим. При нем же кафедра в своем названии сменила этнографию на этнологию. В этот же период Институт этнографии стал Институтом этнологии и антропологии. Взрыв национализмов на пространстве бывшего СССР резко актуализировал этнополитическую и этносоциологическую проблематику, а также изучение современности в целом, что нашло свое выражение в структурных и учебных новациях на кафедре, отразилось на характере ее экспедиционной деятельности, тематике курсовых и дипломных работ. В.В. Пименовым на кафедре были поставлены такие принципиально новые учебные курсы, как «Введение в теоретическую этнологию», «Межэтнические конфликты и способы их урегулирования», курс по методам массовых социологических обследований, семинар по этнофольклористике.

---

[19] Основы этнографии /Под ред. С.А. Токарева. М., 1968; Этнография /Под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. М., 1982; Этнология. Учебник. Для высших учебных заведений /Под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. М., 1994; Основы этнологии. Учебное пособие /Под ред. В.В. Пименова. М., 2007.

Именно усилиями В.В. Пименова была реализована давнишняя (еще первой половины 1970-х гг.) идея формирования специализированного этносоциологического подразделения. В конце 1980-х гг. при кафедре была создана этносоциологическая лаборатория. Следующим ответом на вызовы современности стало создание в 1990 г. в рамках кафедры Центра прикладной этнологии (в значительной степени на базе этносоциологической лаборатории), который возглавила Л.Б. Заседателева. В основу деятельности центра была положена магистральная идея применения этнологических знаний в социальной практике, что реализовалось в проведении прикладных исследований в области обычного права, трудовых этнических миграций, взаимодействия науки и институтов власти, связи экономического положения и этнического статуса и др. Центр открыл студентам возможность специализации по прикладным проблемам этнологии и этнополитологии.

С середины 1980-х гг. усилия коллектива кафедры были направлены на оптимизацию учебного плана в направлении сочетания традиционных и новых предметов. При этом имелась в виду главная цель кафедры — обеспечить выпуск специалистов широкого профиля, имеющих классическую этнографическую подготовку и, вместе с тем, способных реагировать на вызовы современности, ориентироваться в новой этнополитической обстановке.

Заложенные еще в первое послевоенное десятилетие принципы этнологического образования сохранились в прежнем виде, равно как и фундаментальность профессиональной подготовки. Начатое во времена С.А. Токарева, традиционным исследовательским направлением кафедры оставалось изучение истории этнологической науки — западной и отечественной. Кафедра этнографии внесла основательный вклад в расшифровку до этого мало известных в российской науке тем. Новаторские монографии А.А. Никишенкова впервые в отечественной историографии представили анализ контекстов — исторического, политического, экономического, психологического — формирования британской социальной антропологии и английского функционализма как одного из ключевых ее направлений[20]. Комплекс фундаментальных исследований Г.Е. Маркова восполнил зияющий пробел в историографии немецкоязычной науки о народах, которая составляла одну из наиболее серьезных и глубоких национальных научных школ XIX–XX вв., оказавшую к тому же критическое влияние на русскую этно-

[20] *Никишенков А.А.* Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986; *Он же.* История британской социальной антропологии. СПб., 2008.

графию[21]. Т.Д. Соловей обратилась к изучению истории отечественной этнологии первой трети XX в. — периоду, представлявшему научную лакуну, но впоследствии расширила хронологические рамки исследования, представив обобщающий очерк формирования и развития данной научной дисциплины[22].

В научно-исследовательской работе кафедры весомо было представлено религиоведение, что опять же можно считать продолжением «токаревской» линии. Систематизированный подробный обзор всех значительных религий, их основных направлений и течений, важнейших деноминаций был представлен в работе О.Е. Казьминой и П.И. Пучкова[23]. Тема ислама как формы социальной организации общества составляла магистральное направление научной деятельности С.П. Полякова. Его монография «Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. (Бытовой ислам)»[24] была опубликована в России и за рубежом.

Курсы по историографии и религиям народов мира оставались и традиционными направления этнографической подготовки студентов. Капитальный характер имели лекционные курсы «Народы мира» и «Народы России и сопредельных стран». Наряду с ними в учебных программах появилось немало новых предметов: этнодемография, этномузееведение, этносоциология, этноэкология, этнопсихология, музыкальная этнография, интернет-ресурсы в этнологии и др. В целом тематика лекционных курсов и семинаров на кафедре этнологии имела беспрецедентно широкий характер, позволяя максимально полно удовлетворить научные интересы студентов и открывая им возможность специализации практически по любой теме.

Середина 1990-х гг. оказалась весьма плодотворной в плане выпуска учебников и учебно-методической литературы. В 1994 г. увидел свет новый вузовский учебник «Этнология» под редакцией Г.Е. Маркова и В.В. Пименова, подготовка которого началась еще на исходе 1980-х гг. Если учебник, выпущенный в 1994 г., был написан кафедрой совместно с Институтом этнологии, то его новая

---

[21] *Марков Г.Е.* Очерки истории науки о народах. Немецкая этнология. М., 1993; *Он же.* Очерки истории науки о народах. Немецкое народоведение. М., 1993; *Он же.* Немецкая этнология. Учебное пособие для вузов. М., 2004.

[22] *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998; *Она же.* Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте. (XIX — начало XXI в.). М., 2004.

[23] *Казьмина О.Е., Пучков П.И.* Религии современного мира. Учебное пособие для вузов. М., 1998.

[24] *Поляков С.П.* Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989.

версия подготовлена почти исключительно усилиями сотрудников кафедры и увидела свет в 2007 г. В 1994 г. появился первый (и пока единственный) в России учебник О.Е. Казьминой и П.И. Пучкова «Основы этнодемографии»[25]. В 1995 г. было опубликовано учебное пособие В.В. Пименова и В.Р. Филиппова «Массовые этнологические исследования. Методы и техника»[26].

В научной работе кафедры важное место занимала разработка теоретико-методологических вопросов. В основательном (из трех частей) исследовании В.В. Карлова впервые в отечественной этнологии были подробно рассмотрены теоретико-методологические проблемы изучения этнокультурных процессов у народов России и сопредельных стран на индустриальной стадии их развития (XIX–XX вв.)[27].

Советская этнография, безусловно, представляла собой отдельную страницу в науке о культурном многообразии народов, но она все же, как было показано и в этой статье, не была отгорожена непреодолимыми барьерами от науки мировой. А на рубеже XX и XXI вв., когда российское общество было открыто всему новому, в российскую этнологию проникают многие идеи западной социокультурной антропологии, получая широкое распространение. Разворачивалась дискуссия о предметных рамках дисциплины, о самом понимании и толковании концептов «этнос» и «этничность», о восприятии этнического. Нарастала острая критика теоретических и методологических оснований советской этнографии (которая, бесспорно, нуждалась в обновлении, но и обладала несомненными достижениями), а маятник настроений в профессиональной среде колебался между двумя полюсами — от попыток синтеза отечественной этнологии с западной антропологией до нигилизма и полного отторжения советского наследства. В 1990-е гг. в дискуссии преобладал критический тон, ставился категорический выбор полного принятия или полного отторжения. И здесь уместно вспомнить профессионально сдержанную и идеологически не ангажированную позицию такого крупного ученого, как Г.Е. Марков. Профессор Марков с иронией относился к предполагавшим взаимоисключение спорам «примордиалистов» (считавших этнос искон-

[25] *Казьмина О.Е., Пучков П.И.* Основы этнодемографии. Учебное пособие. М., 1994.

[26] *Пименов В.В., Филиппов В.Р.* Массовые этнологические исследования. Методы и техника. М., 1995.

[27] *Карлов В.В.* Введение в этнографию народов СССР. (Стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов в XIX–XX вв.). Учебное пособие. Часть I. М., 1990; Часть II. М., 1992; *Он же*. Этнокультурные процессы новейшего времени. М., 1995.

ной и объективной данностью) и «конструктивистов» (отрицавших объективность этноса, считавших этническое конструктом). Ведь гибкая и пластичная природа этнического загоняется в схемы только с многочисленными допущениями и оговорками. Г.Е. Марков учил рациональному, спокойному и взвешенному восприятию как советского научного багажа в этнологии, так и западных научных школ, с которыми он был прекрасно знаком.

Руководство кафедрой в 2006–2013 гг. — время продолжавшихся дискуссий о предмете и сути дисциплины — принял на себя А.А. Никишенков. Историк науки и крупный знаток британской социальной антропологии, уже в советский период имевший репутацию человека «не отсюда», он воплотил трансформирующуюся профессиональную идентичность и подготовил антропологический разворот кафедры этнологии. Антропологический крен был в это время определяющим вектором динамики дисциплинарного дискурса в целом.

Будучи продуктом отечественной научной традиции, А.А. Никишенков выступал одновременно ее хранителем и критиком. В своей готовности к компромиссу и диалогу он исходил из понимания того обстоятельства, что в отличие от естественных наук социогуманитарное знание не носит универсального характера, а концептуальные подходы и инструментарий западной социокультурной антропологии, возникшие в иных этно-историко-культурных условиях, не всегда и не обязательно можно адаптировать к отечественным реалиям и имплементировать в отечественную научную традицию. При подобном подходе трансформация профессиональной идентичности и системы профессиональной подготовки этнологов могла происходить постепенно, эволюционно и в смягченных формах. А.А. Никишенков стремился поддерживать разумный баланс этнологии и социокультурной антропологии в содержании учебного процесса и в исследовательских императивах сотрудников кафедры. В этот период выходит сочетающая этнологический и антропологический подходы монография О.Е. Казьминой о современной религиозной ситуации в России[28], объемный труд В.В. Карлова по этнографии Сибири и Дальнего Востока[29], была с существенными дополнениями переиздана ставшая классикой, но не потерявшая современного звучания книга Г.Е. Маркова о кочевниках Азии[30].

---

[28] *Казьмина О.Е.* Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. М., 2009.

[29] *Карлов В.В.* Народы северо-восточной Евразии в XIX и XX вв. М., 2010.

[30] *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010.

В 2013–2020 гг. кафедру этнологии возглавлял Д.А. Функ, антрополог-сибиревед, специалист по тюркоязычным народам Западной Сибири, выходец из академической среды, в 2019–2024 гг. занимавший пост директора профильного академического института — Института этнологии и антропологии РАН. В это время на кафедре был форсирован процесс антропологической трансформации учебного плана и исследовательской ориентации. Последовательный сторонник перехода этнологии на «антропологические рельсы», Д.А. Функ способствовал инкорпорированию в учебный процесс концептуальных подходов западной социокультурной антропологии и продвижению целого ряда антропологических субдисциплин. Его исследовательское кредо составил отказ от «этничности» как единственного критерия выбора объекта исследований, но де-факто «этническое» порой вытеснялось с кафедры этнологии. Однако именно этническое сформировало предметную рамку отечественной этнографии/этнологии, составило основу концептуального единства, определяло границы и структуру исследовательского поля. В свою очередь эта концептуальная оснастка лежала в основании системы профессионального этнологического образования, тематизировала содержание учебного процесса. При этом кафедра никогда не замыкалась в узких рамках традиционной этнографии. Обращение к концептуализациям и инструментарию социокультурной антропологии имело своим результатом включение в структуру учебной подготовки кафедры курсов антропологической направленности, в их числе «Современные направления социокультурной антропологии» (для студентов бакалавриата), «Антропология религии», «Лингвистическая антропология», «Психологическая антропология», «Антропология публичной сферы и средств массовой коммуникации», «Антропология и демография», «Антропология города», «Эпистемология антропологии» (для магистрантов).

Стоит также отметить, что в последние десятилетия в отечественной науке имели место не только противопоставления примордиализма и конструктивизма, советской этнографии и западной социокультурной антропологии, но и примеры успешного синтеза разных подходов, например, серия «Народы и культуры», тома которой, посвященные разным народам России и ближнего зарубежья, издавались с 1997 по 2024 г. (37 книг), и в их написании принимали участие и сотрудники кафедры этнологии. Сейчас готовится второе издание этой серии. В настоящее время для отечественной этнологии характерно более гибкое сочетание разных подходов восприятия и изучения этнического, сочетающее рациональные зерна каждого из них. На кафедре этнологии, впрочем, всегда трансли-

ровалась именно эта идея. В одном из своих недавних выступлений академик В.А. Тишков, научный руководитель ИЭА РАН, автор вышедшей в 2003 г. книги «Реквием по этносу»[31], отмечает: «И вот конструктивистов обвиняют, что нет у них ни наций, ни народов, ни этносов. Нет ничего более не соответствующего действительности, чем это утверждение. Всё описанное есть, но только в той мере, в какой люди (1) в них верят, (2) исходя из этого действуют. А люди вполне продолжают это делать. Народы — это социальная реальность, которая постоянно, как говорят в конструктивизме, перевоспроизводится».

В настоящее время кафедра этнологии (которой с 2020 г. руководит О.Е. Казьмина) исходит из необходимости сохранения преемственности в принципах профессиональной подготовки и в исследовательских приоритетах. Современная концепция кафедры заключается в сочетании этнографического и антропологического, отказе от противопоставления этнографии, этнологии и социокультурной антропологии, в уходе от взаимоисключающего выбора в пользу традиционно-этнографического или инновационно-антропологического. Учебный план кафедры строится на сочетании теоретических курсов и региональных, изучении традиционного и современного. Кафедра этнологии считает обязательным и непременным изучение этнического, включая теоретический уровень осмысления концепций этноса и этничности. В последние годы в программу кафедры были введены курсы, посвященные этническим трансформациям в России и мире. Варьировал выбор регионов в курсе «Этнографический регион». Кафедра предлагает большой выбор спецкурсов, список которых постоянно обновляется.

При всем многообразии тематики кафедры, сочетании этнографического и антропологического можно выделить три магистральные тематические линии как в преподавании, так и в публикациях сотрудников кафедры. Во-первых, это история отечественной и зарубежной этнологии и антропологии, что означает вписанность кафедральной этнологии в российский и глобальный контексты. На кафедре традиционно преподаются историографические курсы, как общие, так и специальные. Сейчас базовые курсы по истории науки читают Т.Д. Соловей и Г.Ю. Устьянцев. Преподаватели кафедры начиная с С.А. Токарева издали немало блестящих работ по истории науки. Во-вторых, с самого основания нашей области знания изучение религии было неотъемлемой частью исследовательского поля

[31] *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

этнографии/этнологии/социокультурной антропологии, поскольку религиозные верования/представления составляют базовый пласт культуры любого народа, а в традиционных обществах религия охватывает практически все стороны жизни. На кафедре это направление, введенное С.А. Токаревым, никогда не прерывалось, несмотря на сложные политические и идеологические контексты. В советское время этнографическим доменом в изучении религии считались исследования первобытных верований и народных форм религиозности. Однако С.А. Токарев еще на рубеже 1970-х — 1980-х гг. раздвигает эти рамки и ставит ряд проблем, важных для изучения религии в этнографии. Это недостаточность принятого определения религии, этическая составляющая религии, роль религиозной принадлежности в этнической самоидентификации, взаимоотношения науки и религии — проблемы, актуальные и сейчас. Эти вопросы созвучны и с современными задачами, которые стоят перед этнологическим/антропологическим изучением религии: религиозная идентичность и ее связь с другими видами культурной идентичности, смена религиозной принадлежности и связанные с ней сдвиги в идентичности, разные проявления и новые формы религиозности, глобальные религиозные движения, сложности религиозной статистики, религиозное и секулярное (а также концепты секуляризации, десекуляризации, постсекулярного, постхристианского) и др. На кафедре в настоящее время базовые курсы «Религии народов мира» и «Антропология религии» читает О.Е. Казьмина. Основные и специальные курсы религиозной тематики в последнее время читались также М.Н. Бахматовой, Е.И. Лариной и Г.Ю. Устьянцевым. Библиография трудов преподавателей кафедры по религии составляет внушительный список. Наконец, третьей опорой кафедрального этнологического образования, существующей с самого основания кафедры, является изучение регионов и отдельных народов. Без этой прочной эмпирической базы любые современные антропологические курсы превратились бы в оторванную от этнографических реалий схоластику. В настоящее время это курс «Народы России и сопредельных стран», читающийся коллективом кафедры, а также курсы по изучению народов Америки (Т.Д. Соловей), Европы (М.Н. Бахматова и О.Е. Казьмина), Африки (Э.С. Львова), Австралии и Океании (А.В. Туторский), Поволжья (Г.Ю. Устьянцев), Центральной Азии (Е.И. Ларина). Преподавателями кафедры написано большое число монографий, учебных пособий, статей, посвященных региональной тематике.

Продолжалась работа над учебниками и учебно-методической литературой. Оказалось востребованным и неоднократно допечаты-

валось учебное пособие О.Е. Казьминой «Христианство в современном мире»[32], а в 2024 г. было подготовлено второе, переработанное и исправленное издание этой книги[33]. Т.Д. Соловей опубликовала два учебно-методических пособия: «Lusus Naturae. Народы в контексте естественнонаучного знания» и «От интуиции к рацио. Дискурс о народности в XIX веке» [34].

В перспективе XXI в. сохранялись и поддерживались традиционные, исторически сложившиеся направления экспедиционной активности кафедры — эстафету перехватывали среднее и младшее поколения сотрудников кафедры. Генеалогическая линия изучения Русского Севера от Г.Г. Громова и М.В. Витова через А.А. Никишенкова была продолжена А.В. Туторским и М.Н. Архиповой. Урало-Поволжье (безусловная «вотчина» К.И. Козловой) в разные периоды (ситуативно) привлекало внимание О.Е. Казьминой, Т.Д. Соловей, Г.А. Никитиной, а в последние годы обрело заинтересованного исследователя в лице Г.Ю. Устьянцева. Родословная изучения Центральной Азии, восходящая к ярким именам С.П. Толстова, Г.Е. Маркова, С.П. Полякова, была продолжена усилиями Е.И. Лариной. И этот перечень не исчерпывает характеристики полевого потенциала кафедры.

Междисциплинарность, заложенная в структуру этнологии как дисциплины изначально, тоже остается непременной частью учебного плана. Составляющие предметное поле этнологии такие фундаментальные темы, как идентичность, религия, язык, культура представляются трудно постижимыми в русле только одной дисциплинарной традиции, а предполагают междисциплинарный синтез. В настоящее время кафедра этнологии развивает новые формы междисциплинарности, участвуя в междисциплинарной научно-образовательной школе Московского университета «Сохранение мирового культурного наследия». Сочетание традиционно-этнографической и междисциплинарно-антропологической составляющих характерно и для публикационной активности сотрудников кафедры.

В разные периоды у кафедры по-разному складывались отношения с профильным академическим институтом, но всегда, когда это сотрудничество было тесным, оно шло на пользу обеим инсти-

---

[32] *Казьмина О.Е.* Христианство в современном мире. Учебное пособие. М., 2013, 2014, 2016, 2020, 2021, 2022. 240 с.

[33] *Казьмина О.Е.* Христианство в современном мире. Учебное пособие. 2-е изд., перераб и доп. М., 2024. 256 с.

[34] *Соловей Т.Д.* Lusus Naturae. Народы в контексте естественнонаучного знания. Учебно-методическое пособие. М., 2016; *Она же*. От интуиции к рацио. Дискурс о народности в XIX веке. Учебно-методическое пособие. М., 2016.

туциям. В настоящее время кафедра активно взаимодействует с ИЭА РАН. Синтез академической и вузовской науки составляет важную часть профессиональной идентичности российской этнологии.

А важная составляющая кафедральной профессиональной идентичности — нахождение кафедры этнологии на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Дискуссии рубежа XX и XXI вв. среди прочего поставили проблему дисциплинарного позиционирования этнологии. Формируясь во второй половине XIX в. в русле географического познания, в советское время институциональную «прописку» этнография нашла в рамках исторических наук. Кафедра этнографии Московского университета была создана в 1939 г. именно на историческом факультете. В начале XXI в. некоторые этнологические научные и учебные структуры России стали дистанцироваться от истории и в настоящее время находятся вне структур исторического образования своих университетов. Это не удивительно и понятно в силу междисциплинарного потенциала нашей дисциплины. Однако кафедра этнологии исторического факультета МГУ никогда не меняла свою аффилиацию в угоду этим модным веяниям. Мы считаем функционирование кафедры этнологии в составе исторического факультета своим конкурентным преимуществом, как и признаём преимущества инкорпорирования этнографического знания в знание историческое (и шире — социогуманитарное), поскольку это позволяет выпускникам нашей кафедры получить фундаментальное историческое образование, крайне необходимое для того, чтобы видеть динамику этнокультурного многообразия в историческом контексте. Соответственно сохраняется теоретическая и практическая значимость университетского звена отечественной этнологии, а ее императивом была и остается подготовка новых поколений квалифицированных этнологов.

References

Anikin N.V., Solovey T.D. *Intervyu s G.E. Markovym* [Interview with G.E. Markov] // *Problemo-tematicheskoe prostranstvo i teoreticheskie granitsy sovremennoy etnologii. K yubileyu professora G.E. Markova. Sbornik nauchnykh statey* [Problematic-Thematic Space and Theoretical Boundaries of Contemporary Ethnology. In Honor of Professor G.E. Markov. A Collection of Scientific Articles] /Ed. by T.D. Solovey. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2013. P. 23–31.

Basilov V.N. *S.A. Tokarev kak predstavitel' russkoy kultury* [S.A. Tokarev as a Representative of Russian Culture] // *Blagodarim sud'bu za vstrechu s nim (o Sergeye Aleksandroviche Tokareve — uchenom i cheloveke)* [We Thank Fate for Meeting Him (On Sergey Aleksandrovich Tokarev, Scholar and Man) /Ed. and comp. by S.Ya. Kozlov, P.I. Puchkov. Moscow: IEIA, 1995. P. 31–40.

Chislennost' i rasselenie narodov mira [Population and Settlement of the Peoples of the World] /Ed. by S.I. Brook. Series "Narody mira. Etnograficheskie ocherki" [Peoples of the World. Ethnographic Essays]. Moscow: AN SSSR, 1962. 484 p.

Etnografiya [Ethnography] /Ed. by Yu.V. Bromley i G.E. Markov. Moscow: Vysshaya shkola, 1982. 320 p.

Etnologiya. Uchebnik. Dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy [Ethnology. Textbook. For Higher Educational Institutions] /Ed. by G.E. Markov and V.V. Pimenov. Moscow: Nauka, 1994. 384 p.

Karlov V.V. *Etnokul'turnye protsessy noveishogo vremeni* [Ethnocultural Processes of Modern Times]. Moscow: IEA RAN, 1995. 219 p.

Karlov V.V. *Narody severo-vostochnoy Evrazii v XIX i XX vv.* [The Peoples of Northeast Eurasia in the 19th and 19th Centuries]. Moscow: KDU, 2010. 476 p.

Karlov V.V. *Vvedenie v etnografiyu narodov SSSR. (Stadial'nye zakonomernosti i lokal'no-istoricheskie osobennosti etnokul'turnykh protsessov v XIX–XX vv.). Uchebnoe posobie* [Introduction to the Ethnography of the Peoples of the USSR. (Stadial Regularities and Local-Historical Features of Ethnocultural Processes in the 19th and 20th Centuries). Textbook]. In 2 parts. Part I. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1990. 157 p.; Vol. II. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1992. 174 p.

Kazmina O.E. *Khristianstvo v sovremennom mire. Uchebnoe posobie* [Christianity in the Modern World. Textbook]. Moscow: Infra-M, 2013. 240 p.

Kazmina O.E. *Khristianstvo v sovremennom mire. Uchebnoe posobie* [Christianity in the Modern World. Textbook]. 2nd ed., rev. and expand. Moscow: Infra-M, 2024. 256 p.

Kazmina O.E. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i novaya religioznaya situatsiya v Rossii: etnokonfessional'naya sostavlyayushchaya problemy* [The Russian Orthodox Church and the New Religious Situation in Russia: The Ethno-Confessional Component of the Issue]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2009. 304 p.

Kazmina O.E., Puchkov P.I. *Osnovy etnodemografii. Uchebnoe posobie* [Basics of Ethnodemography. Textbook]. Moscow: Nauka, 1994. 253 p.

Kazmina O.E., Puchkov P.I. *Religii sovremennogo mira. Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Religions of the Modern World. Textbook for Universities]. Moscow: Izdatel'stvo URAO, 1998. 296 p.

Markov G.E. *Kochevniki Azii. Struktura khozyaystva i obshchestvennoy organizatsii* [Nomads of Asia. Structure of the Economy and Social Organization]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1976. 316 p.

Markov G.E. *Kochevniki Azii. Struktura khozyaystva i obshchestvennoy organizatsii* [Nomads of Asia. Structure of the Economy and Social Organization]. 2nd ed., rev. and expand. Moscow: URSS; KRASAND, 2010. 318 p.

Markov G.E. *Nemetskaya etnologiya. Uchebnoe posobie dlya vuzov* [German Ethnology. Textbook for Universities]. Moscow: Akademicheskiy Proyekt; Gaudeamus, 2004. 575 p.

Markov G.E. *Ocherki istorii nauki o narodakh. Nemetskaya etnologiya* [Essays on the History of the Science of Peoples. German Ethnology]. Moscow: IEIA, 1993. 391 p.

Markov G.E. *Ocherki istorii nauki o narodakh. Nemetskoye narodovedenie* [Essays on the History of the Science of Peoples. German Ethnology]. Moscow: IEIA, 1993. 136 p.

Markov G.E. *Pamyatniki kamennogo veka v Zapadnoy Turkmenii i problema tipologii arkheologicheskikh kul'tur v mezolite i neolite* [Paleolithic Monuments in

Western Turkmenistan and the Problem of Typology of Archaeological Cultures in the Mesolithic and Neolithic] // *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of Material Culture of Uzbekistan]. Issue 12. Tashkent: Izdatel'stvo AN Uzbekskoy SSR, 1975. P. 60–67.

Nikishenkov A.A. *Istoriya britanskoy sotsial'noy antropologii* [History of British Social Anthropology]. Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2008. 496 p.

Nikishenkov A.A. *Iz istorii angliyskoy etnografii. Kritika funksionalizma* [From the History of English Ethnography. Critique of Functionalism]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1986. 215 p.

Osnovy etnografii. Uchebnoe posobie [Fundamentals of Ethnography. Textbook] / Ed. by S.A. Tokarev. Moscow: Vysshaya shkola, 1968. 360 p.

Osnovy etnologii. Uchebnoe posobie [Fundamentals of Ethnology. Textbook] /Ed. by V.V. Pimenov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2007. 688 p.

Pimenov V.V., Filippov V.R. *Massovye etnologicheskie issledovaniya. Metody i tekhnika* [Mass Ethnological Studies. Methods and Techniques]. Moscow: Poligrafservis, 1995. 250 p.

Polyakov S.P. *Traditsionalizm v sovremennom sredneaziatskom obshchestve* [Traditionalism in Modern Central Asian Society]. Moscow: [s. n.], 1989. 112 p.

Solovey T.D. *Istoriya rossiyskoy etnologii v ocherkakh. XVIII — nachalo XXI veka* [History of Russian Ethnology in Essays. From the 18th through the Early 21st Century]. Moscow: Etnosfera, 2022. 612 p.

Solovey T.D. *Lusus Naturae. Narody v kontekste estestvennonauchnogo znaniya. Uchebno-metodicheskoe posobie* [Lusus Naturae. Peoples in the Context of Natural Science Knowledge. Teaching and Methodical Guide]. Moscow: Etnosfera, 2016. 165 p.

Solovey T.D. *Ot "burzhuaznoy" etnologii k "sovetskoy" etnografii. Istoriya otechestvennoy etnologie pervoy treti XX veka* [From "Bourgeois" Ethnology to "Soviet" Ethnography. The History of Domestic Ethnology in the First Third of the 20th Century]. Moscow: IEA RAN, 1998. 258 p.

Solovey T.D. *Ot intuitsii k ratsio. Diskurs o narodnosti v XIX veke. Uchebno-metodicheskoe posobie* [From Intuition to Ratio. Discourse on Ethnicity in the 19th Century. Teaching and Methodical Guide]. Moscow: Pero, 2016. 308 p.

Solovey T.D. *Vlast' i nauka v Rossii. Ocherki universitetskoy etnografii v distsiplinarnom kontekste (XIX — nachalo XXI vv.)* [Power and Science in Russia. Essays on University Ethnography in the Disciplinary Context (From the 19th through the Early 21st Century)]. Moscow: Prometey, 2004. 498 p.

Tishkov V.A. *Razgovory s etnografami* [Conversations with Ethnographers]. Saint Petersburg: Aleteia, 2022. 296 p.

Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu. Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for the Ethnos. Studies in Social-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka, 2003. 544 p.

Tokarev S.A. *Etnografiya narodov SSSR. Istoricheskie osnovy byta i kul'tury* [Ethnography of the Peoples of the USSR. Historical Foundations of Life and Culture]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1958. 615 p.

Tokarev S.A. *Istoki etnograficheskoy nauki (do serediny XIX v.)* [Origins of Ethnographic Science (Until the Mid-19th Century)]. Moscow: Nauka, 1978. 168 p.

Tokarev S.A. *Istoriya russkoy etnografii (dooktyabr'skiy period)* [History of Russian Ethnography (Pre-Revolutionary Period)]. Moscow: Nauka, 1966. 454 p.

Tokarev S.A. *Istoriya zarubezhnoy etnografii* [History of Foreign Ethnography]. Moscow: Vysshaya shkola, 1978. 352 p.

Tokarev S.A. *Problema tipov etnicheskikh obshchnostey (k metodologicheskim problemam etnografii)* [The Problem of Types of Ethnic Communities (On the Methodological Problems of Ethnography)] // *Voprosy filosofii.* 1964. N 11. P. 62–87.

Tokarev S.A. *Rannie formy religii i ikh razvitie* [Early Forms of Religion and Their Development]. Moscow: Nauka, 1964. 399 p.

Tokarev S.A. *Rannie formy religii i ikh razvitie* [Early Forms of Religion and Their Development]. Moscow: URSS, 2021. 400 p.

Tokarev S.A. *Religioznye verovaniya vostochnoslavyanskikh narodov XIX — nachala XX v.* [Religious Beliefs of the Eastern Slavic Peoples in the 19th and Early 20th Centuries]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. 164 p.

Tokarev S.A. *Religioznye verovaniya vostochnoslavyanskikh narodov XIX — nachala XX v.* [Religious Beliefs of the Eastern Slavic Peoples in the 19th and Early 20th Centuries]. Moscow: Editorial URSS, 2020. 164 p.

Tokarev S.A. *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the History of the Peoples of the World]. Moscow: Politizdat, 1964. 559 p.

Tokarev S.A. *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the History of the Peoples of the World]. Moscow: Respublika, 2005. 543 p.

"Uznat' iz pervoistochnika". Intervyu s S.I. Brookom ["Learn from the Primary Source". Interview with S.I. Brook] // Tishkov V.A. *Razgovory s etnografami* [Conversations with Ethnographers]. Saint Petersburg: Aleteia, 2022. P. 56–75.

Поступила в редакцию
15 октября 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-6-151-169

О.В. Раевская, А.П. Миньяр-Белоручева, И.П. Ясненко, Е.В. Княжинская

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

O.V. Raevskaya, A.P. Minyar-Beloroucheva, I.P. Yasnenko, E.V. Knyazhinskaya

FOREIGN LANGUAGES IN UNIVERSITY HISTORY EDUCATION

Аннотация. Статья посвящена истории кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ, которая представлена на более широком фоне истории преподавания иностранных языков в Московском университете, начавшейся вместе с его основанием. Вошедшие в систему университетского образования как вспомогательный учебный предмет иностранные языки постепенно заняли то место, которое отводится им сейчас, в частности — на историческом факультете. От первых лекторов иностранных языков, среди которых были и историки, до появления в университете специализированных кафедр прошло почти два столетия. В 1965 г. была создана кафедра иностранных языков исторического факультета, призванная решать задачу иноязычной подготовки студентов как неотъемлемой части университетского исторического образования. Большую роль в развитии кафедры, в постановке преподавания профессионально ориентированных иностранных языков на историческом факультете сыграли первый заве-

Раевская Ольга Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Raevskaya Olga Vladimirovna, Doctor in Philology, Professor, Head, Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

oraev@list.ru

ORCID: 0009-0009-3230-7692

Миньяр-Белоручева Алла Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Minyar-Beloroucheva Alla Petrovna, Doctor in Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

ostvera@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9760-3857

дующий кафедрой Е.А. Бонди, а также пришедшая ему на смену С.Г. Тер-Минасова. Е.А. Бонди заложил основы профессиональной иноязычной подготовки студентов-историков, заключающиеся в органическом единстве преподавания иностранных языков и истории. Руководство кафедрой С.Г. Тер-Минасовой знаменует собой новый этап плодотворной деятельности в теории и практике преподавания профессионально ориентированных иностранных языков для студентов-историков и искусствоведов. Кафедра вносит важный вклад в обучение студентов, получающих историческое образование с хорошим уровнем владения иностранными языками. Главное в ее работе — взаимодействие и сотрудничество с историческими кафедрами в учебно-научной деятельности и методическая проработка лингвистических основ преподавания иностранного языка будущим историкам для осуществления их профессиональной деятельности. Кафедра придает большое значение развитию студенческого творчества, признавая его роль в повышении уровня владения иностранными языками. Кафедра иностранных языков исторического факультета встретила 270-летие Московского университета достойным вкладом в подготовку историков и искусствоведов со знанием иностранных языков, значительными профессиональными достижениями, среди которых более двухсот учебников, учебных пособий и словарей.

Ключевые слова: Московский университет, исторический факультет, кафедра иностранных языков, методики преподавания иностранных языков, Е.А. Бонди, С.Г. Тер-Минасова.

Abstract. The article explores the history of the Department of Foreign Languages in the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University. This history is presented within the broader context of foreign language instruction at Moscow University, which began with the university's foundation. Initially introduced as an auxiliary academic subject, foreign languages gradually gained the significant role they hold today, particularly in the Faculty of History. A period of almost 200 years elapsed between the initial appointment of foreign language

---

Ясненко Ирина Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Yasnenko Irina Petrovna, Phd Candidate in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

yasnenko_irina@list.ru

ORCID: 0009-0004-5405-9347

Княжинская Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Knyazhinskaya Elena Viktorovna, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

knyazhinskaya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9301-5014

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

instructors, who included historians, and the establishment of dedicated foreign language departments at the university. The establishment of the Department of Foreign Languages in the Faculty of History in 1965 was a response to the necessity for foreign language training to be incorporated into the broader framework of university-level historical education. The seminal contributions of E.A. Bondi to the realm of professional foreign language training for history students have been instrumental in establishing a paradigm shift towards an organic unity of foreign language teaching and history. The leadership of the department by S.G. Ter-Minasova signifies a new phase of productive activity in the theory and practice of teaching professionally oriented foreign languages to students of history and art history. The department makes a significant contribution to the education of students receiving a historical education with a high level of foreign language proficiency. The primary focus of its work is interaction and cooperation with history departments in educational and scientific activities, as well as the methodological development of the linguistic foundations of foreign language teaching for future historians to carry out their professional activities. The department accords considerable importance to the cultivation of student creativity, acknowledging its pivotal function in enhancing foreign language proficiency. The Department of Foreign Languages in the Faculty of History is commemorating the 270th anniversary of Moscow University with a significant contribution to the training of historians and art historians who have a strong proficiency in foreign languages and have achieved notable professional success, including the creation of more than two hundred textbooks, teaching aids and dictionaries.

***Keywords*:** Moscow University, Faculty of History, Department of Foreign Languages, teaching methods of foreign languages, E.A. Bondi, S.G. Ter-Minasova.

* * *

История преподавания иностранных языков в Московском университете — от приглашения лекторов из-за границы до создания специальных кафедр на факультетах — дает представление о том, как развивалась система университетского образования в части иноязычного обучения.

Иностранные языки появились в Московском университете одновременно с другими учебными предметами, но на других основаниях. Поскольку преподавание первоначально велось на латыни, немецком и французском языках, иностранные языки вошли в учебный процесс как вспомогательная дисциплина — как средство обучения. Учили иностранным языкам иностранные преподаватели, которые назывались лекторами или учителями, в отличие от преподавателей основных дисциплин — профессоров и адъюнктов, занимавших более высокие позиции в университетской иерархии. В третьем параграфе первого университетского устава (1804) читаем: «Университет составляют: 1) Преподающие в науках наставления

Ординарные и Экстраординарные Профессоры, которые по различию наук разделяются на Факультеты или отделения; 2) Адъюнкты; 3) Магистры; 4) Студенты, пользующиеся Университетскими наставлениями; и 5) Учители языков, приятных искусств и Гимнастических упражнений»[1]. В Примерном штате Императорского Московского университета того времени значится 28 профессоров, 12 адъюнктов и 3 лектора, или учителя языков[2].

Практически сразу Московскому университету была отведена роль ведущего — сегодня мы бы сказали экспертного — центра в области иностранных языков. Высочайший указ от 29 апреля 1757 г. предписывал «находящихся как в Санктпетербурге, так и в Москве в партикулярных домах иностранных наций учителей, в их науках всех свидетельствовать и экзаменовать здесь в десианс Академии, а в Москве в Императорском университете»[3].

Кроме главной темы Указа — обязательной аттестации иностранных учителей — обращает на себя внимание необычное — полуфранцузское (десианс — des sciences) — обозначение Академии, при том что главными иностранными языками в Академии наук (как и в Московском университете) были латынь и немецкий, а подавляющее большинство ее членов в то время были немцами. Этот любопытный историко-филологический факт, имеющий отношение к бытованию иностранных языков в России в первые годы жизни Московского университета, еще ждет своего объяснения.

О том, какое внимание уделялось в Московском университете преподаванию иностранных языков, свидетельствует еще один документ. В 1771 г. в Университетской типографии был напечатан «Способ учения» — 4 страницы методических рекомендаций, без указаний авторства, утвержденных университетской Конференцией (коллегиальным органом управления, который потом стал называться Ученым советом). Несмотря на название обобщающего характера, речь там идет в основном о преподавании иностранных языков в университетских гимназиях.

В документе 7 пунктов[4]. В первом говорится о том, что учитель «вообще во всем учении должен быть снисходителен и ласков». Следующие три пункта, составляющие основную часть текста, посвящены преподаванию иностранных языков, и эти методические рекомендации носят предельно конкретный характер. Процитируем:

---

[1] Уставы Московского университета: 1755–2005. /Авт.-сост. Е.И. Гена. М., 2005. С. 104.

[2] Там же. С. 132.

[3] ПСЗ. Т. XIV (1754–1757). СПб., 1830. С. 765, № 10724.

[4] Способ учения. М., 1771. 4 с.

«В азбуке показав надлежащее чтение и письмо, должен он [учитель] присоединить упражнение в употребительнейших вокабулах или единственных речениях, и в разговорах, особливо наблюдая притом правильное произношение». К этим упражнениям надо «присовокупить и то, что касается до переводов с своего языка на чужестранный», и, если учеников много, то «перевод одного из них поправить, написав его на доске, и приказать ученикам, ежели могут, сыскивать в нем погрешности, по правилам грамматическим». При этом учитель «должен говорить всегда тем языком, которому у него учатся, стараясь при том, чтоб и ученики тем же языком говорили».

«Способ учения» касается еще двух предметов: истории и математики, но методически ценного там мало — в основном общие места. Историю надо «преподать со тщанием, и хронологическим порядком представить так называемый синхронизм каждого периода». А седьмой (последний) пункт констатирует, что «математические науки великую пользу приносят».

Таким образом, рассмотренные документы убедительно свидетельствуют о том, какое значение придавалось преподаванию иностранных языков в Московском университете уже в начальный период его существования.

Большинство приглашенных в Московский университет преподавателей, в том числе лекторов, были немцами (Иоганн Готфрид Рейхель, Франц Гёльтергоф, Бернгард Андреас фон Гейм и др.). Даже английский язык сначала преподавал выпускник Геттингенского университета Иоганн Иоахим Юлий Рост. Первого лектора-француза Гийома Рауля называли на немецкий манер Вильгельмом. Французский лектор Никола(й) Билон, будучи секретарем университетской Конференции, писал протоколы по-французски.

Среди иностранных лекторов были преподаватели, сделавшие успешную университетскую карьеру. Так, например, Рейхель стал первым экстраординарным профессором Московского университета, потом — ординарным, он также заведовал университетской библиотекой. А Гейм, первым из немецких профессоров читавший лекции на русском языке и сменивший немецкое имя на Ивана Андреевича, более десяти лет был ректором университета, имел чин статского советника. Примечательно, что и Рейхель и Гейм были историками.

Параллельно с ассимиляцией иностранных профессоров, осваивавших русский язык, русские профессора, владевшие иностранными языками, начинали их преподавать — правда, сначала в дополнение к своим основным специальностям. Так, например, профессор права Семён Ефимович Десницкий преподавал также английский

язык, а профессор математики Тимофей Иванович Перелогов — английский и французский языки.

В 1766 г. вышел первый в России учебник английского языка («Практическая английская грамматика»), автором которого был Михаил Пермский, после двухлетнего проживания в Лондоне учившийся в Московском университете и преподававший там английский язык. Затем последовали другие учебники, словари, разговорники и т.п.

В 1768 г. Указом Екатерины II было введено преподавание на русском языке, но иностранные языки продолжали сохранять вспомогательное практическое значение, связанное с необходимостью знакомства с зарубежным опытом. Важным шагом стало образование на философском факультете историко-филологического отделения, которое датируется 1835 г. В 1850 г. появляется историко-филологический факультет.

Соединение истории с филологией свидетельствует о близости этих двух университетских дисциплин. Однако иностранные языки не входили тогда в содержание университетской филологии, состоящей из русской, римской и греческой словесности (позже — восточной), которым были посвящены отдельные кафедры, возглавляемые профессорами. Кафедр иностранных языков не было, и преподавались они по-прежнему лекторами, как об этом свидетельствуют университетские уставы 1835, 1863 и 1884 гг.

Важной вехой в истории иноязычного обучения стало создание в Московском университете в 1898 г. Педагогического общества, призванного осуществлять «научную разработку вопросов педагогики и дидактики в их составе, приложении и истории»[5]. Общество, которое возглавил профессор Московского университета историк Павел Гаврилович Виноградов, имело в своем составе и отделение новых языков с немецкой и французской секциями.

Кардинальное изменение, затронувшее преподавание иностранных языков, произошло в 30-е гг. XX в., ставшие для Московского университета периодом активной реорганизации, затронувшей многие факультеты и специальности. Один из многочисленных примеров, касающийся гуманитарной части университета, — история МИФЛИ, сначала выделившегося из Московского университета, а потом слившегося с ним.

К результатам реорганизации тех лет относится и создание общеуниверситетской кафедры иностранных языков. Ее история пред-

[5] Устав Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1898. 8 с. — URL: http://www.mathedu.ru (дата обращения 14.08.2024).

ставляется сегодня пунктирной: созданная в начале 30-х гг., в 1934 г. она была ликвидирована, ей на смену пришли предметные комиссии на факультетах, в 1939 г. общеуниверситетская кафедра была воссоздана, при этом предметная комиссия на историческом факультете осталась. Этим же «пунктиром» был обозначен трудовой путь Клавдии Александровны Ганшиной, чье имя связано с историей кафедры иностранных языков истфака.

К.А. Ганшина, выпускница историко-филологического факультета, начинавшая свою трудовую деятельность на этом факультете еще в качестве лектора французского языка, возглавила в 1934 г. предметную комиссию по иностранным языкам на историческом факультете. Когда в 1939 г. общеуниверситетская кафедра иностранных языков была воссоздана, К.А. Ганшина стала ее заведующей, а в 1943 г. она возглавила кафедру французского языка филологического факультета. К.А. Ганшина внесла важный вклад в изучение и преподавание французского языка. Составленный ею «Французско-русский словарь» (1930) был настольной книгой многих поколений изучающих французский язык в нашей стране. Среди ее наград — орден Ленина, орден «Знак Почета», медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[6].

Предметная комиссия по иностранным языкам, сохранившаяся на историческом факультете и после воссоздания общеуниверситетской кафедры иностранных языков в 1939 г., подготовила создание кафедры на факультете. На обучение иностранным языкам студентов-историков первого курса 1934/1935 учебного года было отведено 176 часов в год, что подчеркивало значимость этого предмета для профессиональной подготовки будущих историков. Однако в связи с реорганизацией ИФЛИ и созданием в Московском университете новых факультетов комиссия по иностранным языкам исторического факультета в 1941 г. слилась с филологическим факультетом.

Кафедра иностранных языков исторического факультета МГУ была создана 8 февраля 1965 г. Приказом о создании кафедры был назначен и ее заведующий — Евгений Александрович Бонди, человек выдающихся личных и профессиональных качеств. Выпускник Военного института иностранных языков Советской Армии, стажировавшийся в Эдинбургском и Оксфордском университетах, участник Великой Отечественной войны, награжденный орденами Отечественной войны, Красной Звезды, медалью «За отвагу», Серебряным знаком ордена Заслуг перед Республикой Польша. За время

[6] Энциклопедический словарь Московского университета: Исторический факультет /Под общ. ред. С.П. Карпова. М., 2004. 543 с.

работы в Московском университете он проявил себя как руководитель и преподаватель высочайшего класса. Его усилиями и стараниями были заложены основы не только профессиональной деятельности кафедры, но и доброжелательной, благотворной атмосферы в коллективе. Эти основы оказались прочными и плодотворными, и сегодняшний коллектив кафедры считает своим долгом достойно продолжать традиции, заложенные шестьдесят лет назад.

Под руководством Е.А. Бонди была разработана стратегия и тактика иноязычной подготовки студентов-историков. Во главу угла была поставлена «историзация» (термин, предложенный Е.А. Бонди) обучения иностранным языкам, которая подчинила себе всю организацию работы на кафедре. Большое значение придавалось уровню исторической подготовки преподавателей иностранного языка, ведь они должны уметь объяснять значения терминов, за которыми стоят исторические и общественно-политические процессы, что требует хорошего знания истории. Поэтому преподаватели иностранных языков должны быть в постоянном взаимодействии с коллегами с исторических кафедр, слушать их лекции и научные доклады, вместе работать над учебниками и учебными пособиями, готовить диссертации по историческим специальностям.

Разработанная под руководством Е.А. Бонди система обучения иностранному языку предполагала органическое единство преподавания иностранных языков и истории. В основу работы в аудитории и создания учебников и учебных пособий была положена синхронизация с основными курсами лекций, которые читаются на историческом факультете в соответствии с учебными планами, связь иностранного языкового материала с тематикой общих курсов и специальных исторических дисциплин.

Уже в первые годы работы кафедры были найдены оптимальные решения ряда основополагающих учебно-организационных вопросов. Методически продуманным и потому успешным оказалось разделение всего периода обучения на два этапа, каждый из которых имел свою целевую установку и профессионально ориентированные языковые задачи, соотнесенные с учебными планами соответствующих курсов по историческим предметам.

На первом этапе, который охватывает первый и второй курсы, происходит введение в специальность на иностранных языках, которое синхронизировано с чтением общих курсов лекций по всемирной истории. Такой подход был успешно представлен в «Учебнике английского языка для студентов-историков» Е.А. Бонди (1977), а также в «Учебном пособии для студентов-искусствоведов» Е.А. Бонди, Г.С. Гринь и А.А. Московской (1980). Это стало примером

для создания аналогичных учебных пособий по другим иностранным языкам.

На втором этапе, охватывающем третий и четвертый курсы, когда происходит распределение по историческим кафедрам, в учебный процесс вводится чтение оригинальной литературы по специальности, историографического и источниковедческого характера. Меняется характер литературы для домашнего чтения: если на первом этапе обучения она носит историко-художественный характер, то на втором этапе студенты работают со специальной литературой, рекомендованной историческими кафедрами, руководителями семинаров.

Первые два десятилетия работы кафедры иностранных языков были отмечены поисками эффективных средств обучения иностранным языкам и разработкой актуальных лингвистических и методических проблем. Эта деятельность нашла отражение в ряде статей, посвященных методике преподавания иностранных языков студентам-историкам, в частности, в кафедральном сборнике «Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков». В этих статьях описывалась работа над произношением, в частности, над английской интонацией (Е.А. Бонди), предлагались приемы обучения аудированию и развитию навыков устной речи на начальном этапе (И.А. Новосёлова, Г.А. Фёдорова), работа с газетой (Л.И. Разинкова), методики интенсивного обучения, формы индивидуальной работы (А.И. Бродская, А.А. Московская), языковое тестирование (Е.А. Бонди), использование технических средств обучения (А.Ф. Валерина), виды внеаудиторной работы (Г.А. Фёдорова) и др.

В методическом отношении большое значение придавалось созданию естественной коммуникативно-речевой среды, стимулирующей языковое творчество студентов. Для этого вводились обязательные семестровые доклады студентов на иностранном языке на тему курсовой работы, проведение языкового занятия в виде семинара с обсуждением исторических тем на иностранном языке, занятия-экскурсии в музеях и на выставках со студентами в качестве экскурсоводов и преподавателей, студенческие конференции на историческую и общественно-политическую тематики.

Наряду с работами методического характера преподаватели кафедры вели научные исследования в области германской и романской филологии, в частности, по теоретической и практической лексикологии, лексикографии и фразеологии (Л.С. Гринь, Л.С. Бурдин), теоретической грамматике (И.В. Шевлягина, В.А. Косова) и фонетике (Г.А. Зайцева), а также теоретическим вопросам языкознания (Т.Т. Крылова).

Перспективным стало появление таких исследовательских направлений, как педагогическая психология и перевод. В статьях и докладах кандидата исторических наук, доцента Б.И. Ноткина, основанных на его богатом опыте переводчика, освещались вопросы обучения переводу и раскрывались сложные психологические механизмы переводческой деятельности. Психологическому аспекту обучения была посвящена статья Л.С. Бурдина «О психологической личности студента при обучении иностранному языку».

Научные интересы ряда преподавателей кафедры были связаны с литературоведением (Н.П. Попова, Ю.А. Певцов, Н.И. Новикова), что немаловажно для повышения языковой культуры студентов, приобщения их к зарубежному литературному наследию.

За первые десять лет на кафедре также были подготовлены учебники для гуманитарных факультетов университетов по английскому (Е.А. Бонди), немецкому (В.П. Фещенко, в соавторстве) и шведскому (Н.П. Попова) языкам.

Начальный период работы кафедры, когда закладывались основы ее педагогической деятельности и взаимоотношения в коллективе, был отмечен вкладом опытных преподавателей, чья профессиональная личность формировалась в условиях тяжелейших испытаний, выпавших на долю нашей страны. Важную роль в истории кафедры сыграли преподаватели немецкого языка, которые были переводчицами во время Великой Отечественной войны: Ирина Александровна Новоселова, Анна Константиновна Пестерева, Ольга Павловна Костарёва, Валентина Петровна Фещенко. На их занятиях царила строгая дисциплина, которая, дополняя отработанные методические приемы, приносила хорошие результаты.

Многие бывшие студенты с благодарностью вспоминают О.П. Костарёву, которая разработала уникальную методику ускоренного обучения немецкому языку как второму иностранному, развивавшую у студентов самостоятельность и активность. Эту методику активно поддерживали не только коллеги по кафедре иностранных языков, но и преподаватели-историки, в частности Ия Леонидовна Маяк, а спустя десятилетия на этой основе был создан «Учебник по немецкому языку как второму иностранному» И.П. Ясненко.

С большой теплотой вспоминают преподавателя английского языка Марию Иоанновну Рудницкую. Галина Артуровна Фёдорова, ведущий методист и талантливый педагог, воспитавший несколько поколений студентов, до сих пор вызывает восхищение коллег и бывших студентов.

Почти два десятилетия руководивший кафедрой, заложивший прочный фундамент ее последующей успешной работы, Е.А. Бонди

оставил яркий след в памяти и как выдающийся преподаватель. Вот что вспоминает, например, один из его бывших студентов: «У него была фантастическая методика обучения, благодаря которой на занятии не то что не удавалось скучать, но даже призадуматься на мгновенье было невозможно». Все, кто у него учились и работали с ним, вспоминают его с благодарностью и с теплотой в сердце.

В 1983 г. руководить кафедрой пришла Светлана Григорьевна Тер-Минасова, открывшая новый этап интересной, активной и плодотворной жизни. Светлана Григорьевна направила учебно-методическую и научную деятельность кафедры в сторону новой, актуальной тематики и, что немаловажно, способствовала укреплению благотворной дружеской атмосферы в коллективе. Работа кафедры стала более наукоемкой и в то же время еще более творческой.

Актуальным для лингвистики тех лет было изучение того, что получило название «язык для специальных целей» — LSP (Language for Specific Purposes), причем внимание тогда было сосредоточено в основном на языковых особенностях точных наук. Встал вопрос и о методике преподавания языка специальности. На кафедре иностранных языков под руководством С.Г. Тер-Минасовой началась активная работа в этом направлении, вышли научные сборники, посвященные этим проблемам. Лингвистика и методика преподавания иностранных языков оказывались при таком подходе к языку для специальных целей студентов-историков неразрывно связанными. Вопросы о том, «чему учить» и «как учить», стали рассматриваться в рамках одной дисциплины с учетом специфики предметной области и особенностей изучаемого языка на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях. Было показано, что история имеет не только свою терминологию, но ее тексты характеризуются лексико-грамматическими и стилистическими особенностями, которые необходимо учитывать как при отборе текстов для научного исследования, так и при создании упражнений для учебников и учебных пособий для студентов-историков и студентов-искусствоведов, изучающих иностранные языки.

В практическом плане особенности языка специальности нашли свое отражение в «Учебнике английского языка для историков» Е.А. Кирилловой, Т.Г. Лобовой, С.Г. Тер-Минасовой (1991). В нем учитывается разнообразие исторических дисциплин, представленных на кафедрах исторического факультета. В 1991 г. под редакцией С.Г. Тер-Минасовой вышло пособие А.П. Миньяр-Белоручевой «Распространенные англо-русские фразеологические обороты общенаучной тематики. Материалы к практическим занятиям».

С.Г. Тер-Минасова открыла двери в науку для всех преподавателей кафедры, желавших узнать и выявить новые аспекты в изучаемой

или преподаваемой ими области знания. Под руководством профессора С.Г. Тер-Минасовой и ее учеников, докторов и кандидатов филологических наук, преподаватели кафедры начали активно защищать кандидатские диссертации. Так на кафедре были заложены основы научной школы изучения языка исторической науки. Диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук защитили Алла Петровна Миньяр-Белоручева («Предельные научные последовательности в научных исторических текстах», 1987), Инна Григорьевна Рытова («Лингвистические основы стилизации речи персонажей в английском историческом романе», 1987), Владимир Валентинович Варин («Рамочные структуры с нефинитным глаголом в современном немецком языке с позиций коммуникативного синтаксиса: на материале газетных текстов», 1987), Лидия Петровна Лобанова («Исследование закономерностей семантического развития общенаучной лексики: на материале немецких глаголов», 1989), Ирина Петровна Ясненко («Синхронно-динамические процессы в лексике современного немецкого языка: на материале сложных слов с основой -kultur- и словосочетаний с существительным Kultur», 1992), Ирина Ивановна Малинина («"Уподобление слову" в языке и речи (на материале английского языка)», 1993). Изучение языка историка продолжилось и в последующие десятилетия.

С приходом С.Г. Тер-Минасовой кафедра иностранных языков пополнилась молодыми энергичными преподавателями, которые с энтузиазмом, творчески подходили к своей деятельности, беря пример со своего руководителя с ее увлекательными страноведческими лекциями. Она помогла преподавателям познакомиться со странами преподаваемых языков: с 1983 по 1990 г. более сорока человек прошли стажировку во Франции, Великобритании, Германии, приняли участие в международных конференциях. Приглашенные иностранные специалисты вели занятия у студентов-историков, содействовали повышению квалификации преподавателей кафедры, знакомя с зарубежными методиками.

С.Г. Тер-Минасова уделяла особое внимание роли психологического фактора в преподавании иностранных зыков. Сорок лет назад она писала: «Для того чтобы заговорить на иностранном языке, необходимо преодолеть психологические барьеры, и здесь очень многое зависит от преподавателя, от его такта, педагогического чутья, наконец, таланта»[7]. Красная нить этой педагогической мысли-заповеди, которая протянулась от процитированного выше «Способа

[7] *Тер-Минасова С.Г.* Об изучении иностранных языков на историческом факультете МГУ // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1984. № 5. С. 36.

учения», и сегодня проходит через всю деятельность кафедры иностранных языков исторического факультета.

Любимым детищем С.Г. Тер-Минасовой был театр на английском языке. Сначала это был детский театр, в котором играли дети преподавателей и аспирантов кафедр исторического и филологического факультетов. Затем она организовала Английский театр для историков с участием студентов и молодых преподавателей кафедры. Этот театр сыграл большую роль в жизни кафедры, профессиональном росте преподавателей, укреплении коллектива. Участники Английского театра овладевали разговорным английским языком, командная работа на репетициях сближала их. Английский театр ездил на гастроли по всей стране. Наибольшим успехом пользовались такие постановки, как «Дневник Адама и Евы» по рассказам Марка Твена, «Девушка или Тигр?» по рассказу Саки и «Король Лир» по пьесе Шекспира. Студенческий театр под руководством С.Г. Тер-Минасовой стал лауреатом ряда студенческих фестивалей и конкурсов.

Светлана Григорьевна неоднократно признавалась, что работа на историческом факультете привела ее к мысли о том, что необходим не только пересмотр методики преподавания иностранных языков «для специальных целей», но и, возможно, создание специального факультета для обучения иностранным языкам студентов разных специальностей, разных факультетов. Так в Московском университете в 1988 г. появился факультет иностранных языков, позднее ставший факультетом иностранных языков и регионоведения, который С.Г. Тер-Минасова, будучи его инициатором и организатором, и возглавила. А руководить кафедрой иностранных языков стала Ирина Вячеславовна Шевлягина, начинавшая работать с Е.А. Бонди и продолжившая его учебно-методическую линию.

Новый этап развития кафедры был отмечен изучением исторических терминов. Результатом этого стал опубликованный в 1993 г. трехтомный сборник статей «Терминоведение и профессиональная лингвистика». Этой темой особенно активно занимался Виктор Андреевич Татаринов, под редакцией которого был издан ряд словарей терминологической лексики: «Немецко-русский исторический словарь: около 5000 слов и выражений», «Немецко-русский историко-искусствоведческий словарь: около 5000 терминов и иконографических сюжетов» В.А. Татаринова и И.П. Ясненко; «Англо-русский исторический словарь: около 5000 слов и выражений» А.П. Миньяр-Белоручевой.

Продолжалась работа в области методики преподавания иностранных языков, которая нашла отражение в серии кафедральных сборников статей «Проблемы лингвистики и методики преподава-

ния иностранных языков» и учебников и учебных пособий по иностранным языкам. В 1995 г. вышло первое издание цикла учебных пособий А.П. Миньяр-Белоручевой для обучения английскому языку студентов-искусствоведов: «Английский язык. Западноевропейское искусство от Джотто до Рембранта», «Английский язык. Западноевропейское искусство от Хогарта до Сальвадора Дали», «Русское искусство для изучающих английский язык». В 1997 г. — «Учебно-методическое пособие по английскому языку для студентов-историков. История России IX–XVIII вв.» М.В. Колесниковой, И.Г. Рытовой, Л.Н. Седелкиной, А.П. Миньяр-Белоручевой и Г.Н. Фукс. В 2000 г. был опубликован «Учебник немецкого языка. С основами научного перевода» В.А. Татаринова, в 2004 г. — «Учебник немецкого языка: для вузов искусств и культуры» В.А. Татаринова и И.П. Ясненко.

В 2000 г. преподаватель кафедры иностранных языков Михаил Евгеньевич Кабицкий защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Основные направления развития португальской этнологии в 60-е гг. XIX — 90-е гг. XX в.». Это стало хорошим примером профессионального роста преподавателя иностранного языка на историческом факультете.

В 2000-е гг. продолжалось развитие научной школы, направленное на изучение языка исторической науки. В 2001 г. А.П. Миньяр-Белоручева защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Теоретические основы изучения языка исторической науки (на материале современного английского языка)», вышла ее монография «Язык историка». Диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук защитили: в 2005 г. Марина Владимировна Колесникова на тему «Особенности функционирования фразеологических единиц в научных исторических текстах (на материале современного английского языка)», в 2007 г. Екатерина Александровна Суязова на тему «Общее и индивидуальное в научных исторических текстах (на материале английского языка)», в 2009 г. Марина Евгеньевна Покровская на тему «Системно-функциональный анализ лексических средств номинации в этнонимике: на материале английского языка».

Начало XXI в. было отмечено для российской системы образования вступлением в Болонский процесс. Система образования перестраивалась в соответствии с Болонскими принципами, был осуществлен переход на двухступенчатую систему образования: бакалавриат и магистратуру. На смену умениям и навыкам, лежащим в основе образовательных стандартов, пришли базовые компетенции. В профессиональный лексикон преподавателей иностранных языков вошли обозначения уровней владения языком A (1, 2), B (1, 2)

и С (1, 2). В новых условиях кафедра занималась переработкой и созданием новых теоретических и практических курсов, учебников, учебных пособий, обновлением методик преподавания иностранных языков. С 2003 по 2006 г. кафедрой руководила Ольга Владимировна Раевская.

На факультете были открыты две новые образовательные программы: «История международных отношений» и «Историко-культурный туризм», на которых особое внимание уделялось преподаванию иностранных языков. Это увеличило учебную нагрузку преподавателей кафедры, с чем кафедра успешно справилась. Для студентов программы историко-культурного туризма профессором А.П. Миньяр-Белоручевой и доцентом М.Е. Покровской были созданы учебные пособия, обеспечивающие занятия по английскому языку с первого по четвертый курс.

Следующим этапом в развитии кафедры иностранных языков стало открытие программы дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», которая позволяла слушателям получить диплом о дополнительном образовании с квалификацией переводчика. Для подготовки будущих переводчиков использовалось пятое издание «Учебника устного перевода» А.П. Миньяр-Белоручевой, К.В. Миньяр-Белоручева. Эта программа работала с 2009 по 2014 г. Кафедрой тогда (2007–2015) руководила Л.П. Лобанова, направившая научную работу кафедры в область перевода трудов по философии языка XVI–XVIII вв., в котором участвовали не только преподаватели, но и студенты-историки.

Росла публикационная активность преподавателей кафедры, работавших над учебниками, учебными пособиями, словарями на материале разных языков. Представление о разнообразии этих изданий дает следующий — неполный — перечень: «История и культура Испании в занимательных сюжетах. Учебное пособие по испанскому языку» Б.Х. Эйдус (2008), «Этнологические аспекты в работах немецкоязычных авторов. Учебное пособие по немецкому языку для студентов старших курсов» Л.В. Сеничевой (2012), «История Франции с древнейших времен до X века. Учебное пособие по французскому языку для студентов-историков младших курсов» Р.С. Падеевой и Т.С. Столяровой (2013), «Учебное пособие по английскому языку для студентов-историков, изучающих историю международных отношений» Е.М. Ереминой (2013), «Лучшие музеи мира. Учебное пособие по немецкому языку» И.П. Ясненко (2013), «Современный французско-русский словарь» О.В. Раевской и Т.Б. Пошерстник (2014). А.П. Миньяр-Белоручева создала учебные пособия для студентов-искусствоведов: «Английский язык. Учебное пособие для

студентов-искусствоведов, изучающих византийское искусство, романскую и готическую архитектуру» (2011) и «Английский язык. Учебное пособие для студентов-искусствоведов, изучающих искусство Древнего Востока, Древней Греции, Древнего Рима» (2013).

Дальнейшее развитие кафедры (с 2016 г. под руководством О.В. Раевской) продолжается как по традиционным, так и по новым направлениям профессиональной деятельности.

Научная работа ведется по трем основным направлениям: лингвистика, методика преподавания и перевод. В 2017 и 2019 гг. кафедра провела конференции на тему «Роль и место иностранных языков в университетском историческом образовании» с участием не только представителей разных факультетов и вузов Москвы, но и гостей из 9 городов Российской Федерации, Республики Беларусь и Таджикистана, всего более 70 человек.

Кафедра иностранных языков выступила с инициативой проведения совместных с историческими кафедрами научных конференций. Историки факультета поддержали коллег-филологов, и в 2022 г. состоялась конференция на тему «Национальные особенности историографического дискурса» с участием представителей кафедры иностранных языков и исторических кафедр факультета. По результатам конференции вышел сборник научных статей «Филологи и историки о языке исторической науки» в цикле «Трудов исторического факультета МГУ» (Вып. 225. Сер. II: Исторические исследования, 155).

Сотрудничество с историческими кафедрами рассматривается как приоритетное направление научной работы кафедры иностранных языков. В 2024 г. состоялась конференция «Языки исторической науки: проблемы изучения, перевода и преподавания», в которой приняли участие представители кафедр иностранных языков, древних языков, истории России XIX века — начала XX века, истории России XX–XXI веков, новой и новейшей истории. По материалам конференции подготовлен второй выпуск сборника статей «Филологи и историки о языке исторической науки».

Преподаватели кафедры иностранных языков сотрудничают с коллегами-историками в области не только научной деятельности, но и учебно-методической. Серьезным успехом увенчалась совместная работа над учебно-методическим пособием «Франция с 1789 года до наших дней» (под общей редакцией Л.С. Белоусова и О.В. Раевской, 2020). Это сборник документов, составленный французским историком Паскалем Коши, с комментариями старшего преподавателя кафедры Т.Б. Пошерстник и факультетских коллег-историков Д.Ю. Бовыкина, А.А. Вершинина, И.В. Игнатченко, Г.Ч. Моисеева,

Н.Н. Наумовой и Л.А. Пименовой. Эта книга была высоко оценена специалистами: она была признана лучшим изданием на иностранных языках на IX Общероссийском конкурсе изданий для вузов «Университетская книга – 2020».

На кафедре создана Методическая комиссия по иностранным языкам, которую возглавляет доцент И.П. Ясненко. Комиссия занимается вопросами методического обеспечения учебного процесса, дает экспертную оценку учебно-методическим пособиям, подготовленным преподавателями кафедры.

В 2018 г. возобновила работу программа «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», которой руководит доцент А.В. Вестфальская. Студентам исторического факультета вновь предоставлена возможность получить диплом о дополнительном образовании, совмещая это с учебой по основному направлению подготовки. Программа успешно работает, выполняя поставленную задачу.

Преподаватели кафедры постоянно совершенствуют свое педагогическое мастерство, в том числе компьютерную грамотность, повышают свою научную квалификацию, защищают кандидатские диссертации. В 2016 г. Анна Викторовна Вестфальская защитила диссертацию на тему «Средства выражения оценки в научно-публицистическом дискурсе холодной войны», в 2020 г. защитили кандидатские диссертации Валентина Валерьевна Карапец на тему «Особенности идиостиля Г. Флобера и их передача в русских переводах (на материале романа “Madame Bovary”)» и Карина Артуровна Киянова на тему «Коммуникативно-речевая структура публичной политической речи (на материале выступлений Ангелы Меркель)».

Новые перспективы открыл инициированный кафедрой ежегодный Лингвистический конкурс, стимулирующий студентов к достижению лучших результатов в освоении иностранных языков. Для первокурсников проводится фонетический конкурс, для старшекурсников — конкурс тематических презентаций на иностранном языке и научные конференции на историческую и искусствоведческую тематику, для студентов всех курсов — конкурс поэтических переводов с иностранного языка на русский.

Возродилась театральная традиция. Начало было положено английским театром и, конечно, Шекспиром: в 2013 г. старший преподаватель Светлана Владимировна Петросянц поставила со студентами отрывки из пьесы «Король Генрих IV». За этим последовал «Сон в летнюю ночь», и примеру С.В. Петросянц последовали преподаватели других языков. Так родился Театральный фестиваль на иностранных языках, который стал ежегодным. Программы этих

фестивалей разнообразны и свидетельствуют о широком художественном кругозоре и творческом энтузиазме их участников. Среди постановок — «Добрые друзья» Дж.Б. Пристли, «Дары волхвов» О. Генри, «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, «Красавица и чудовище» на английском языке, «Мещанин во дворянстве» Мольера и «Жаворонок» Ж. Ануя на французском языке, «Каникулы в Простоквашино» и «Маленький принц» на испанском языке, «Красная шапочка» и «Бременские музыканты» на немецком языке. Студенты, изучающие французский язык, составили театральную труппу "Quelle histoire!", которой руководит старший преподаватель Марина Витальевна Корнева. Под руководством старшего преподавателя Ирины Николаевны Миляевой студенты дублировали на итальянский язык известные кинофильмы: «Старики-разбойники», «Служебный роман», «Морозко» и мультфильм «Дюймовочка».

В историю кафедры вошли и студенческие вечера песен на иностранных языках, и вечера франкофонии, неизменным организатором которых была Татьяна Борисовна Пошерстник.

Приведенный краткий, но отразивший основные этапы развития кафедры иностранных языков обзор ее работы за прошедшие 60 лет, дает представление о формировании и основных принципах системы преподавания иностранных языков как неотъемлемой части университетского исторического образования. Безусловно приоритетными являются два взаимосвязанных принципа: во-первых, взаимодействие и сотрудничество с историческими кафедрами: синхронизация с учебным планом в части исторических дисциплин и совместная научная деятельность (совместные проекты, конференции и т.п.), во-вторых, методическая проработка лингвистических основ преподавания иностранного языка как «языка для специальных целей», в данном случае — для профессиональных историков. Определяющим условием успешного обучения иностранным языкам является большой объем часов, отводимых на данную дисциплину. Разнообразные виды художественной самодеятельности студентов обычно относят к внеучебной деятельности — в случае с иностранными языками эта деятельность, несомненно, из разряда учебной, поскольку она оказывает существенное влияние на повышение уровня владения иностранными языками. И, конечно, трудно переоценить роль человеческого фактора, атмосферы в коллективе и отношения к студентам. Неизменно актуальную педагогическую заповедь, дошедшую до нас из середины XVIII в.: «будь снисходителен и ласков», надо дополнить другой, заменив в известной формуле противительный союз на соединительный: «будь строг и справедлив».

Кафедра иностранных языков исторического факультета встретила 270-летие Московского университета достойным вкладом в обучение студентов, получающих историческое образование с хорошим уровнем владения иностранными языками. Сегодня на кафедре работают 50 сотрудников из числа профессорско-преподавательского состава: 2 профессора, 10 доцентов, 27 старших преподавателей, 9 преподавателей, 2 ассистента, в том числе 2 доктора наук и 22 кандидата наук, а также 6 сотрудников из числа учебно-вспомогательного персонала. На кафедре преподаются английский, немецкий, французский, испанский и итальянский языки, в разные годы можно было изучать также португальский, новогреческий и старопровансальский языки. Важная особенность языковой подготовки студентов-историков — обучение двум современным иностранным языкам. Педагогический опыт преподавателей кафедры нашел свое воплощение в богатой «библиотеке» учебников и учебных пособий, предназначенных для студентов исторического факультета: это в общей сложности 227 книг, в том числе 10 учебников, 209 учебных пособий и 8 словарей.

Современный этап развития кафедры иностранных языков отмечен общим для всей системы образования погружением в новую информационную среду, поворотом в сторону цифровых технологий, использованием возможностей искусственного интеллекта. Это серьезные вызовы и вытекающие из них актуальные задачи, которые являются предметом обсуждений на кафедре и стимулом для повышения профессиональной квалификации, освоения новых образовательных методик и технологий. Кафедра встретила 270-летие Московского университета не только с хорошими результатами, но и с надежным ресурсом: богатым профессиональным опытом и творческим потенциалом, а также преданностью своему делу и любовью к Университету.

References

Entsiklopedicheskiy slovar' Moskovskogo universiteta. Istoricheskiy fakul'tet [Encyclopaedic Dictionary of Moscow University. Faculty of History] /Ed. by S.P. Karpov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; ROSSPEN, 2004. 543 p.

Sposob ucheniya [Method of Teaching]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1771. 4 p.

Ter-Minasova S.G. *Ob izuchenii inostrannykh yazykov na istoricheskom fakul'tete MGU* [On the Study of Foreign Languages at the Faculty of History of Moscow State University] // *Vestnik Moskovskogo universiteta.* Series 8. *Istoriya.* 1984. N 5. P. 30–37.

Поступила в редакцию
10 октября 2024 г.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Серия 8. ИСТОРИЯ. 2024. Т. 65. № 6. С. 170–122
LOMONOSOV HISTORY JOURNAL. 2024. Vol. 65. N 6. P. 170–122

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-6-170-202

А.Р. Канторович

КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

A.R. Kantorovich

THE DEPARTMENT OF ARCHAEOLOGY OF THE FACULTY OF HISTORY AT LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY: TRADITIONS AND MODERNITY

Аннотация. Кафедра археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова отметила в 2024/2025 учебном году три юбилея: 85 лет кафедре, 90 лет историческому факультету и 270 лет Московскому университету. Преподавание археологии в Московском университете спорадически осуществлялось уже в первой трети XIX в., а начало регулярной научно-преподавательской работы в сфере археологии было инициировано в 1880 г. профессором Д.Н. Анучиным. Прообразом кафедры археологии стало Археологическое отделение факультета общественных наук, основанное в 1921 г. В.А. Городцовым, чей ученик А.В. Арциховский в 1939 г. создал и возглавил кафедру археологии исторического факультета МГУ. Дело А.В. Арциховского продолжил В.Л. Янин, возглавивший кафедру в 1978 г. и руководивший ею до 2016 г. С момента первого выпуска археологов (в 1940 г.) к лету 2024 г. кафедру окончили 859 специалистов, бакалавров и магистров. Из них 346 (40,2 % от общего выпуска) впоследствии защитили кандидатские диссертации, а 114 (13,2 %) — докторские. Верные традициям, заложенным выдающимися учеными, руководившими кафедрой, другими замечательными специалистами, сотрудники кафедры археологии активно продолжают научную и педагогическую деятельность. В последние годы были обновлены традиционные учебные курсы и разработан целый ряд

Канторович Анатолий Робертович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kantorovich Anatoly Robertovich, Doctor of History, Head, Department of Archaeology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

kantorovich@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8392-9445

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

новых элективных спецкурсов. Практически все сотрудники кафедры (17 из 18) вели разнообразные полевые, лабораторные и кабинетные исследования. За последние 5 лет (2020–2024 гг.) ими опубликованы 118 статей в ведущих журналах (в том числе относящихся к топ-25), 122 статьи в сборниках, 2 персональные монографии и одна коллективная, а также главы в коллективных монографиях. При кафедре действовали 7 экспедиций (с учебной и производственной практикой студентов и аспирантов), исследовавших различные археологические памятники, в диапазоне от палеолита до Средневековья, от Великого Новгорода на севере до Центрального Предкавказья на юге и от Смоленска на западе до Южного Приуралья на востоке.

***Ключевые слова*:** кафедра археологии, 85-летний юбилей кафедры, преподавание археологии в Московском университете, А.В. Арциховский, В.Л. Янин, научные достижения, археологические экспедиции.

Abstract. The Department of Archaeology at the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University celebrated three anniversaries in the 2024/2025 academic year: the present year marks the 85th anniversary of the department, the 90th anniversary of the Faculty of History, and the 270th anniversary of Moscow University. Archaeology was sporadically taught at Moscow University as early as the first third of the 19th century, and regular scholarly and teaching activities in the field of archaeology were initiated in 1880 by Professor D.N. Anuchin. The Department of Archaeology was preceded by the Archaeological Section of the Faculty of Social Sciences, which was founded in 1921 by V.A. Gorodtsov. The Department of Archaeology at the Faculty of History was established and headed by A.V. Artsikhovsky, a student of Gorodtsov, in 1939. The work of A.V. Artsikhovsky was subsequently continued by V.L. Yanin, who occupied the position of department head from 1978 until 2016. Following the inaugural graduation of archaeologists in 1940, the department has consistently produced a significant number of specialists in the field. By the summer of 2024, a total of 859 graduates, including both bachelors and masters, had completed their studies from the department. Of these, 346 (40,2% of the total graduates) subsequently defended their candidate dissertations, and 114 (13,2%) defended their doctoral theses. In accordance with the traditions established by eminent scholars who have previously headed the department, as well as other distinguished specialists, the staff of the Department of Archaeology continue to actively engage in scientific and pedagogical activities. In recent years, there has been an updating of traditional courses, and the development of a number of new elective special courses. It is noteworthy that the vast majority of departmental personnel (17 out of 18) have engaged in a wide range of research activities encompassing diverse fieldwork, laboratory-based research, and office-based research. In the period spanning 2020 to 2024, the number of articles published by the researchers in leading journals, including those in the top-25, totalled 118. In addition, the researchers have published 122 articles in collected volumes, two personal monographs, and one collective monograph, as well as chapters in collective works. The department has organized seven expeditions (with student and postgraduate internships), which have researched various archaeological sites, ranging from the Paleolithic to the Middle Ages, from Veliky Novgorod in the north to the Central Caucasus in the south, and from Smolensk in the west to the Southern Urals in the east.

***Keywords*:** Department of Archaeology, 85th anniversary of the department, teaching of archaeology at Moscow University, A.V. Artsikhovsky, V.L. Yanin, scientific achievements, archaeological expeditions.

* * *

Кафедра археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова отмечает в 2024/2025 учебном году три юбилея: в 2024 году исполнилось 85 лет кафедре археологии и 90 лет историческому факультету МГУ, а 25 января 2025 г. — 270 лет Московскому университету.

Кафедра основана в 1939 г. выдающимся советским археологом Артемием Владимировичем Арциховским (1902–1978), создателем и первым руководителем Новгородской археологической экспедиции исторического факультета МГУ, прославленной многими открытиями, и в первую очередь находками берестяных грамот.

Истоки археологии как научного и преподавательского направления в Московском университете относятся еще к началу XIX в. В главе III («О Профессорах и их должностях») Университетского устава от 5 (17) ноября 1804 г., согласно § 24, в числе четырех Отделений или Факультетов создавалось Отделение словесных наук, на котором, помимо прочего, была учреждена профессорская кафедра «Теории изящных искусств и археологии»[1]. Кафедра данного профиля была открыта в то время только в Московском университете, тогда как в остальных университетах России — Казанском (основан в 1804 г.), Харьковском (основан в 1805 г.), а также в Виленском и Дерптском (уже существовавшим к моменту принятия Устава 1804 г.) аналогичных кафедр предусмотрено не было[2].

Поскольку в конце XVIII — начале XIX в. археология воспринималась (и в Западной Европе, и в России) как научное направление, приоритетной задачей которого было изучение наследия классической античности на базе памятников искусства[3], в рамках этой дисциплины в Московском университете изначально преподавалось преимущественно искусствоведение, и лишь в связи с ним затрагивались определенные вопросы, соотносимые с археологией в современном понимании (отрасль исторической науки, изучающая

[1] Университетский Устав (5 ноября 1804) // Летопись Московского университета. — URL: https://letopis.msu.ru/documents/327 (дата обращения 12.01.2025).

[2] *Жарова Е.Ю.* Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 278, 285–289.

[3] *Амальрик А.С., Монгайт А.Л.* В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1966. С. 20–22; *Клейн Л.С.* История археологической мысли. В 2 т. Т. 1. СПб., 2011. С. 169–172; *Клейн Л.С.* История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб., 2014. С. 38–41.

прошлое человечества преимущественно на основе вещественных исторических источников, или археологических памятников в широком смысле слова). При этом в первые десятилетия XIX в. речь шла исключительно о памятниках древнегреческого и древнеримского искусства. Но уже в 1832–1835 гг. в рамках курса «Археология, или История изящных искусств по памятникам», читаемого Н.И. Надеждиным — известным философом, историком, этнографом и литературным критиком, занявшим кафедру теории изящных искусств и археологии в декабре 1831 г., помимо классической античности, появилась тематика древнейших произведений искусства других народов и цивилизаций, в частности Индии[4].

В дальнейшем именно благодаря кафедре теории изящных искусств и археологии в Московском университете сформировалась коллекция археологических материалов, в том числе связанных с экспедициями. Уже в начале 1830-х гг. с проектом учреждения при Московском университете «Эстетического музеума» (включавшего в том числе и копии произведений античного искусства и архитектуры) выступил крупный философ, литературовед и поэт С.П. Шевырев, однако данный проект осуществлен тогда не был[5]. Позднее археологические материалы начал собирать известный антиковед К.К. Гёрц (преподававший на кафедре теории изящных искусств и археологии), проводивший раскопки на Тамани и заведовавший университетским археолого-нумизматическим кабинетом[6]. В 1888 г. из Кабинета изящных искусств, который находился в ведении кафедры теории изящных искусств и археологии, в Исторический музей были переданы различные археологические (в том числе нумизматические) экспонаты, включая знаменитый Галичский клад[7].

Тем не менее, начало регулярного преподавания археологии в Московском университете связано не столько с кафедрой теории

[4] «Еще в сочинении моем на конкурс, равно как и в пробной лекции, я изъяснил, что цель моего преподавания археологии есть историческое оправдание той теории изящных искусств, которую я должен был читать моим слушателям, а потому буду излагать эту науку, то есть археологию, как историю искусств по памятникам. Это было одобрено, и от того моя археология распространилась в объеме своем значительно против прежних пределов. До тех пор в круг ее допускались только памятники двух классических народов: Греков и Римлян. Я предположил касаться памятников искусств у всех древних народов, какие только оставили по себе памятники. Вследствие того, как начало моего курса приходилось в половине года, то я начал с сей последней, то есть с археологии, и именно с древней Индии» (*Надеждин Н.И.* Автобиография с дополнениями П.С. Савельева // Русский вестник. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. Том второй. 1856. С. 62–63).

[5] *Петров Ф.А.* Московский университет и Исторический музей // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 2. С. 16.

[6] Там же. С. 17.

[7] Там же. С. 28.

изящных искусств и археологии, сколько с кафедрой антропологии[8], где с 1880 г. лекции по археологии (а также по антропологии и этнографии) читал профессор Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923), — знаменитый археолог, этнограф, антрополог и географ, окончивший в 1867 г. естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Д.Н. Анучин работал на кафедре антропологии вплоть до ее закрытия в 1884 г., после чего продолжил преподавать на кафедре географии и этнографии, открытой при историко-филологическом факультете. В 1888 г. эта кафедра была переведена на естественное отделение физико-математического факультета. В 1907 г. данная кафедра объявила специализацию «география и антропология», и соответствующими дисциплинами были, в том числе, преподаваемые Д.Н. Анучиным археология, физическая антропология, общая этнография и сравнительное народоведение.

Благодаря Д.Н. Анучину специализация по археологии в Московском университете стала постоянной, при этом до Октябрьской революции 1917 г. она осуществлялась лишь на кафедре географии и этнографии, т.е. там, где работал Д.Н. Анучин.

После революции археологические исследования и преподавание археологии велись уже на двух факультетах МГУ: на физико-математическом факультете — на вновь организованной в 1919 г. при естественном отделении кафедре антропологии (возглавляемой Д.Н. Анучиным), а также на факультете общественных наук (ФОН), созданном в 1919 г. Именно Археологическое отделение ФОН, основанное осенью 1921 г., стало прообразом современной кафедры археологии исторического факультета МГУ. В конце 1923 г. на базе Археологического отделения и художественного цикла литературно-художественного отделения было создано отделение археологии и искусствознания. В апреле 1925 г., после разделения ФОН на два факультета — этнологический и советского права — отделение археологии и искусствознания вошло в состав этнологического факультета под названием «историко-археологическое». Но при всех этих реорганизациях Археологическое отделение в МГУ продолжало функционировать (меняя названия, но не суть) вплоть до своего закрытия в начале 1930-х гг. — в период масштабных гонений на историческую науку.

Преподавание археологии на Археологическом отделении осуществлялось под неизменным руководством выдающегося российского и советского археолога Василия Алексеевича Городцова (1860–1945) — «учителя учителей», как называл его В.Л. Янин.

[8] Кафедра была основана в 1876 г. по инициативе известного зоолога, антрополога и археолога А.П. Богданова.

В.А. Городцов разработал для археологического отделения сводную программу курсов, и это была первая всеобъемлющая и систематическая программа обучения археологии в Московском университете[9]. Он читал целую серию лекций по археологии, вел семинары и специальные занятия по методике полевых археологических исследований. Именно В.А. Городцов первым выдвинул и реализовал идею регулярных полевых археологических студенческих практик. При всех организационных изменениях в рамках отделения, факультета и Московского университета, В.А. Городцов оставался профессором археологии МГУ вплоть до своего увольнения в 1930 г.[10] Уже на склоне лет (в 1941 г.) по приглашению А.В. Арциховского В.А. Городцов вернулся в МГУ, где он был вновь назначен профессором и преподавал на кафедре археологии исторического факультета вплоть до своей кончины в 1945 г.

В составе преподавателей археологического отделения в МГУ были такие видные ученые, как Ю.В. Готье, Ф.В. Баллод, А.А. Захаров, А.С. Башкиров, Н.И. Новосадский, А.И. Некрасов, А.А. Некрасов и др. Курс истории материальной культуры в 1921/1922 учебном году на ФОН читал Д.Н. Анучин.

Под началом В.А. Городцова было написано большое количество диссертационных работ на самые различные темы археологии. Выпускниками Археологического отделения стали многие впоследствии знаменитые археологи, в частности А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, Б.Н. Граков, П.А. Дмитриев, С.В. Киселев, Б.А. Рыбаков, А.П. Смирнов и др.

Именно А.В. Арциховский, ученик В.А. Городцова, продолжил дело своего учителя в МГУ. Еще в 1927 г. он был приглашен в качестве ассистента (с 1929 г. доцент) на историко-археологическое отделение этнологического факультета МГУ, где читал лекции в рамках спецкурса по славяно-русской археологии[11]. В период ликвидации университетского исторического образования в СССР А.В. Арциховский, как и В.А. Городцов, был уволен из МГУ, но после принятия

---

[9] См. подробнее: *Канторович А.Р.* Заметки о преподавательской деятельности В.А. Городцова в Московском университете // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева /Под ред. А.Е. Мусина. Великий Новгород; СПб.; М., 2009. С. 309–311.

[10] См. собственноручный Curriculum vitae В.А. Городцова (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 1). Как известно, в 1931 г. факультеты, готовившие специалистов исторического профиля в Московском и Ленинградском университетах, были ликвидированы, соответственно Археологическое отделение в МГУ было закрыто. Преподавание археологии в университетах было прекращено, исключая кафедру антропологии МГУ, где археологические курсы входили в традиционный (со времен Д.Н. Анучина) набор дисциплин.

[11] *Гайдуков П.Г.* Институт археологии РАН: 100 лет истории. М., 2019. С. 223.

постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и открытия исторического факультета в Московском университете в 1934 г. он был вновь приглашен в МГУ, уже на должность профессора[12], и начал читать здесь (с 1937 г.) лекции по курсу «Основы археологии», ориентированному на гораздо более широкую аудиторию, чем ранее. Это был базовый обязательный курс для студентов-историков всех профилей (первоначально входил в программу 3-го года обучения, позднее был перенесен на 1-й год).

В 1939 г. А.В. Арциховский был назначен заведующим созданной им кафедры археологии исторического факультета МГУ. Помимо А.В. Арциховского, первыми преподавателями кафедры стали приглашенные им известные археологи: Михаил Вацлавович Воеводский (1903–1948), Сергей Владимирович Киселев (1905–1962), Владимир Дмитриевич Блаватский (1899–1980), Борис Александрович Рыбаков (1908–2001) и Борис Николаевич Граков (1899–1970).

В 1978 г. после кончины А.В. Арциховского кафедру возглавил его ученик, выдающийся археолог и историк Валентин Лаврентьевич Янин (1929–2020), руководивший кафедрой до 2016 г.

За 85 лет существования кафедры археологии (первый выпуск состоялся в 1940 г.) к лету 2024 г. кафедру окончили 859 специалистов, бакалавров и магистров (в том числе 41 иностранный студент).

Многие сотрудники кафедры были награждены премиями за свои научные и преподавательские достижения. Так, высшей премии СССР — Ленинской — были удостоены В.Л. Янин и Б.А. Колчин. Лауреатами Государственных премий СССР и РФ стали: А.В. Арциховский (дважды), В.Л. Янин (дважды), Б.А. Колчин, А.Ф. Медведев и Л.Р. Кызласов. Ломоносовская премия МГУ была присуждена А.В. Арциховскому, С.В. Киселеву, В.Л. Янину, Л.Р. Кызласову, Г.А. Федорову-Давыдову, Ю.Л. Щаповой, Н.В. Рындиной и А.Р. Канторовичу. Шуваловской премии МГУ был удостоен А.Н. Сорокин. Кроме того, В.Л. Янин стал лауреатом Демидовской премии, премии «Триумф» и литературной премии Александра Солженицына. Пять сотрудников кафедры археологии были удостоены почетного звания Заслуженный профессор Московского университета: В.Л. Янин (1999), Л.Р. Кызласов (2002), Ю.Л. Щапова (2008), Е.А. Рыбина (2015) и Н.В. Рындина (2016).

Основные научно-педагогические достижения кафедры археологии за период, происшедший с момента ее основания до ее преды-

[12] *Янин В.Л.* Очерк научной деятельности Артемия Владимировича Арциховского // Сборник статей, посвященный 70-летию Артемия Владимировича Арциховского /Под. ред. В.Л. Янина. М., 1972. С. 8.

дущих юбилеев — 75-летнего и 80-летнего, — уже освещены в ряде публикаций[13]. В данной статье мы обратимся к основным результатам преподавательской и научной работы кафедры за 5 лет, прошедших с момента празднования 80-летия кафедры.

Но прежде всего надо с глубокой скорбью вспомнить тяжелые утраты, которые кафедра понесла в прошедшее пятилетие. Ушли из жизни замечательные ученые и преподаватели кафедры: д.и.н., профессор Юлия Леонидовна Щапова (1930–2019), д.и.н., профессор Наталия Борисовна Леонова (1944–2019), д.и.н., профессор, академик РАН Валентин Лаврентьевич Янин (1929–2020), к.и.н., доцент Тамара Анатольевна Пушкина (1945–2020) и д.и.н., профессор Наталия Вадимовна Рындина (1936–2022).

В настоящее время на кафедре (включая лабораторию археологии — формальное подразделение в структуре кафедры) работают 18 сотрудников, из них 14 относятся к категориям профессорско-преподавательского и научного состава.

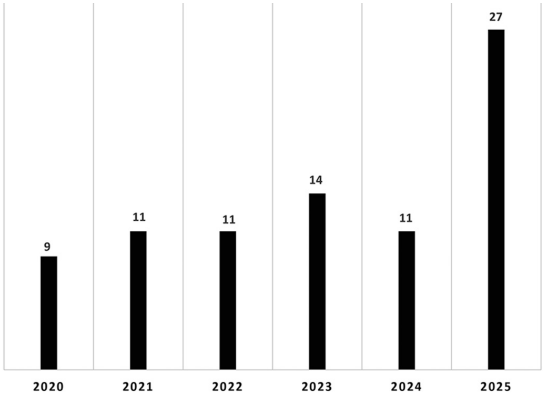


Диаграмма 1

В 2020–2024 гг. кафедру окончили 56 бакалавров и магистров, защитивших выпускные квалификационные работы по широкой тематике от палеолита до средневековья (см. диаграммы 1, 2). В 2025 г. планируется выпуск 27 бакалавров и магистров, спектр тематики ВКР столь же широк. Сотрудники кафедры, с учетом постоянного прироста археологического материала, совершенствовали как базовый курс «Основы археологии» для историков и искусствоведов 1-го года об-

[13] См.: *Янин В.Л., Канторович А.Р.* К 75-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ. 2015. № 3. С. 5–45; *Янин В.Л., Канторович А.Р.* Археологии кафедра // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / Под ред. С.П. Карпова. М., 2004. С. 24–30.

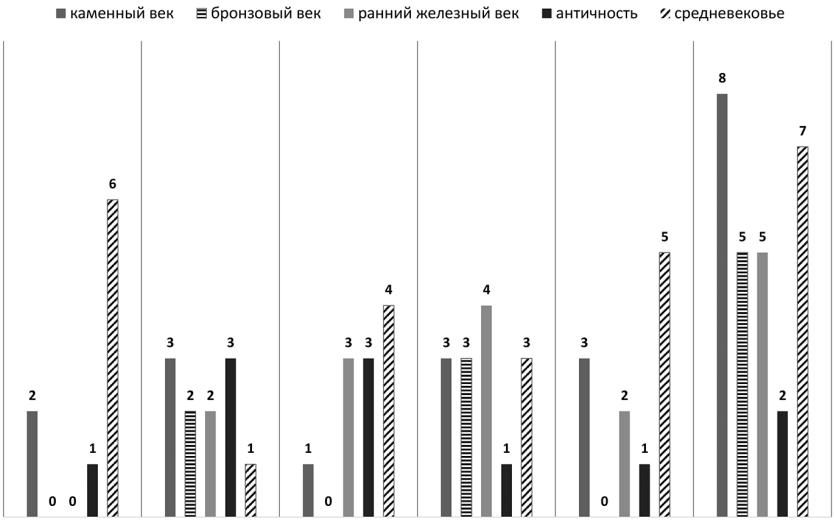


Диаграмма 2

учения, так и спецдисциплины и элективные спецкурсы кафедры археологии[14]. С учетом развития современных методов полевой и камеральной археологии в минувшее пятилетие были разработаны новая спецдисциплина «Введение в археологию» (Т.А. Пушкина, Т.В. Егорова, М.О. Жуковский), а также новые элективные спецкурсы[15].

[14] Список дисциплин и их программы см. в: Археология на историческом факультете (программы учебных курсов). Учебное пособие / Под ред. В.Л. Янина, А.Р. Канторовича. М., 2011. 286 с.

[15] В частности: «История изучения ювелирного ремесла Средневековья (VIII–XV века)» (Н.В. Ениосова), «История стекла и стеклоделия» (Е.К. Столярова), «Палеолит Нижнего Дона» (Е.А. Виноградова, А.В. Колесник), «Древнее горное дело Донбасса» (Е.А. Виноградова, А.В. Колесник), «Археологические объекты культурного наследия: вопросы сохранения и использования» (В.С. Житенев), «Прибалтийско-финские племена и Новгород по археологическим данным» (Л.В. Покровская), «Античная керамика как исторический источник» (Т.В. Егорова), «Фотограмметрия в археологии» (М.О. Жуковский), «Основы геодезии и картографии в археологии» (М.О. Жуковский), «Современная электронная документация полевых археологических работ» (М.О. Жуковский), «Современная практика использования искусственного интеллекта для решения археологических задач» (М.О. Жуковский), «Денежно-весовые системы Древней Руси» (М.О. Жуковский), «Археология энеолита и бронзового века Ближнего Востока и Средней Азии» (А.А. Ракитина), «Археология энеолита и бронзового века Кавказа, Малой Азии и Юго-Восточной Европы» (А.А. Ракитина), «Археологическое изучение Великого Новгорода» (Е.А. Рыбина, В.К. Сингх), «Христианские древности в средневековом Новгороде по археологическим данным» (Е.А. Рыбина, Л.В. Покровская), «Языческие древности в средневековом Новгороде по археологическим данным» (Л.В. Покровская, Е.А. Тянина), «Киммерийцы и скифы как историко-археологический феномен» (А.Р. Канторович).

В прошедшее пятилетие практически все сотрудники кафедры (17 из 18) вели разнообразные полевые, лабораторные и кабинетные исследования. При кафедре функционировали 7 экспедиций (с соответствующей учебной и производственной практикой студентов и аспирантов, включая общеобразовательную практику студентов 1-го курса отделения истории), изучавших различные археологические памятники, в диапазоне от палеолита до средневековья, а в пространственном отношении — от Великого Новгорода на севере до Центрального Предкавказья на юге и от Смоленска на западе до Южного Приуралья на востоке. Это Новгородская, Смоленская, Крымская (работала до 2021 г. включительно), Ставропольская, Донская, Танаисская и Южно-Уральская экспедиции[16]. Таким образом, можно констатировать широчайший спектр изучаемых полевых объектов.

Высокой была научная публикационная активность сотрудников кафедры археологии. В 2020–2024 гг. ими опубликованы 118 статей в ведущих российских и международных журналах (в том числе 60 статей в журналах из списков SCOPUS, WoS, из них 14 статей в журналах, которые относятся к топ-25) и 122 статьи в сборниках[17]. В эти годы сотрудниками кафедры были также опубликованы две персональные монографии и одна коллективная, помимо этого сотрудники кафедры приняли участие в работе над коллективными монографиями, изданными в других научных организациях[18].

Обратимся к наиболее важным результатам научной работы сотрудников кафедры археологии в истекшем пятилетии[19].

---

[16] В разное время в системе кафедры археологии МГУ существовал еще ряд экспедиций, наиболее долговременными из которых были: Степная Скифская (основана в 1944 г.), исследовавшая памятники эпохи бронзы и раннего железа на территории Украины, — под руководством профессора Бориса Николаевича Гракова (1899–1970); Хакасско-Тувинская (основана в 1950 г.), изучавшая древности эпохи камня, бронзы и железа в Южной Сибири и в Средней Азии, — под руководством профессора Леонида Романовича Кызласова (1924–2007); Поволжская (основана в 1954 г.), впервые приступившая к планомерному изучению памятников Золотой Орды в Нижнем Поволжье, — под руководством профессора Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000); Трипольская (основана в 1977 г.), исследовавшая памятники энеолита и бронзового века на территории Молдавии и Украины, — под руководством профессора Наталии Вадимовны Рындиной (1936–2022).

[17] Сведения приводятся на основе данных информационной системы «Истина МГУ» с учетом сводных показателей подразделений «Кафедра археологии» и «Лаборатория археологии» исторического факультета МГУ.

[18] Важную роль в научной и преподавательской работе кафедры играет постоянно пополняемая библиотека кафедры, насчитывающая ок. 20 тыс. томов, включая редкие и ценные издания (зав. библиотекой — специалист по учебно-методической работе Т.П. Сладкова).

[19] Обзор научных достижений кафедры археологии составлен по хронологическому принципу с учетом материалов, представленных сотрудниками кафедры

Изучение каменного века

В данной сфере основные научные разработки велись по нескольким направлениям: 1) полевые исследования верхнепалеолитических стоянок балки Каменной у хутора Недвиговка Ростовской обл., — раскопки, проводимые Донской археологической экспедицией под руководством к.и.н., старшего преподавателя (ныне доцента) Е.А. Виноградовой; 2) полевые исследования Каповой пещеры и других памятников Южного Урала Южно-Уральской археологической экспедицией под руководством д.и.н., доцента В.С. Житенева; 3) изучение хозяйственно–бытовых структур культурного слоя на открытых стоянках, технико-типологический и трасологический анализ каменного инвентаря — исследования Е.А. Виноградовой; 4) изучение палеолитического искусства и костяной индустрии верхнего палеолита В.С. Житеневым; 5) совместное изучение красящих пигментов Е.А. Виноградовой и В.С. Житеневым.

Донская экспедиция кафедры археологии МГУ основана в 1978 г. сотрудником (впоследствии профессором) кафедры археологии МГУ Натальей Борисовной Леоновой (1944–2019)[20]. Экспедиция ведет раскопки уникальных памятников верхнего палеолита, открытых в 1957 г. и частично исследованных к тому времени учителем Н.Б. Леоновой Марианной Давыдовной Гвоздовер (1917–2004), крупным палеолитоведом, выпускницей кафедры археологии МГУ, сотрудником НИИ и Музея Антропологии МГУ.

Под началом нынешнего руководителя Донской экспедиции Е.А. Виноградовой (возглавившей ее в 2020 г., после кончины своего учителя Н.Б. Леоновой) в 2020–2024 гг. продолжались раскопки северо-западного участка стоянки Каменная Балка II. Здесь исследовались три культурных слоя, в первую очередь 2-й (основной) слой, датируемый ок. 15000 лет т.н. и включающий интереснейшие объекты: два очага, скопление кремневых предметов, пятна охры, раковины моллюсков, а также ямки с фрагментами крупных суставов и костей — возможно, хранилища сырья или клады, а также конструктивные элементы ветровых заслонов или легких наземных жилищ (ямки с вкопанными вертикально стоящими костями).

Южно-Уральская экспедиция кафедры археологии МГУ (руководитель и инициатор экспедиции — В.С. Житенёв, ученик профессора Н.Б. Леоновой) в последние пять лет исследовала пещеры

Е.А. Виноградовой, Т.В. Егоровой, Н.В. Ениосовой, В.С. Житенёвым, М.О. Жуковским, Л.В. Покровской, Е.А. Поповой, Е.А. Рыбиной, В.К. Сингхом, Е.К. Столяровой и О.Л. Шаргановой. Я выражаю всем моим коллегам глубокую благодарность.

[20] Экспедиция размещается на Донской археологической базе МГУ, созданной профессором Н.Б. Леоновой и ее учениками.

с настенными верхнепалеолитическими изображениями на территории Челябинской области и Башкирии — Капову, Игнатьевскую и Серпиевскую-2. Новые открытия следов деятельности человека в подземных святилищах палеолита, включая неизвестные ранее художественные, ритуально-символические и хозяйственно-бытовые практики, обогатили и во многом изменили современное видение процессов деятельности человека на такого рода памятниках, включая очень широкое и разнообразное использование как жидкой краски, так и краски в виде пастообразных смесей — вдали от настенных панно с рисунками. Эти открытия поставили новые важные вопросы о необходимости и путях сохранения археологических и изобразительных ансамблей этих памятников.

Кроме того, в прошедшем пятилетии В.С. Житенёвым были продолжены работы по изучению палеолитического искусства в целом. Так, исследователь изучал феномен палеолитических украшений, и в первую очередь — материалы стоянки Сунгирь под Владимиром[21].

Е.А. Виноградова в последние годы провела типологический анализ каменного инвентаря из новых и более ранних раскопок (1970–2000 гг.) основного культурного слоя стоянки Каменная Балка II и близлежащей верхнепалеолитической стоянки Третий Мыс[22]. Исследовательница пришла к выводу, что практически все признаки индустрии (по технико-типологическому составу находок), выявленные М.Д. Гвоздовер по материалам ее раскопок на Каменной Балке в 1958–1967 гг., могут быть подтверждены по данным исследований последних десятилетий: все они относятся к выделенной М.Д. Гвоздовер каменнобалковской верхнепалеолитической культуре Северного Приазовья, включающей стоянки Каменная Балка II, Третий Мыс и 1-й слой стоянки Федоровка (Донецкая область), — в отличие от более ранних и более поздних слоев каменнобалковских стоянок, которые, следовательно, не могут быть отнесены к каменнобалковской культуре[23].

Е.А. Виноградовой совместно со специалистами из трасологической лаборатории ИИМК РАН Н.Н. Скакун и В.В. Терехиной была изучена крупная известняковая плитка из материалов стоянки Ка-

[21] *Житенев В.С.* Украшения и орнаментированные предметы стоянки Сунгирь: краткий обзор // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2021. Т. 24. С. 52–66.

[22] Раскопки данной стоянки были начаты М.Д. Гвоздовер еще в 1968 г.; с 1990 г. памятник исследуется экспедицией Государственного исторического музея под руководством выпускницы кафедры археологии МГУ к.и.н. Н.А. Хайкуновой.

[23] *Хайкунова Н.А., Виноградова Е.А.* Каменная индустрия каменнобалковской культуры — современное состояние исследования (по материалам 2-го культурного слоя стоянок Каменная Балка II и Третий Мыс) // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 5. С. 66–84.

менная Балка II, квалифицированная в итоге как инструмент для измельчения, разминания, прессования частей крахмалистых растений для сушки, складирования, хранения и непосредственного употребления в пищу, что свидетельствует о наличии сложных кормовых стратегий в хозяйственной деятельности обитателей стоянки и их успешной адаптации к природной среде данного региона[24]. Под руководством Е.А. Виноградовой магистрантка кафедры археологии Я.Р. Афанасьева и выпускник кафедры археологии к.и.н., научный сотрудник Института археологии РАН М. Хамакава предприняли трасолого-функциональные исследования кремневых орудий северо-западного участка стоянки Каменная Балка II; было доказано, что обитатели стоянки экономили сырье и ценили крупные пластинчатые заготовки, переоформляя их в орудия после первичного использования в качестве ножей по мясу[25].

Е.А. Виноградова провела морфолого-трасологическое исследование малакофауны стоянки Каменная Балка II, а именно раковин моллюсков Gastropoda; было доказано, что они являлись подвесками или заготовками для ожерелий; на данных раковинах была обнаружена окрашенность или пятна охры, что требует дальнейшего изучения этих предметов.

Е.А. Виноградова и В.С. Житенёв осуществили сравнительное многофакторное изучение красочных пигментов из принципиально различных памятников — стоянки Каменная Балка II (базовая стоянка-поселение) и Каповой пещеры (пещерное святилище с настенными изображениями). Образцы пигментов были описаны по 28 параметрам (методика, разработанная и опробованная ученицей В.С. Житенева аспиранткой кафедры археологии Ю.Д. Анисовец). Выявлено существенное различие между пигментами, которые использовались на двух вышеуказанных памятниках. Большая часть пигментов Каменной Балки II имеет крупнопесчанистую структуру, тогда как в Каповой пещере чаще встречаются глинистые образцы. На Каменной Балке использовалось практически немодифицированное сырье. Большой интерес представляют данные о разделении образцов пигментов на кластеры: выявлены кластеры с характерными признаками высокого содержания оксида железа и существенно различающееся по содержанию серы. Планиграфия образцов этих

[24] *Скакун Н.Н., Терехина В В., Виноградова Е.А.* Результаты комплексного анализа каменной плитки из верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. 2. Самара, 2020. С. 277–279.

[25] *Афанасьева Я.Р., Хамакава М.* Опыт трасологического изучения резцов и резцовых отщепков северо-западного участка верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // Российская археология. 2025. № 2 (в печати).

кластеров на стоянке Каменная Балка II позволяет говорить о концентрации определенных образцов пигментов на разных участках памятника, что может уточнить информацию о происхождении сырья для пигментов и о хозяйственном назначении определенных участков памятников[26].

Теми же исследователями, в сотрудничестве со специалистами с химфака МГУ (д.х.н. М.А. Статкус и студентка В.Д. Лаврова) были изучены красочные пигменты из другого ключевого верхнепалеолитического памятника — знаменитой стоянки Сунгирь под Владимиром. Данные работы позволили В.С. Житенёву и Ю.Д. Анисовец опубликовать важную в методическом отношении статью о необходимости и путях исследования образцов охры как массового археологического материала из культурных слоев памятников каменного века[27].

Изучение эпох палеометалла (энеолит и бронзовый век), раннего железа и античности

Специалист по учебно-методической работе А.А. Ракитина (аспирантка кафедры, ученица профессора Н.В. Рындиной) ведет исследования в сфере эгейской (крито-микенской) цивилизации эпохи бронзы. Изучается один из основных ее ритуальных элементов и символов — двойные топоры, проблема их генезиса, семантики и функций — на основании анализа иконографии, археологических контекстов и сравнения с другими культурами. Эта работа идет параллельно с исследованием загадочного объекта — «рогов посвящения», которые часто встречаются вместе с двойными топорами. Для их изучения А.А. Ракитина применяет 3D-технологии и археоастрономические методы.

Ряд ярких комплексов, относящихся к бронзовому веку, был выявлен и исследован в ходе работ ***Ставропольской экспедиции кафедры археологии МГУ*** на территории Центрального Предкавказья (руководитель и инициатор экспедиции — д.и.н. заведующий кафедрой археологии А.Р. Канторович, ученик доцента И.В. Яценко). Экспедиция исследует курганы, бескурганные могильники и святилища

[26] *Anisovets Y., Zhitenev V., Vinogradova E., Statkus M.* Color of small ochre fragments from the upper paleolithic sites Kapova cave and Kamennaya balka II (Russia): Combining visual color identification and cluster analysis // Heritage. 2024. Vol. 7. N 12. P. 6857–6870.

[27] *Житенёв В.С., Лаврова В.Д., Анисовец Ю.Д., Виноградова Е.А., Статкус М.А.* Красочные пигменты из культурного слоя и мужского погребения Сунгиря: предварительные результаты // Camera praehistorica. 2024. № 2 (13). С. 34–51; *Житенев В.С., Анисовец Ю.Д.* Красочные пигменты как массовый материал: обсуждение методического подхода к исследованиям // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. № 4. С. 142–173.

эпохи бронзы и раннего железа, в основном на юге Ставропольского края[28]. В работе экспедиции в качестве соавтора раскопок принимает участие выпускник кафедры археологии к.и.н. научный сотрудник Института археологии РАН В.Е. Маслов.

Комплексы, относящиеся к бронзовому веку, были в истекшем пятилетии обнаружены Ставропольской экспедицией в ходе раскопок курганных групп Новозаведенное-III и Новозаведенное-V (у с. Новозаведенное Ставропольского края). Наиболее интересными из них были богатые по содержанию погребального инвентаря захоронения эпохи средней бронзы (а также ритуальный комплекс с жертвоприношением быка), относящиеся к восточноманычской катакомбной культуре (XXV–XXIII вв. до н. э.). Также было открыто редкое для данного региона погребение срубной культуры эпохи поздней бронзы; находка этого комплекса ставит вопрос о расширении ареала срубной культуры в южном направлении[29].

Основным объектом исследований Ставропольской экспедиции являются комплексы раннего железного века (скифская и сарматская эпохи). В 2020 г. экспедиция завершила раскопки скифского элитного курганного могильника Новозаведенное-III, где курганные насыпи, датируемые в пределах конца V–IV в. до н.э., содержали сложные архитектурные сооружения, созданные с использованием деревянно-камышовых и каменных конструкций[30]. Этими сооружениями были перекрыты подземные камеры с захоронениями скифских аристократов с оружием, украшениями, утварью, предметами туалета и культа, в сопровождении взнузданных лошадей.

В контексте изучения материалов данного могильника коллективом ученых было проведено комплексное исследование уникального предмета из погребения скифского воина-аристократа IV в. до н.э. из кургана № 1 могильника Новозаведенное-III (раскопанного А.Р. Канторовичем и В.Е. Масловым в 2018 г.). Исследование показало, что помещенный в кожаный мешочек предмет («скульптура» из гиббсита, обмазанная жидким гипсом и покрытая тонким слоем сульфата кальция, намеренно смешанным со стружкой металличе-

---

[28] В 2022–2024 гг. данные исследования осуществлялись в рамках проекта РНФ № 22-18-00108 «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл».

[29] *Канторович А.Р., Маслов В.Е.* Погребения эпохи бронзы в кургане № 1 могильника Новозаведенное-V // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона. Материалы конференции, посвященной памяти А.Ю. Скакова / Под ред. А.Н. Гея. М., 2023. С. 63–67.

[30] *Kantorovich A.R.* The Scythian kurgan group Novozavedennoye-III in the context of burial traditions of the Scythian archaeological culture // Proceeding of 47 All-Korean archaeological conference. Сахефенрон Seoul, 2023. P. 446–454.

ского олова) был опущен в могилу воина как основа ритуального набора вещей, явно связанных с женским приношением покойному; возможно, данный объект должен символизировать обобщенное женское начало.

На основе археозоологических данных, полученных А.Р. Канторовичем и В.Е. Масловым при раскопках могильника Новозаведенное-III, а также на базе других памятников Северного Кавказа, к.б.н. ученый секретарь Зоологического музея МГУ Н.Н. Спасская провела масштабные исследования лошадей в рамках проекта РНФ «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл». Основные результаты:

– было подтверждено существование морфологически различающихся лошадей, разводимых разными группами населения Северного Кавказа (скифами, кобанцами, меотами и керкетами-торетами);

– установлено, что скифы (аллохтонная часть населения Северного Кавказа) предпочитали использовать в погребальных ритуалах взрослых животных (самцов от 5 лет и старше), а представители автохтонного населения (керкеты-тореты, меоты и кобанцы) — более молодых самцов, что может быть обусловлено как религиозными, так и экономическими причинами.

Помимо этого, останки лошадей из раскопок курганов группы Новозаведенное-III позволили палеозоологу Н.Е. Прилепской с соавторами впервые установить (на основе регистрирующих структур зубного цемента), что лошади, захороненные с ритуальными целями, были умерщвлены в период с мая по октябрь, и следовательно, эту часть года местное скифское население проводило в предгорьях, по крайней мере, для совершения погребальных и поминальных мероприятий, что дает нам качественно новую информацию о сезонности и маршрутах сезонных перемещений этих гипотетических кочевников[31].

Материалы скифского могильника Новозаведенное-III также были исследованы Н.В. Ениосовой в рамках вышеуказанного проекта РНФ наряду с находками из ряда киммерийских, кобанских и меотских памятников Северного Кавказа: всё это — бронзовые детали конской упряжи (86 проб).

В 2021–2024 гг. Ставропольская экспедиция вела исследование нового памятника — курганного могильника Новозаведенное-V. За этот период был полностью раскопан крупнейший курган данного могильника — курган № 1 (диаметр насыпи 46 м, высота 5 м), в насыпи и под подошвой которого было обнаружено 30 погребений

[31] *Prilepskaya N.E., Bachura O.P., Bush A.G., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Spasskaya N.N.* Horse teeth shed light on seasonality in Scythian mound burials in Southern Russia // Journal of Field Archaeology. 2024. Vol. 49. P. 1–12.

людей и десятки ритуальных комплексов (состоявших в основном из костей животных, принесенных в жертву), относящихся к бронзовому и к раннему железному веку. Также были исследованы курган № 2 (эпоха средней бронзы) и межкурганное пространство между курганами № 1 и № 2, где было обнаружено кольцевое ритуальное сооружение конца скифской эпохи (ров с жертвоприношениями животных и остатками тризны) диаметром около 40–45 м. Такого рода объект был раскопан в Центральном Предкавказье впервые.

Суммируя результаты исследований курганных могильников Новозаведенное-III и Новозаведенное-V, удалось дифференцировать важнейшие вехи археологической эволюции микрорегиона, а именно:

– колонизация долины р. Кумы в эпоху средней бронзы племенами восточноманычской катакомбной культуры (XXV–XXIII вв. до н. э.), в результате чего здесь сформировался — практически на полтора тысячелетия — новый культурный ландшафт, на который постепенно наслаивались памятники последующих эпох;

– раннескифское присутствие на фоне кобанской автохтонии в VII — начале VI в. до н.э.

– переходный период в эпоху раннего железа (вторая половина — конец IV в. до н.э.) от скифской эпохи к сарматской. Это впускные индивидуальные погребения и коллективное захоронение в кургане № 1 могильника Новозаведенное-V, разрушенный скифский курган, окруженный ровиком, а также появившееся позднее необычное культовое кольцевое сооружение с разрывом в южной части;

– появление во II–I вв. до н.э. носителей раннесарматской культуры, отразившееся в найденных в кургане № 1 двух захоронениях в глубоких и обширных катакомбах сарматских воинов-аристократов княжеского уровня; погребения содержат богатые заупокойные дары, сочетающие элементы кочевнической сарматской культуры с произведениями северокавказских ремесленных традиций, а также с предметами, созданными как в рамках западноевропейских ремесленных школ (кельто-римские импорты), так и в контексте ювелирных традиций древнего Китая и его окружения (хунну) — это торевтика круга Сибирской коллекции Петра I и Ордосского типа. Можно предполагать, что, как и в раннескифское время, здесь находился центр кочевого объединения — временная или постоянная ставка. Завершение сарматского этапа, по-видимому, связано с очередным передвижением кочевых племен около начала н.э.[32]

[32] *Канторович А.Р., Маслов В.Е.* Погребение сарматского аристократа в курганном могильнике Новозаведенное-V на Ставрополье (раскопки 2023 г.) // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX — первой

В минувшее пятилетие А.Р. Канторовичем были продолжены исследования в сфере искусства скифского звериного стиля: проанализированы различные образы и мотивы восточноевропейского скифского звериного стиля; прослежено взаимопроникновение скифского звериного стиля — как искусства кочевников — и зооморфного искусства оседлых народов, оставивших кобанскую археологическую культуру.

В контексте этой тематики А.Р. Канторовичем в 2022 г. была опубликована обобщающая монография по скифскому звериному стилю, где был классифицирован, проанализирован и репродуцирован в графике и фото практически весь накопленный к декабрю 2021 г. массив зооморфных персонажей (2538 оригинальных изображений), относящихся к восточноевропейскому скифскому звериному стилю, соответствующему скифской археологической культуре степного и лесостепного Северного Причерноморья и Северного Кавказа VII — начала III в. до н.э.[33]. Был разработан универсальный алгоритм учета, единая логическая система классифицирования и буквенно-цифрового кодирования всей совокупности изображений восточноевропейского скифского звериного стиля. Эта система релевантна и для остальных локальных вариантов скифо-сибирского звериного стиля на всем пространстве соответствующей культурно-исторической общности в Евразии, что позволяет сравнивать образы, сюжеты и мотивы художественного направления скифо-сибирского звериного стиля на единой основе, с использованием единого исследовательского «языка», что крайне актуально в силу неуклонного прироста археологического материала в ходе продолжающихся раскопок. В 2022 г. А.Р. Канторович за данную монографию был удостоен Ломоносовской премии II степени.

Руководитель ***Крымской экспедиции кафедры археологии МГУ***[34] к.и.н. доцент Е.А. Попова (при содействии к.и.н., старшего преподавателя Е.К. Столяровой) продолжала в 2020–2021 гг. раскопки находящегося в районе г. Евпатории античного городища «Чайка» — крепости и усадьбы греческих колонистов, основанной херсонеситами, существовавшей в IV–II вв. до н.э., а затем ставшей

четверти XXI века. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова /Под ред. Д.С. Коробова. М., 2024. С. 174–176.

[33] *Канторович А.Р.* Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция): в 2 т. М., 2022.

[34] Экспедиция основана в 1963 г. выдающимся отечественным скифологом к.и.н., доцентом кафедры археологии Ириной Владимировной Яценко (1921–2014), чьими ученицами являются Е.А. Попова и Н.И. Беловинцева.

крепостью поздних скифов (конец II в. до н.э. — I в. н.э.)[35]. Экспедицией была открыта новая херсонесская усадьба IV–III вв. до н.э. необычной планировки. На соответствующем городищу «Чайка» курганном некрополе у пос. Заозерное были изучены интереснейшие антропоморфные надгробия, опубликованные Е.А. Поповой совместно с младшим научным сотрудником Н.И. Беловинцевой, а также 4 каменных склепа с уступчатыми перекрытиями (символ лестницы, связывающей нижний и верхний миры), присутствие которых было соотнесено Е.А. Поповой с традициями Боспорского царства. На материале домашних святилищ, обнаруженных на городище «Чайка», Е.А. Поповой было показано, что основными культами здесь (в соответствии с сакральными традициями Греции) были божества плодородия — Деметра и Дионис, также почитались Персефона, Афродита и защитник поселения — Геракл[36].

Помимо собственно античной тематики, Е.А. Попова в минувшем пятилетии разрабатывала проблематику истории и культуры поздних скифов на территории Крыма, а также занималась проблемой тавров и кизил-кобинской археологической культуры.

Исследования в области античной археологии ведутся также ***Танаисской экспедицией кафедры археологии МГУ*** (руководитель к.и.н., преподаватель Т.В. Егорова, ученица Е.А. Поповой), изучающей самый северный форпост античной цивилизации Северного Причерноморья древнегреческий город Танаис (III в. до н. э. — V в. н. э.) и его некрополь, находящиеся у хутора Недвиговка Ростовской обл. Данная экспедиция возникла в 2015 г. как руководимый Т.В. Егоровой отряд исторического факультета МГУ в составе археологической экспедиции музея-заповедника «Танаис». В 2020 г. отряд был преобразован в самостоятельную экспедицию МГУ. Экспедиция исследует внешнюю оборонительную линию Танаиса и северную границу Западного пригорода; также исследуется северный въезд на территорию Танаиса. Экспедицией были открыты одно из самых ранних погребений некрополя Танаиса (40-е гг. III в. до н.э.) и редкий для Танаиса погребальный комплекс — погребение семи человек в двухкамерном подбое II в. н.э.

Кроме того, Т.В. Егорова в 2020–2024 гг. продолжала свои исследования античной керамики, в первую очередь чернолаковой

[35] *Попова Е.А.* Городище «Чайка» — две исторические эпохи, три археологические культуры // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Всероссийская научная конференция «Херсонес Таврический» (г. Севастополь, 25–29 сентября 2022 г.): материалы / Под ред. А.В. Зайкова. Симферополь, 2022. С. 140–146.

[36] *Попова Е.А.* Сакральные традиции греческого населения Северо-Западного Крыма эллинистической эпохи (по материалам городища Чайка) // Человеческий капитал. 2020. № 11 (143). С. 109–121.

столовой посуды, импортированной на территорию Боспорского царства в VI–II вв. до н.э.: были рассмотрены недавно открытые керамические материалы комплексы из усадьбы Манитра на Керченском полуострове и некрополя Волна 1 на Таманском полуострове, а также опубликованные ранее материалы из Ольвии. В результате Т.В. Егоровой впервые были выявлены образцы ранней кампанской керамики конца IV и начала III вв. до н.э., что заставило отказаться от традиционного мнения о появлении первых сосудов из Южной Италии в Северном Причерноморье не ранее II в. до н.э.

С 2023 г. Т.В. Егорова как основной исполнитель проекта РНФ «Комплексные исследования нового городского некрополя архаического и классического времени Волна 1 на территории Азиатского Боспора» ведет всестороннее изучение чернолаковых и красноглиняных сосудов из некрополя Волна 1. Кроме того, на основе анализа чернолаковой керамики, обнаруженной за все время раскопок Танаиса, исследовательнице удалось выявить общие тенденции и региональные особенности импорта керамики на территорию Боспорского царства в целом.

Т.В. Егоровой также была проанализирована и опубликована расписная (краснофигурная) и чернолаковая керамика из погребальных памятников, выявленных недавно другими экспедициями: из кургана 1 Юго-Восточного некрополя Фанагории, кургана 2 курганной группы «Цементная слободка I», а также кургана Госпитальный в восточном Крыму.

Наконец, Т.В. Егорова совместно с Д.В. Журавлевым (ГИМ) начала исследовать и публиковать медальоны на так называемых «каленских» (преимущественно италийских) рельефных чашах эллинистического времени, происходящих из раскопок различных памятников Северного Причерноморья[37].

В контексте изучения материалов городища «Чайка» и прилегающего некрополя «Заозерное» следует также отметить работы к.и.н., старшего преподавателя Е.К. Столяровой (ученица профессора Ю.Л. Щаповой) по морфологии и технологической характеристике бус и привесок, обнаруженных Крымской экспедицией в некрополе «Заозерное» в 1979–1985 гг. Исследовательница пришла к выводу об импортном характере данных украшений (привезены из районов Передней Азии, Египта и Средиземноморья). Е.К. Столярова (совместно со специалистами из других научных учреждений) в истек-

[37] *Егорова Т.В., Журавлев Д.В.* О двух медальонах на эллинистических каленских чашах из Пантикапея // От Кавказа до Дуная: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник научных трудов к 70-летию профессора С.Ю. Монахова / Под ред. А.П. Медведева. Саратов, 2022. С. 108–115.

шем пятилетии предприняла морфологические и технологические исследования, а также культурную атрибуцию ряда других античных изделий из стекла и иных материалов: это стеклянные бусы, обнаруженные археологической экспедицией ИА РАН под руководством Г.В. Требелевой в погребении римского времен на Маркульском городище (Республика Абхазия)[38]. Также Е.К. Столярова (в развитие исследований ныне покойной Н.П. Довгалюк, ученицы Ю.Л. Щаповой) классифицировала (по морфологическим признакам) большую коллекцию бус (1468) из античной части некрополя Мысхако у г. Новороссийска; исследовательница реконструировала технологию их изготовления и датировала данные бусы, установив при этом, что коллекция составлена бусами из стекла (из мастерских Египта, прибрежной Сирии и внутренних районов Передней Азии), а также из кавказского гагата, балтийского янтаря, индийских камней, средиземноморских кораллов и др.[39]

Изучение эпохи Средневековья

В 2024 г. исполнилось 150 лет научному исследованию Гнёздова — важнейшего памятника ранней истории Древнерусского государства. Половину этого срока, начиная с 1949 г., в Гнёздове до 2019 г. практически ежегодно работала ***Смоленская экспедиция кафедры археологии МГУ***, основанная сотрудником, впоследствии профессором кафедры археологии Даниилом Антоновичем Авдусиным (1918–1994). Эстафету руководства экспедицией в 1995 г. приняла ученица Д.А. Авдусина Тамара Анатольевна Пушкина (1945–2020). После перерыва, связанного с эпидемией коронавируса и кончиной Т.А. Пушкиной, ее ученики — к.и.н., старший научный сотрудник М.О. Жуковский (руководитель Смоленской экспедиции) и к.и.н., научный сотрудник О.Л. Шарганова — возобновили работу экспедиции.

Смоленская экспедиция, как и Новгородская, помимо собственно научных задач, традиционно решает важные учебные задачи. Все студенты, планирующие специализироваться по археологии, вне зависимости от своих конкретных научных интересов, после 1-го и 2-го курсов обязательно принимают участие в работе соответ-

[38] *Столярова Е.К., Требелева Г.В., Япрынцев А.Д.* Археометрические методы изучения стеклянных бусин из погребения римского времени на Маркульском городище (Республика Абхазия) // Геоархеология и археологическая минералогия-2023 / Под ред. Н.Н. Анкушевой, А.М. Юминова. Миасс; Челябинск, 2023. С. 79–83.

[39] *Довгалюк Н.П., Столярова Е.К.* Глава 4. Бусы из некрополя Мысхако // Мысхакский некрополь. Раскопки 1978–1979 гг. /Под ред. А.А. Малышева. М., 2020. 220 с. С. 173–206. (Некрополи Черноморья. Т. V).

ственно Смоленской и Новгородской экспедиций. Полевой опыт, приобретаемый студентами кафедры в Гнёздове и в Великом Новгороде, является неотъемлемой частью специального образования будущих археологов.

В ходе раскопок в Гнёздове Смоленской экспедицией в минувшее пятилетие были изучены как поселенческие, так и погребальные комплексы (курганные группы), относящиеся к функционированию Гнёздовского комплекса памятников конца IX — начала XI в. В ходе работ применялись самые современные методы полевых археологических исследований, анализ и дешифровка мультиспектральных данных дистанционного зондирования, включая тепловизионную съемку, также геофизические методы; осуществлялась цифровая полевая фиксация и репликация изучаемых объектов с помощью высокоточных инструментов и методов. Отбирались пробы для естественнонаучных анализов и методов датирования.

В организации Смоленской экспедиции и в камеральной обработке ее материалов активное участие принимает к.и.н., доцент Н.В. Ениосова (ученица Т.А. Пушкиной и Н.В. Рындиной). В частности, ею была опубликована статья, посвященная истории изучения памятника под руководством Т.А. Пушкиной[40]. Кроме того, Н.В. Ениосова ведет большие работы в области археологического металловедения. Как отмечалось выше, ею анализируются артефакты различных эпох — как эпохи раннего железа, так и средневековья. В минувшее пятилетие Н.В. Ениосова исследовала металлические изделия из Гнёздова (инструменты ювелиров, разнообразные пуговицы из курганов, культурного слоя поселения и кладов), из Великого Новгорода, аланские и булгарские украшения, а также деревянные и костяные изделия. Благодаря сотрудничеству с представителями химического и геологического факультетов МГУ и научной лаборатории Государственного Эрмитажа Н.В. Ениосовой изучены такие категории гнёздовских находок, как точильные камни, восковые свечи из курганов и березовый деготь из лепного сосуда, найденного на Центральном городище Гнёздова в 1985 г. Для находок из органики в лаборатории Упсальского университета (Швеция) получены радиоуглеродные даты по методу УМС.

Гнёздовская коллекция древностей кафедры археологии МГУ была задействована в состоявшихся в 2021–2024 гг. и имевших большой резонанс выставках «Викинги. Путь на Восток» (в Государ-

[40] *Пушкина Т.А., Ениосова Н.В.* Очерк по истории изучения памятника // Гнёздовский археологический комплекс. Исторический ландшафт, картография, современные методы исследования /Под ред. В.В. Новикова. М., 2021. С. 23–29.

ственном историческом музее, Новгородском музее-заповеднике и филиале Государственного исторического музея в Туле) и «Во что играли наши предки» (в Музеях Московского Кремля). Большую роль в подготовке соответствующих экспонатов к выставкам сыграла Н.В. Ениосова.

М.О. Жуковским в 2022 г. была опубликована монография, посвященная комплексному изучению уникальной категории древностей — миниатюрных равноплечных весов и гирь североевропейского происхождения, появившихся на Руси во второй половине IX в. и получивших в течение X — первой половины XI вв. широчайшее распространение на памятниках Восточной Европы в качестве неотъемлемого спутника серебра и иных ценных товаров[41].

Отметим также проводимые О.Л. Шаргановой, специалистом по средневековой керамике, исследования этнографических материалов («писем гончаров»), собранных выдающимся отечественным исследователем керамики А.А. Бобринским в 1959–1962 гг., когда он был аспирантом А.В. Арциховского[42]. О.Л. Шарганова подготовила к публикации первый выпуск, в который вошли письма из Новгородской, Псковской, Ленинградской и Тверской областей[43].

Крупнейшая и старейшая экспедиция кафедры — ***Новгородская экспедиция кафедры археологии МГУ***, основанная А.В. Арциховским еще в 1932 г., после его кончины (в 1978 г.) продолжила свои работы под руководством В.Л. Янина. После того, как в 2020 г. скончался В.Л. Янин, руководителями экспедиции стали д.и.н., профессор Е.А. Рыбина и к.и.н., научный сотрудник В.К. Сингх (при участии к.и.н., старшего научного сотрудника Л.В. Покровской, старшего специалиста Е.А. Тяниной и специалиста по учебно-методической работе О.С. Лебедевой).

В течение последнего пятилетия исследования в Великом Новгороде проводились на территории средневекового Людина конца на трех участках Троицкого раскопа: XV, XVI и XVII[44]. Здесь были

---

[41] *Жуковский М.О.* Инструменты и практика малых взвешиваний в Древней Руси: IX–XIII вв. М., 2021. 476 с.

[42] *Шарганова О.Л.* Материалы анкетного опроса населения как источник по этнографии и археологии восточноевропейского гончарства // Вестник «История керамики». Вып. 1 /Под ред. Ю.Б. Цетлина. М., 2019. С. 15–26.

[43] *Шарганова О.Л.* Этнография восточноевропейского гончарства в Материалах анкетного опроса населения 1959–1962 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 2. С. 99–117.

[44] Работы на Троицком XVII раскопе ведутся с 2022 г. на месте будущего строительства Историко-археологического центра Новгородского государственного объединенного музея-заповедника совместно с коллегами из данного музея, а также из Института археологии РАН и НовГУ.

открыты целые кварталы с многочисленными усадьбами и улицами. За последние 5 лет исследований на Троицких XV, XVI и XVII раскопах была собрана, обработана и передана на постоянное хранение в Новгородский музей-заповедник представительная коллекция находок, насчитывающая более 12 тыс. экземпляров, в том числе десятки берестяных грамот, актовые свинцовые печати, ювелирные украшения, ремесленный и универсальный инструментарий, предметы вооружения и конского снаряжения, предметы декоративно-прикладного искусства, многочисленные бытовые предметы. Эти находки детально характеризуют население Людина конца Новгорода в период с X по XV вв.

С учетом этих и предшествующих исследований была подготовлена и в 2020 г. опубликована коллективная монография об усадьбе X–XI вв. в Людином конце[45].

Наиболее богатыми в археологическом отношении на Троицких раскопах за эти годы стали напластования, относящиеся к XII в., — времени, когда здесь размещались усадебные дворовладения боярского семейства Мирошкиничей. На то же время приходится и самая большая концентрация берестяных грамот в этой части Новгорода. В ходе работ на Троицком раскопе постоянно идет апробация и внедрение новых методов фиксации культурного слоя и остатков архитектурных сооружений. С 2016 г. стал применяться метод фотограмметрии для создания 3D-моделей отдельных средневековых деревянных построек, а в настоящее время с помощью этого метода ведется фронтальная фиксация всей архитектуры на раскопе, практически полностью заменившая графический чертеж. Регулярно производится отбор грунта для проведения палинологических, палеоботанических и других исследований. Исследуется археозоологический материал.

Материалы, полученные в результате раскопок Новгорода в минувшее пятилетие и в предыдущие годы, изучаются Л.В. Покровской, В.К. Сингхом, Е.А. Тяниной, О.С. Лебедевой и Н.В. Ениосовой (совместно с к.б.н., ученым секретарем Зоологического музея МГУ Н.Н. Спасской, к.г.-м.н., старшим научным сотрудником геологического факультета Т. Н. Лубковой и к.г.-м.н., старшим научным сотрудником химического факультета И.Ю. Николаевой) в рамках проекта Междисциплинарных Научно-образовательных Школ МГУ

[45] Усадьба X–XI вв. в Людином конце средневекового Новгорода (по материалам усадьбы Ж Троицкого раскопа) /Под ред. В.К. Сингха, В.В. Новикова. М., 2020. Монография подготовлена в рамках созданной в 2017 г. на историческом факультете МГУ Лаборатории истории и археологии средневекового Новгорода.

«Христианские и языческие древности средневекового Новгорода в свете междисциплинарных исследований»[46]. На примере огромной вещевой коллекции выявляются особенности технологии производства новгородских ювелиров, их сырьевая база и источники поступления цветных и драгоценных металлов в Новгород на протяжении шести столетий.

Так, например, была исследована уникальная булавка из Новгорода (вторая половина XII — рубеж XII–XIII вв.) с головкой в виде фигурки павлина. Химический состав металла был определен методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой; исследование показало, что головку булавки с павлином отлили из практически «чистого олова» (призванного имитировать серебро) с небольшой добавкой свинца[47]**.** Также с помощью метода микроРФА был определен состав металла-основы обеих створок новгородского креста-энколпиона, химический состав коррозионных корок на поверхности металла, а также элементный состав черневого заполнения.

Проводились исследования химического и изотопного состава металла, использованного для изготовления предметов христианского культа и амулетов, что позволяет определить состав диагностических микропримесей и изотопов свинца и соотнести эти данные с результатами типологической и хронологической атрибуции культовых предметов.

Еще один вектор данного проекта связан с привлечением археозоологических данных (костей, рогов и зубов животных) для атрибуции амулетов и других культовых предметов, для выявления археологических комплексов, связанных с почитанием диких и домашних животных, отражающих языческие ритуалы древних новгородцев. Полученная информация позволит не только уточнить предпочтения жителей средневекового Новгорода в выборе личных ритуальных предметов по видовым и возрастным критериям животных и прояснит некоторые особенности их почитания, но и создаст сравнительную базу для подобных исследований в других регионах.

Конечная цель данного проекта — введение в научный оборот уникального материала из многолетних археологических раскопок

---

[46] В данном проекте участвуют представители трех факультетов МГУ (кафедра археологии исторического факультета, кафедра геохимии геологического факультета, кафедра аналитической химии химического факультета) и Зоологического музея МГУ.

[47] *Ениосова Н.В., Лубкова Т.Н., Николаева И.Ю., Покровская Л.В., Сингх В.К.* Булавка с головкой в виде павлина из раскопок Великого Новгорода // Археологические вести. 2024. № 42. С. 136–146.

Людина конца средневекового Новгорода. Благодаря прекрасной сохранности находок из органических и неорганических материалов и достаточно узкой хронологии, основанной на применении дендродат, коллекция древностей с Троицкого раскопа может стать эталонной для типологической и хронологической атрибуции аналогичного материала из синхронных памятников Древней Руси и находок, лишенных археологического контекста. Кроме того, междисциплинарное исследование массового и элитарного материала, связанного с христианством и языческими культами, имеет большое значение для истории древнерусского прикладного искусства, оценки роли христианства и политеизма в жизни различных страт населения средневекового города.

По результатам исследований в рамках данного проекта Н.В. Ениосовой, Т.Н. Лубковой, Р.А. Митояном и В.К. Сингхом в высокорейтинговых изданиях были опубликованы 3 статьи. Готовится к публикации каталог, необходимый для исследователей, хранителей музейных фондов, создателей экспозиций и выставок.

В контексте изучения Великого Новгорода следует также отметить исследования д.и.н., профессора Е.А. Рыбиной. В течение последних пяти лет главным объектом ее научных занятий были берестяные грамоты — ценнейший исторический источник по средневековой Руси. В частности, анализировались грамоты, связанные с правовой системой Новгорода, с торговлей, с боярским хозяйством. Были предприняты попытки идентификации персонажей грамот и их интерпретации. Так, в новгородских берестяных грамотах XII в. наряду с крупными торговыми центрами (Киев, Чернигов, Смоленск, Псков, Суздаль и др.) дважды упоминается небольшой город Луки на Ловати, из которого в Новгород были отправлены «стекляницы» (стеклянные сосуды) и вино. Из этих грамот впервые стало очевидно, что город Луки был для новгородских купцов перевалочным пунктом на пути «из варяг в греки», именно сюда прибывали южные товары, которые затем переправлялись в Новгород.

Очередным свидетельством развитой правовой системы в Великом Новгороде стала грамота о вызове ответчиков в суд (грамота № 1079 второй половины XIV в.). Эта грамота ценна также тем, что одним из вызываемых в суд был Иван Онцифоров — еще один (дотоле неизвестный) сын знаменитого новгородского посадника-реформатора Онцифора.

Е.А. Рыбина подготовила к изданию замечательную книгу воспоминаний В.Л. Янина «О себе и о других»[48] и часть переписки Ва-

[48] *Янин В.Л.* О себе и о других. М.; СПб., 2021.

лентина Лаврентьевича, а также сборник воспоминаний участников Новгородской экспедиции «Новгород в нашей судьбе»[49].

Е.А. Рыбина и Л.В. Покровская выступили соавторами учебного пособия «Введение в историю Церкви»[50].

В связи с археологией Великого Новгорода следует также упомянуть исследования к.и.н., старшего научного сотрудника А.Н. Сорокина, изучавшего феномен пожаров в средневековом Новгороде и вопросы стратиграфии новгородского культурного слоя[51].

К сфере археологии русского и зарубежного средневековья (в первую очередь тематике морфологии и технологии изготовления изделий из стекла и родственных материалов) относятся основные научные интересы к.и.н., старшего преподавателя Е.К. Столяровой. Можно выделить несколько направлений ее исследований в минувшее пятилетие:

– реконструкция технологии и химического состава эмалей на бронзовых изделиях древнерусского времени. Е.К. Столярова (совместно со специалистами из Института археологии РАН и НИЦ «Курчатовский институт») показала, что данные изделия, предназначенные для широкого потребления, являются упрощенным и дешевым вариантом драгоценных золотых украшений княжеско-боярского убора; был выявлен византийский состав эмалей, что позволило сузить датировку, полученную по археологическому контексту[52];

– химический состав древнерусских стекол, причины их окрашивания в те или иные цвета. Совместно с коллегами с химфака

---

[49] Новгород в нашей судьбе. Воспоминания участников НАЭ. 2-е изд., испр. и доп. /Под ред. Е.А. Рыбиной. СПб., 2022.

[50] Введение в историю Церкви. Ч. 3: Обзор источников по истории Церкви в России. Кн. I. Источники допетровского времени /Под ред. В.В. Симонова. СПб., 2019.

[51] *Сорокин А.Н.* Количество и типология пожаров в Новгороде (конец X — первая половина XVIII вв.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 33: материалы XXXIII научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В.Л. Янина (Великий Новгород, 22–24 января 2019 г.) /Под ред. Е.А. Рыбиной. Великий Новгород, 2020. С. 225–234.

[52] *Столярова Е.К., Зайцева И.Е., Мухина Т.Ф., Коваленко Е.С., Подурец К.М., Мурашев М.М., Трунькин И.Н., Ващенкова Е.С., Волков П.А., Ретивов В.М., Исмагулов А.М., Куликов А.Г., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б.* Древнерусский колт с эмалями из Владимира: результаты комплексного аналитического исследования // Междисциплинарные исследования объектов культурного наследия естественно-научными методами: материалы Всероссийской научной конференции (г. Симферополь, 5–7 октября 2022 г.) /Под ред. Э.А. Хайрединовой, Е.Б. Яцишиной. Симферополь, 2022. С. 143–148; *Kovalenko E.S., Murashev M.M., Stolyarova E.K., Podurets K.M., Glazkov V.P., Presnyakova N.N., Borisova P.A., Svetogorov R.D., Gogin A.A., Greshnikov E.A., Zaytseva I.E., Yatsishina E.B.* Study of medieval russian enamel pendant using a complex of nondestructive methods // Crystallography Reports. 2020. Vol. 65. N 6. P. 1073–1080.

МГУ Е.К. Столярова установила, что эти стекла имеют один источник свинца и, вероятно, были изготовлены в едином центре[53];

– феномен древнерусских витражей в домонгольскую эпоху, проблема их импортирования (в частности, из немецкоязычных стран) и технология производства[54];

– исследование материалов стеклоделательной мастерской XII — начала XIII в., обнаруженной в Смоленске экспедицией Института археологии РАН под руководством Н.А. Кренке в ходе раскопок 2018 г. и предположительно изготавливавшей оконные и витражные стекла для церкви Петра и Павла, построенной по заказу смоленского князя Ростислава Мстиславича (1100/1110–1167);

– изучение импортных ближневосточных стеклянных изделий, обнаруженных в памятниках Древней Руси и Волжской Булгарии, выявление литературного источника (восточная притча) для сюжета нанесенной на одно из таких изделий эмалевой росписи;

– исследование уникальных стеклянных изделий XVII в. из некрополя в Вознесенском монастыре Московского Кремля и из Троице-Сергиевой лавры[55].

Также Е.К. Столярова как ответственный редактор и составитель подготовила сборник статей памяти своего учителя профессора Ю.Л. Щаповой[56].

Специально следует отметить работу лабораторий кафедры археологии, основанных А.В. Арциховским и Б.А. Колчиным. Для бакалавров и магистров здесь проводятся практические занятия по очистке и консервации археологического металла (Н.В. Ениосова), по реставрации древней керамики (Н.И. Беловинцева) и по археологическому рисунку (Н.И. Беловинцева). Чаще всего первый опыт в области реставрации металла связан у студентов с находками из

---

[53] *Drozdov A.A., Stolyarova E.K., Andreev M.N., Ratnikov D.S., Zhomin G.M., Eliseev A.A., Belousov Yu.A., Pettinari C.* Early Russian glasses: Composition, manufacture, nature of color // Inorganica Chimica Acta. 2024. Vol. 567. 122030. P. 1–10.

[54] *Столярова Е.К.* Витражи Древней Руси: историографические традиции и археологические реалии // Современная российская керамика. Взаимодействие направлений декоративного искусства: керамика и стекло. Художественная идентичность и интернациональный контекст // Под ред. А.В. Бугровской, О.Б. Павловой. М., 2020. С. 174–183; *Столярова Е. К.* Витражные стекла XIII века из Ярославля: состав стекла и вопросы происхождения // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. № 3. С. 159–173.

[55] *Stolyarova E.K., Engovatova A.V.* The 17th-century glass lachrymal from the necropolis of the Church of the Descent of the Holy Spirit, the Trinity Lavra of St. Sergius (Moscow region) // Ceramika i szkło w badaniach interdyscyplinarnych /Red.: K. Chrzan, P. Rzeźnik, S. Siemianowska. Wrocław, 2020. P. 349–357.

[56] Поиск длиною в жизнь: к 90-летию Юлии Леонидовны Щаповой /Под ред. Е.К. Столяровой. М., 2022. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 214. Сер. II: Исторические исследования. 145).

раскопок в Новгороде, отличающихся хорошей сохранностью, но покрытых специфическими видами коррозии, характерными для новгородского «мокрого» слоя. Предварительный анализ химического состава металла позволяет выбрать подходящие средства расчистки поверхности в зависимости от природы материала. Применяется как механическая, так и электрохимическая расчистка, глубокая промывка и финальная консервация. В результате ежегодно несколько десятков отреставрированных находок поступают на хранение в фонды Новгородского музея-заповедника; иногда в ходе реставрации делаются маленькие открытия, в частности, были выявлены скрытые патиной элементы декора — чернь, позолота, инкрустация; также были обнаружены фальшивые дирхамы из слоя конца X в., отлитые из олова, имитирующего серебро.

Таким образом, верные традициям, заложенным В.А. Городцовым, А.В. Арциховским, В.Л. Яниным и другими замечательными учеными и преподавателями, сотрудники кафедры археологии исторического факультета МГУ в истекшем пятилетии продолжали плодотворную научную и педагогическую деятельность.

References

Amal'rik A.S., Mongayt A.L. *V poiskakh ischeznuvshikh tsivilizatsiy* [In Search of Lost Civilizations]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1966. 279 p.

Anisovets Y., Zhitenev V., Vinogradova E., Statkus M. Color of Small Ochre Fragments from the Upper Paleolithic Sites Kapova Cave and Kamennaya Balka II (Russia): Combining Visual Color Identification and Cluster Analysis // Heritage. 2024. Vol. 7. N 12. P. 6857–6870.

Arkheologiya na istoricheskom fakul'tete (programmy uchebnykh kursov). Uchebnoye posobiye [Archaeology at the Faculty of History (Course Programmes). Textbook] /Ed. by V.L. Yanin, A.R. Kantorovich. Moscow: Istoricheskiy fakul'tet Moskovskogo universiteta, 2011. 286 p.

Dovgalyuk N.P., Stolyarova E.K. *Glava 4. Busy iz nekropolya Myskhako* [Chapter 4. Beads from the Necropolis of Myskhako] // *Myskhakskiy nekropol'. Raskopki 1978–1979 gg.* [Myskhako Necropolis. Excavations 1978–1979] /Ed. by A.A. Malyshev /*Nekropoli Chernomor'ya* [Necropolises of the Black Sea Region]. Vol. V. Moscow: MAKS Press, 2020. P. 173–206.

Drozdov A.A., Stolyarova E.K., Andreev M.N., Ratnikov D.S., Zhomin G.M., Eliseev A.A., Belousov Yu.A., Pettinari C. Early Russian Glasses: Composition, Manufacture, Nature of Color // Inorganica Chimica Acta. 2024. Vol. 567. 122030. P. 1–10.

Egorova T.V., Zhuravlyov D.V. *O dvukh medal'onakh na ellinistskikh kalenskikh chashakh iz Pantikapeya* [On Two Medallions on Hellenistic Calene Cups from Panticapaeum] // *Ot Kavkaza do Dunaya: Severnoye Prichernomorye v antichnuyu epokhu. Sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu professora S.Yu. Monakhova* [From the Caucasus to the Danube: The Northern Black Sea Region in the Ancient Era. Collection of Scientific Works in Honor of Professor S.Yu. Monakhov's 70th Anniversary] /Ed. by A.P. Medvedev. Saratov: Amirit, 2022. P. 108–115.

Eniosova N.V., Lubkova T.N., Nikolaeva I.Yu., Pokrovskaia L.V., Singh V.K. *Bulavka s golovkoy v vide pavlina iz raskopok Velikogo Novgoroda* [A Brooch with a Peacock-Headed Fitting from Excavations in Veliky Novgorod] // *Arkheologicheskie vesti.* 2024. N 42. P. 136–146.

Gaydukov P.G. *Institut arkheologii RAN: 100 let istorii* [The Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences: 100 Years of History]. Moscow: IA RAN, 2019. 320 p.

Kantorovich A.R. *Iskusstvo skifskogo zverinogo stilya Vostochnoy Evropy (klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya)* [The Art of the Scythian Animal Style of Eastern Europe (Classification, Typology, Chronology, Evolution)]. In 2 vols. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2022. Vol. 1. 431 p.; Vol. 2. 359 p.

Kantorovich A.R. *Zametki o prepodavatelskoy deyatel'nosti V.A. Gorodtsova v Moskovskom universitete* [Notes on the Teaching Activity of V.A. Gorodtsov at Moscow University] // *Khoroshie dni. Pamyati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva* [Good Days. In Memory of Aleksandr Stepanovich Khoroshev] /Ed. by A.E. Musin. Veliky Novgorod; Saint Petersburg; Moscow: Leopol'-Art, 2009. P. 309–311.

Kantorovich A.R., Maslov V.E. *Pogrebenie sarmatskogo aristokrata v kurgannom mogil'nike Novozavedennoye-V na Stavropol'e (raskopki 2023 g.)* [Burial of a Sarmatian Aristocrat in the Novozavedennoye-V Burial Mound in the Stavropol Region (Excavations of 2023)] // *Dostizheniya i perspektivy izucheniya arkheologii Severnogo Kavkaza v XX — pervoy chetverti XXI veka.* Materials of the International Scientific Conference on the Archaeology of the North Caucasus "33th Krupnov Readings", Dedicated to the 120th Anniversary of the Birth of Yevgeniy Ignat'yevich Krupnov] /Ed. by D.S. Korobov. Moscow: IA RAN, 2024. P. 174–176.

Kantorovich A.R., Maslov V.E. *Pogrebeniya epokhi bronzy v kurgane nomer 1 mogil'nika Novozavedennoye-V* [Bronze Age Burials in Mound No. 1 of the Novozavedennoye-V Burial Site] // *Svyazi i vzaimootnosheniya kul'tur Tsirkumpontiyskogo regiona. Materialy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A.Yu. Skakova* [Connections and Interrelations of Cultures of the Circum-Pontic Region. Materials of the Conference Dedicated to the Memory of A.Yu. Skakov] /Ed. by A.N. Gey. Moscow: IA RAN, 2023. P. 63–67.

Khaikunova N.A., Vinogradova E.A. *Kamennaya industriya kamennobalkovskoy kul'tury — sovremennoye sostoyanie issledovaniya (po materialam 2-go kul'turnogo sloya stoyanok Kamennaya Balka II i Tretiy Mys)* [Stone Industry of the Kamennobalkovskaya Culture: Current State of Research (Based on Materials from the 2nd Cultural Layer of the Kamennaya Balka II and Tretiy Mys Settlements)] // *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya.* 2020. N 5. P. 66–84.

Klein L.S. *Istoriya arkheologicheskoy mysli* [History of Archaeological Thought]. In 2 vols. Vol. 1. Saint Petersburg: Izdatel'skiy dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. 688 p.

Klein L.S. *Istoriya rossiyskoy arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti* [History of Russian Archaeology: Doctrines, Schools, and Personalities]. Vol. 1. *Obshchiy obzor i dorevolyutsionnoe vremya* [General Overview and Pre-Revolutionary Times]. Saint Petersburg: Eurasia, 2014. 704 p.

Kovalenko E.S., Murashev M.M., Stolyarova E.K., Podurets K.M., Glazkov V.P., Presnyakova N.N., Borisova P.A., Svetogorov R.D., Gogin A.A., Greshnikov E.A., Zaytseva I.E., Yatsishina E.B. Study of medieval russian enamel pendant using a complex of nondestructive methods // Crystallography Reports. 2020. Vol. 65. N 6. P. 1073–1080.

Petrov F.A. *Moskovskiy universitet i Istoricheskiy muzey* [Moscow University and the Historical Museum] // *Vestnik Moskovskogo universiteta.* Series 8. *Istoriya.* 2012. N 2. P. 14–46.

Poisk dlinoyu v zhizn': k 90-letiyu Yulii Leonidovny Shchapovoy [Search of a Lifetime: On the 90th Anniversary of Yulia Leonidovna Shchapova] /Ed. by E.K. Stolyarova /*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU*. Issue 214. Series II. *Istoricheskie issledovaniya* [Historical Studies], 145. Moscow: INFRA-M, 2022. 442 p.

Popova E.A. *Gorodishche "Chayka" — dve istoricheskie epokhi, tri arkheologicheskie kultury* [The "Chayka" Settlement: Two Historical Eras, Three Archaeological Cultures] // *Istoriya i arkheologiya Severnogo Prichernomorya v antichnuyu i srednevekovuyu epokhi. Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya "Khersones Tavricheskiy" (g. Sevastopol', 25–29 sentyabrya 2022 g.): materialy* [History and Archaeology of the Northern Black Sea Region in the Ancient and Medieval Periods. All-Russian Scientific Conference "Tauric Chersonese" (Sevastopol, 25–29 September 2022): Materials] /Ed. by A.V. Zaykov. Simferopol': Antikva, 2022. P. 140–146.

Popova E.A. *Itogi sezona 2020 g. na gorodishche "Chayka"* [Results of the 2020 Season at the "Chayka" Settlement] // *Istoriya i arkheologiya Kryma.* 2021. XV. P. 129–136.

Popova E.A. *Sakral'nye traditsii grecheskogo naseleniya Severo-Zapadnogo Kryma ellinisticheskoy epokhi (po materialam gorodishcha "Chayka")* [Sacred Traditions of the Greek Population of Northwestern Crimea during the Hellenistic Period (Based on the Materials from the "Chayka" Settlement)] // *Chelovecheskiy kapital.* 2020. N 11 (143). P. 109–121.

Prilepskaya N.E., Bachura O.P., Bush A.G., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Spasskaya N.N. Horse Teeth Shed Light on Seasonality in Scythian Mound Burials in Southern Russia // Journal of Field Archaeology. 2024. Vol. 49. P. 1–12.

Pushkina T.A., Eniosova N.V. *Ocherk po istorii izucheniya pamyatnika* [An Essay on the History of the Study of the Monument] // *Gnyozdovskiy arkheologicheskiy kompleks. Istoricheskiy landshaft, kartografiya, sovremennye metody issledovaniya* [The Gnyozdovo Archaeological Complex. Historical Landscape, Cartography, Modern Research Methods] /Ed. by V.V. Novikov. Moscow: Fond razvitiya nauki i kultury "Tavolga", 2021. P. 23–29.

Sharganova O.L. *Etnografiya vostochnoevropeyskogo goncharstva v materialakh anketnogo oprosa naseleniya 1959–1962 gg.* [Ethnography of Eastern European Pottery in the Materials of the Population Survey 1959–1962] // *Vestnik Moskovskogo universiteta.* Series 8. *Istoriya.* 2020. N 2. P. 99–117.

Sharganova O.L. *Materialy anketnogo oprosa naseleniya kak istochnik po etnografii i arkheologii vostochnoevropeyskogo goncharstva* [Materials of the Population Survey as a Source for the Ethnography and Archaeology of Eastern European Pottery] // *Vestnik "Istoriya keramiki"* [Journal "History of Ceramics"]. Vol. 1 /Ed. by Yu.B. Tsetlin. Moscow: IA RAN, 2019. P. 15–26.

Skakun N.N., Terekhina V.V., Vinogradova E.A. *Rezultaty kompleksnogo analiza kamennoy plitki iz verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Kamennaya Balka II* [Results of the Complex Analysis of Stone Tiles from the Upper Paleolithic Settlement of Kamennaya Balka II] // *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda v Samare* [Proceedings of the 6th (22th) All-Russian Archaeological Congress in Samara]. Vol. 2. Samara: SGSPU, 2020. P. 277–279.

Sorokin A.N. *Kolichestvo i tipologiya pozharov v Novgorode (konets X — pervaya polovina XVIII vv.)* [The Quantity and Typology of Fires in Novgorod (from the Late

10th through the First Half of the 18th Century)] // *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and the Novgorod Land. History and Archaeology]. Vol. 33. *Materialy XXXIII nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya V.L. Yanina* [The *Acta* of the 33th Scientific Conference Dedicated to the 90th Anniversary of V.L. Yanin] (Veliky Novgorod, 22–24 January, 2019)] /Ed. by E.A. Rybina. Veliky Novgorod: Novgorodsky muzey-zapovednik, 2020. P. 225–234.

Stolyarova E.K. *Vitrazhi Drevney Rusi: istoriograficheskie traditsii i arkheologicheskie realii* [Stained Glass of Ancient Rus': Historiographical Traditions and Archaeological Realities] // *Sovremennaya rossiyskaya keramika. Vzaimodeystvie napravleniy dekorativnogo iskusstva: keramika i steklo. Khudozhestvennaya identichnost' i internatsional'nyy kontekst* [Modern Russian Ceramics. Interaction of Decorative Art Directions: Ceramics and Glass. Artistic Identity and International Context] /Ed. by A.V. Bugrovskaya, O.B. Pavlova. Moscow: MGHPU imeni S.G. Stroganova, 2020. P. 174–183.

Stolyarova E.K. *Vitrazhnye stekla XIII veka iz Yaroslavlya: sostav stekla i voprosy proiskhozhdeniya* [The 13th Century Stained Glass from Yaroslavl: Glass Composition and Questions of Origin] // *Vestnik Moskovskogo universiteta.* Series 8. *Istoriya.* 2023. N 3. P. 159–173.

Stolyarova E.K., Ershov I.N., Krenke N.A., Raeva V.A. *Steklodelatel'naya masterskaya XII — nachala XIII veka v Smolenske* [A Glass Workshop of the 12th and Early 13th Century in Smolensk] // *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda v Samare* [Proceedings of the 6th (22th) All-Russian Archaeological Congress in Samara]. Vol. 2 /Ed. by A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, O.D. Mochalov. Samara: SGSPU, 2020. P. 280–281.

Stolyarova E.K., Trebeleva G.V., Yaprintsev A.D. *Arkheometricheskiye metody izucheniya steklyannykh busin iz pogrebeniya rimskogo vremeni na Markul'skom gorodishche (Respublika Abkhaziya)* [Archaeometric Methods for Studying Glass Beads from a Roman Period Burial at the Markul Settlement (Republic of Abkhazia)] // *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya – 2023* [Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy – 2023] /Ed. by N.N. Ankusheva, A.M. Yuminov. Miass; Chelyabinsk: Izdatel'stvo YUUrGGPU, 2023. P. 79–83.

Stolyarova E.K., Zaytseva I.E., Mukhina T.F., Kovalenko E.S., Podurets K.M., Murashov M.M., Trunkin I.N., Vashchenkova E.S., Volkov P.A., Retivov V.M., Ismagulov A.M., Kulikov A.G., Tereshchenko E.Yu., Yatsishina E.B. *Drevnerusskiy kolt s emalyami iz Vladimira: rezul'taty kompleksnogo analiticheskogo issledovaniya* [Ancient Rus' Cloisonné Pendant from Vladimir: Results of a Comprehensive Analytical Study] // *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya ob"ektov kul'turnogo naslediya estestvennonauchnymi metodami: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Interdisciplinary Research of Cultural Heritage Objects Using Natural-Scientific Methods: The *Acta* of the All-Russian Scientific Conference (Simferopol, 5–7 October, 2022)] /Ed. by E.A. Khayredinova, E.B. Yatsishina. Simferopol: Antikva, 2022. P. 143–148.

Usad'ba X–XI vekov v Lyudinom kontse srednevekovogo Novgoroda (po materialam usad'by Zh Troitskogo raskopa) [The 10th and 11th Centuries Estate in the Lyudin End of Medieval Novgorod (Based on Materials from the Estate Zh at Troitsky Excavation Site)] /Ed. by V.K. Singkh, V.V. Novikov. Moscow: [s. n.], 2020. 112 p.

Vvedeniye v istoriyu Tserkvi [Introduction to the History of the Church]. Part 3. *Obzor istochnikov po istorii Tserkvi v Rossii* [Overview of Sources on the History of the Church in Russia]. Book I. *Istochniki dopetrovskogo vremeni* [Sources of Pre-Petrine Times] /Ed. by V.V. Simonov. Saint Petersburg.: BAN, 2019. 696 p.

Yanin V.L. *O sebe i o drugikh* [On Myself and on Others]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 368 p.

Yanin V.L. *Ocherk nauchnoy deyatel'nosti Artemiya Vladimirovicha Artsikhovskogo* [An Essay on the Scientific Work of Artemiy Vladimirovich Artsikhovsky] // *Sbornik statey, posvyashchennyy 70-letiyu Artemiya Vladimirovicha Artsikhovskogo* [Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Artemiy Vladimirovich Artsikhovsky] /Ed. by V.L. Yanin. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1972. P. 3–14.

Yanin V.L., Kantorovich A.R. *Arkheologii kafedra* [Department of Archaeology] // *Entsiklopediyskiy slovar' Moskovskogo universiteta. Istoricheskiy fakul'tet* [Encyclopedic Dictionary of Moscow University. Faculty of History] /Ed. by S.P. Karpov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; ROSSPEN, 2004. P. 24–30.

Yanin V.L., Kantorovich A.R. *K 75-letiyu kafedry arkheologii istoricheskogo fakul'teta MGU* [To the 75th Anniversary of the Department of Archaeology of the Faculty of History, Moscow State University] // *Istoricheskiye issledovaniya. Zhurnal istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova.* 2015. N 3. P. 5–45.

Zharova E.Yu. *Universitetskie ustavy 1803–1804 gg.* [University Charters of 1803–1804] // *Voprosy obrazovaniya.* 2011. N 4. P. 268–290.

Zhitenyev V.S. *Ukrasheniya i ornamentirovannye predmety stoyanki Sungir': kratkiy obzor* [Ornaments and Decorative Objects from the Sungir' Site: A Brief Overview] // *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury RAN.* 2021. Vol. 24. P. 52–66.

Zhitenyev V.S., Anisovets Yu.D. *Krasochnye pigmenty kak massovyy material: obsuzhdenie metodicheskogo podkhoda k issledovaniyam* [Pigments as Mass Materials: Discussion of the Methodological Approach to Research] // *Vestnik Moskovskogo universiteta.* Series 8. *Istoriya.* 2023. N 4. P. 142–173.

Zhitenyev V.S., Lavrova V.D., Anisovets Yu.D., Vinogradova E.A., Statkus M.A. *Krasochnye pigmenty iz kul'turnogo sloya i muzhskogo pogrebeniya Sungir'ya: predvaritel'nye rezul'taty* [Pigments from the Cultural Layer and Male Burial from Sungir': Preliminary Results] // Camera praehistorica. 2024. N 2 (13). P. 34–51.

Zhukovskiy M.O. *Instrumenty i praktika malykh vzveshivaniy v Drevney Rusi: IX–XIII vv.* [Instruments and Practices of Small Weighing in Ancient Rus': Form 9th through 13th Century]. Moscow: Nauka, 2021. 476 p.

Поступила в редакцию
15 января 2025 г.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Серия 8. ИСТОРИЯ. 2024. Т. 65. № 6. С. 203–233
LOMONOSOV HISTORY JOURNAL. 2024. Vol. 65. N 6. P. 203–233

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-6-203-233

Вл.В. Седов, К.А. Овчаренко

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА: ТРИ НОВГОРОДСКИХ ЭКФРАСИСА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI ВЕКА

Vl.V. Sedov, K.A. Ovcharenko

THE PARALLEL TEXTS IN THE HISTORY OF RUSSIAN MEDIEVAL ART: THREE EKPHRASES IN THE NOVGOROD CHRONICLES OF THE SECOND QUARTER OF THE SIXTEENTH CENTURY

Аннотация. **В** статье проанализированы три текста второй четверти XVI в., посвященные произведениям церковного искусства и архитектуры и содержащиеся в составе новгородских летописей. Их можно определить как три точно датированные статьи, в которых описываются с достаточно большой подробностью отдельные предметы и комплексы, созданные в Новгороде по заказу новгородского митрополита Макария и игумена новгородского Хутынского монастыря Феодосия. Первый текст, представ-

Седов Владимир Валентинович, доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института археологии РАН

Sedov Vladimir Valentinovich, Doctor in Art History and Criticism, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University, Chief Researcher, Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences

sedov1960@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0754-1905

Овчаренко Ксения Алексеевна, студентка магистратуры кафедры истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Ovcharenko Ksenia Alexeevna, MA Student, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

ovcharenkoxenia@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1727-8343

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

ляющий настоящий экфрасис, описывает царские врата иконостаса новгородского Софийского собора и монументальную роспись на западном фасаде этого храма (1527/1528 г.). Второй текст описывает созданный для того же Софийского собора деревянный амвон с резными фигурами (1533 г.). Наконец, в третьей летописной статье, датированной 1535 г., рассматривается храм Григория Армянского в новгородском пригородном монастыре Спаса-Преображения на Хутыни. Этот храм имел восьмигранную форму, пять входов, вверху у него были повешены колокола, здание завершалось одной главой и куполом. Летопись называет архитектора этой постройки — тверского мастера Ермолу — и подчеркивает, что раньше таких зданий в городе не было, хотя храму 1535 г. предшествовал небольшой храм-колокольня 1445 г., сооруженный по заказу архиепископа Новгородского Евфимия II. Для всех подробно рассмотренных в данной статье описаний характерна не только литературная обработка, выразившаяся в употреблении возвышенных эпитетов и подчеркивании необычности предметов и их объемов, но и внимание к деталям, которое позволило автору новгородских экфрасисов «увидеть» не только количество углов, скульптур или иконных вставок, но и некоторые особенности форм. Рассмотренные тексты — один из ранних примеров внимания к художественной форме, что можно обозначить, как интерес к искусству вообще. Описания имеют неполный и фрагментарный характер, но в них уже видна историчность и цепкость взгляда, характерные для книжников эпохи позднего Средневековья.

Ключевые слова: древнерусское искусство, прикладное искусство, Софийский собор в Новгороде, новгородский Хутынский монастырь, экфрасис, летопись, описание предметов искусства, описание зданий.

Abstract. The article analyses three texts from the second quarter of the 16th century, dedicated to works of ecclesiastical art and architecture, and contained in the Novgorod chronicles. These can be identified as three precisely dated entries, in which individual objects and complexes created in Novgorod on the orders of the Novgorod Metropolitan Macarius and the abbot of the Novgorod Khutyn Monastery Theodosius are described in considerable detail. The first text, which represents a true ekphrasis, describes the royal gates of the iconostasis of the Novgorod St. Sophia Cathedral and the monumental painting adorning the western facade of the cathedral (1527/1528). The second text provides a detailed description in 1533. Finally, the third chronicle entry, dated 1535, discusses the Church of St. Gregory of Armenia in the Novgorod suburban monastery of the Transfiguration of the Savior at Khutyn. The architectural design of the church is notable for its octagonal shape, the presence of five entrances, the positioning of bells at the uppermost point, and the crowning of the structure with a solitary dome. The chronicle names the architect of this building — the Tver master Ermola — and emphasizes that there were no such buildings in the city before, although the church of 1535 was preceded by a small bell tower church from 1445, built at the request of the Novgorod Archbishop Euphemios II. The descriptions under consideration in this article are distinguished not only by literary processing, as evidenced by the use of elevated epithets and the highlighting of the unusualness of the objects and their sizes, but also by attention to detail. This attention enabled

the author of the Novgorod ekphrases to "see" not only the number of corners, sculptures, or icon inserts, but also some features of the forms. These texts can be regarded as early manifestations of an inclination towards aesthetic form, which can be termed an interest in art in general. The descriptions are incomplete and fragmented, but they already reveal a historical and persistent view, characteristic of the scribes of the late Middle Ages.

***Keywords*:** early Russian art, applied arts, St. Sophia Cathedral in Novgorod, Novgorod Khutyn Monastery, ekphrasis, chronicle, description of art objects, description of buildings.

* * *

История искусства в области древнерусской художественной культуры и архитектуры испытывает недостаток в так называемых параллельных текстах соответствующего времени, т.е. в письменных свидетельствах, объясняющих произведения искусства и дающие хоть какой-то ключ к тому, как их воспринимали современники. Кроме того, устоявшееся или новое восприятие самих созданий искусства современными учеными может быть дополнено или скорректировано этими текстами, которые следует внимательно изучать и подробно комментировать.

В этой статье мы обратили внимание на ряд текстов новгородских летописей XVI в., в которых содержится материал для интерпретации нескольких памятников искусства и архитектуры или их комплексов. В трех из этих текстов мы увидели экфрасисы — описания объектов искусства и архитектуры, которые всегда были особым жанром. Экфрасисы были распространены в византийской литературе, а выявление их в литературе древнерусской еще во многом находится на начальной стадии. Поэтому мы видим свою цель в том, чтобы не только выявить эти тексты, но и внимательно отнестись к вопросу о «темах» экфрасисов, способе описания выбранных (или навязанных) предметов и зданий в этих небольших отрывках летописного текста (летописных статьях), а также о наиболее «видимых» или «замечаемых» формах и, наконец, о вероятном авторстве этих сочинений.

Доступная нам литература не выделяет пока древнерусских экфрасисов. Литература же о византийских экфрасисах достаточно обширна. Мы укажем лишь на известные и проработанные нами работы П. Магдалино, Р. Макридес и Г. Мегвайра, а также работу В.П. Зубова и на отечественное издание недавнего времени с подробным разбором новейшей литературы[1].

[1] *Magdalino P.* Manuel Komnenos and the Grate Palace // Byzantine and Modern Greek Studies. Vol. 4. Birmingham, 1978. P. 101–114; *Macrides R., Magdalino P.* The architecture of ekfrasis: construction and context of Paul the Silentiary's poem on Hagia

Первая половина XVI в. в истории Новгорода и Новгородской земли и культуры этого огромного древнерусского города и его обширной области была сложным временем, когда город и его земля уже оправились после присоединения к Москве в 1478 г. и последовавших «выводов» элиты в Замосковный край, когда вновь расцвела новгородская экономическая жизнь и культура. Новгородская культура того времени была сложным явлением, в котором отчетливые местные тенденции и идеи вступали в противоречие со все более и более усиливавшимся московским влиянием. Жизни и культуре Новгорода этого времени посвящено не так уж много обзорных или обобщающих трудов[2].

В новгородских летописях в первой четверти XVI в. помимо сведений о бытовой, гражданской и церковной жизни Новгорода и Новгородской земли под властью Москвы содержатся многочисленные известия о каменном строительстве в самом городе и его округе. Эти обычно краткие сообщения, они написаны ясно, четко и без подробностей. На этом фоне выделяются три (или даже четыре) больших летописных сообщения, в которых описываются художественные работы того времени.

Первое такое известие читается под 1527/1528 (7036) г. в ряде новгородских летописей (Новгородская четвертая, Новгородская четвертая по списку Дубровского и Отрывок из новгородской летописи). Приведем его полностью по тексту Новгородской четвертой летописи:

«Того же лѣта 36-го, при державѣ великого князя Василья Ивановича всеа Руси, повѣлѣ архиепископъ Макарии устроити царские двѣри во святую Софию, понеже прежнии двери отъ много лѣтъ обетшали и ни которые лѣпоты не имущи, пресвященныи же архиепископъ повелѣ устроити двери сугубие первыхъ въ высоту и въ ширину, преже бо наченъ отъ божественныхъ иконъ писаниа на кивотѣ, еже на[д] дверми, на самехъ дверехъ на столпцехъ, числомъ иконного поклонения святыхъ яко 66; таже повеле хитрецемъ дверие угодное различнымъ начертаниемъ устрояти с мудрыми подзоры, и украшати златомъ и сребромъ лиственнымъ, еже есть сусанъ.

Sophia // Byzantine and Modern Greek Studies. Vol. 12. Birmingham, 1988. P. 47–82; *Maguire H.* The Beauty of Castles: A Tenth Century Description of a Tower at Constantinople // Δελτίον ΧΑΕ 17. Αθήνα, 1994. P. 21–24; *Зубов В.П.* Византийский архитектор (по данным литературных источников) // Зубов В.П. Труды по истории и теории архитектуры. М., 2000. С. 20–141; *Виноградов А.Ю., Захарова А.В., Черноглазов Д.А.* Храм Святой Софии в свете византийских источников. СПб., 2018.

[2] *Пронштейн А.П.* Великий Новгород в XVI веке. Очерк социально-экономической и политической истории русского города. Харьков, 1957; *Гордиенко Э.А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001.

Иконописцы же и хитрецы устроиша по повѣлению царьские двѣри велми чюдно видети и вся лѣпоты исполненныя, и крестъ честныи на версе двери и постави отъ каменя хрусталя, велми чюдно устроение, и повелѣ тѣ царьские двери поставити в соборнои церкви во святѣи Софии; и запону устроилъ от различныхъ тафт, велми лѣпо видети. Тогда же боголюбивыи архиепископъ Макарии и иконы во святѣи Софѣи повеле по чину поставити: самую чюдную икону святу Софию выше воздвигъ, и Цареградцкие иконы всемилостивыи Спасъ Господь наш Исусъ Христосъ стоящии, отъ злата и сребра, велми чюдно устроение, и святии апостоли Петръ и Павелъ, тако же стоящии, отъ злата и сребра чюдно устроены, сии чюдные иконы противу своего святителева мѣста постави, и пелены отъ паволокъ устрои, велми чюдно и лѣпо видети, и прочая иконы по чину повѣле поставити. И входящу самому боголюбивому архиепископу Макарию во святую Софию соборную церковь, и с нимъ архимандритомъ и честнымъ игуменомъ и священникомъ и диякономъ, и всѣмъ православнымъ християномъ и такову лѣпоту во церкви видяще, и всемъ рещи: "Господи, освяти любящая благолѣпие дому твоего". Того же лѣта веснѣ повелѣ преосвященныи архиепископъ Макарии иконописцемъ писати настѣнное писмо на стенѣ у святѣи Софеи на[д] дверми, коими самъ входитъ отъ запада, и написати выше Живоначалную Троицу, а долѣ святую Софию Премудрость Божию, нерукотворѣнныи образъ Господа нашего Исусъ Христа, и два архангила по странамъ, на поклонение всемъ православнымъ християномъ, самъ боголюбивыи архиепископъ, входя в соборную церковь и исходя, поклонение творя и моление исполняя; а и преже сего было же написанно на том же мѣсте, но толико единъ образъ Вседержителя до пояса, а мало не всѣ то мѣсто, идеже нынѣ настѣнное писано, но отъ многихъ лѣтъ обетщало, архиепископъ то повѣле отъяти, а новое написати»[3].

Буквально то же самое рассказывается в статье 7036 года в Новгородской четвертой летописи по списку Дубровского[4]. В Отрывке русской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку только одно дополнение к данному тексту нужно счесть значительным: если в Новгородской четвертой читается «повеле хитрецем дверие угодное различнымъ начертаниемъ устрояти с мудрыми подзоры», то в Отрывке русской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку то же место читается лучше: «повеле хитре-

[3] Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М, 2000. С. 545–546 (далее — ПСРЛ).

[4] ПСРЛ. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М., 2004. С. 219–220.

цем древие (т.е. дерево, деревянный материал. — *В.С., К.О.*) различным начертанием устрояти с мудрыми подзоры», так что речь идет о материале[5].

Текст приведенной летописной статьи очень обширен и требует подробного и последовательного комментария. Он рассказывает о событиях осени 1527 г. (с сентября по октябрь 7036 г. от Сотворения мира надо отнимать 5509, что дает 1527 г.) и весны следующего 1528 г. (специально подчеркивается, что того же 7036 г., но весной начинается роспись, что при вычитании 5508 дает 1528 г.).

Здесь говорится о создании в Софийском кафедральном соборе Новгорода новых Святых врат (или Царских врат) в иконостасе в 1527 г. Называется заказчик (архиепископ Макарий), говорится о создании новой части алтарной преграды при великом князе Василии Ивановиче (Василии III). Нам рассказывают, что старые двери обветшали и не имели уже красоты, а потому новые были сделаны шире и выше прежних. Сначала в киоте над Царскими вратами и на столбиках («столпцах») по их сторонам были написаны иконы, изображавшие шестьдесят шесть святых, затем архиепископ указал мастерам («хитрецам») делать сами полотнища дверей с разными очертаниями и формами, дополняя их орнаментальными полосами по краям («различным начертанием устрояти с мудрыми подзоры»). Крест, венчавший врата, был изготовлен из горного хрусталя, за вратами была устроена завеса из различных видов тафты, дорогой шелковой ткани, а пелены у икон были сделаны из паволоки, т.е. ткани с золотной нитью.

Текст усложнен многочисленными фразами вроде «велми чюдно видети», «велми чюдно устроение», «велми лепо видети», «велми чюдно и лепо видети». Описание работы над Царским вратами дополняет рассказ о перестановке икон по повелению того же Макария: икону Софии поставили выше, а старинные иконы («цареградские») Иисуса Христа в рост и икону с изображением апостолов Петра и Павла поставили выше, чем они стояли прежде; впрочем, понять, как это было, из текста нельзя. Летописец отмечает оклады этих икон («отъ злата и сребра, велми чюдно устроение» и «отъ злата и сребра чюдно устроены»), а также называет новую запону из разных видов тафты — очевидно, завесу за Царскими вратами.

Чуть перебив свой рассказ сообщением о входе архиепископа Макария в обновленную им Софию Новгородскую, рассказчик продолжает экфрасис, описывая созданную на западном фасаде («над дверми, коими самъ входитъ отъ запада») на месте более ранней

[5] ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 285–286.

фрески с поясным изображением Спаса Вседержителя новую настенную роспись с расположенным наверху изображением Троицы, а внизу — Святой Софии и Нерукотворного Спаса с двумя ангелами по сторонам («и написати выше Живоначалную Троицу, а долѣ святую Софию Премудрость Божию, нерукотворѣнныи образъ Господа нашего Исусъ Христа, и два архангила по странамъ»). Этот огромный живописный настенный фресковый ансамбль описан очень ясно и четко, как иконографическая программа.

К этому тексту необходимы комментарии, опирающиеся как на наше видение и понимание, так и на существующую литературу.

В 1509 г. иконостас Софийского собора уже был обновлен и дополнен повелением новгородского архиепископа Серапиона[6]. Теперь же, в 1528 г., очередь дошла до сооружения высоких царских врат собора, сохранившихся до нашего времени, но в плохом состоянии[7]. Архимандрит Макарий сообщал, что эти врата, «находившиеся в главном иконостасе Софийского собора, а со времен митрополита Макария (1659) перенесены в придел Рождества Пресвятыя Богородицы»[8].

В научной литературе настенные композиции Софии подробно, насколько нам известно, не разобраны в отдельном труде. М.А. Орлова упоминает росписи 1528 г.: «…на западном фасаде Софии Новгородской была создана большая трехчастная композиция, внизу заканчивавшаяся пеленой. Она состояла из “Троицы”, “Софии Премудрости Божией” и “Нерукотворного Спаса”, т.е., по всей вероятности, храмовых икон собора, которые приобрели гигантские масштабы (в поновленном виде она сохраняется и поныне)»[9].

И.А. Шалина обратила внимание на уникальность описания летописцем композиции монументальных росписей, увидев в этом предвестие новых тенденций в этом виде искусства. Исследовательница подчеркнула, что новая трехчастная живописная композиция, состоящая из сцен Ветхозаветной Троицы, Софии Премудрости и Спаса Нерукотворного, заменившая прежний более лаконичный образ Спасителя, «выразила новую идеологему царственной эпохи,

---

[6] ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 537; *Сарабьянов В.Д.* Иконостас Софии Новгородской 1509 года: новгородская основа и московские традиции // От Царьграда до Белого моря. Сборник статей по средневековому искусству в честь Э.С. Смирновой. М., 2007. С. 485–526.

[7] *Шалина И.А.* Новгородские иконописцы и «хитрецы» эпохи владыки Макария // Искусство Великого Новгорода. Эпоха святителя Макария. СПб., 2016. С. 27–29.

[8] *Макарий, архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 2. М., 1860. С. 44.

[9] *Орлова М.А.* Наружные росписи средневековых храмов. Византия. Балканы. Древняя Русь. М., 2002. С. 244–245.

став предтечей богословско-дидактических произведений, появившихся уже в бытность владыки московским митрополитом»[10].

В заключение скажем, что летописный рассказ о работах по украшению Софии Новгородской, осуществленных по заказу архиепископа Макария, является все же единым текстом, содержащим первый из выделяемых нами экфрасисов, т.е. описаний художественных произведений или их комплексов. Это описание построено по принципу прямых указаний (время, заказчик, то, что было раньше), сосредоточено на цифрах (количество изображений святых, например) деталях и иконографических особенностях. В этом тексте еще нет прямого указания на форму, она остается за пределами описания. Это первый опыт, но он уже переполнен литературными украшениями, превращающимися в штамп.

Второй экфрасис помещается в летописной статье 7041 г. (в июле, т.е. это было в 1533 г.). Те же летописи приводят сообщение о сооружении в Софии Новгородской амвона:

«Того же лѣта 41, мѣсяца июля въ 15 день, при благовѣрномъ великомъ князе Василие Ивановиче самодержъце и его богодарованныхъ дѣтяхъ князе Иване и Георгии, боголюбивыи архиепископъ Великого Новагорода и Пскова владыка Макарии постави в соборнои церкви во святѣи Софѣи въ Великомъ Новѣгородѣ амбонъ велми чюденъ и всякие лѣпоты исполненъ: святыхъ на немъ от верха во три ряды тридесять, на поклонение всѣмъ християномъ, а по всему амбону рѣзью и различными подзоры и златомъ лиственнымъ велми преизящно украшен, а отъ земля амбону и удивления исполнено устроены яко человѣчьки древяные дванадесять, и всякими вапы украшенны, и во одежахъ, и со страхомъ яко на главахъ держатъ сию святыню, велми лѣпо видети»[11]. Сходный текст содержится и в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского[12], и в Отрывке русской летописи по Воскресенскому Новоирусалимскому списку[13].

Интересно практически официальное начало, где говорится о заказчике сооружения амвона и о времени его создания, отмечается княжение Василия III и называются его «богодарованные» сыновья. Можно думать, что это летописное сообщение является проектом надписи на самой вещи.

Заметим, что в тексте есть уже встречавшееся выше выражение «велми лепо видети», а также новое, но по смыслу и форме очень

[10] *Шалина И.А.* Указ. соч. С. 28–32.
[11] ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 551.
[12] ПСРЛ. Т. XLIII. С. 224.
[13] ПСРЛ. Т. VI. С. 291.

близкое выше цитированному («велми чюдно и лепо видети») выражение «велми чюденъ и всякие лѣпоты исполненъ». Есть здесь и ранее не встречавшееся выражение «велми преизящно украшен». Мы видим стремление насытить рассказ подобными восторженными, но мало значащими определениями.

Однако в этом тексте об амвоне мы видим рост наблюдательности, здесь находим не только «подзоры», встречавшиеся ранее в тексте о царских вратах, но «резь и подзоры» как разделение глухой резьбы по полю и резьбы прорезной и по краям. Здесь опять появляется «лиственное» (сусальное) украшение, только если в более раннем тексте было золото и серебро, то теперь речь идет только о «лиственном золоте».

Мы видим, что форму амвона автор не упоминает, а только говорит о расположении на нем фигур святых в три ряда и приводит общее число святых (30), что позволяет говорить о том, что в каждом ряду размещено по десять святых. Еще раз числовое определение дано ниже, при описании зрительно поддерживающих сооружение ангелов, которых двенадцать. Тут автор текста дает себе волю и сообщает: кажется, «что они на головах держат эту святыню» (амвон), что они одеты («в одеждах») и раскрашены разными красками («вапы»).

Описание жеста «человечков» — «со страхомъ яко на главахъ держатъ сию святыню» — дает даже некоторое основание для их интерпретации. Так, О.В. Клюканова видит два возможных варианта: это двенадцать избранных от колен Израилевых, переносящих святыню, в качестве которой традиционно понимали и амвон, который, в свою очередь, толковали как камень Гроба Христа; двенадцать фигур «могли обозначать участников символического и одновременно реального (новгородского) действа воздвижения — почитания амвона», тем самым выражая идею соборности[14].

Появление амвона в Софийском соборе до сих пор не объяснено с какой-либо полнотой. Амвоны были характерны для ранневизантийского и средневизантийского времени, а в поздневизантийское время встречаются редко[15]. Амвон Новгородской Софии 1533 г. сохранился, о нем существует уже достаточно обширная литература,

---

[14] *Клюканова О.В.* Новгородский амвон 1533 г. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 378–379.

[15] См., например: *Xidis S.G.* The Chancel Barrier, Solea and Ambo of Hagia Sophia // The Art Bulletin. March 1947. Vol. XXIX. N 1. P. 1–24; *Delvoye Ch.* Ambo // Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. Lieferung 1. Stuttgart, 1963. P. 126–133; *Dennert M.* Mittelbyzantinische Ambone in Kleinasien // Istanbuler Mitteilungen. Vol. 45. Berlin, 1995. S. 137–147.

которая отражает разные стороны этого сооружения[16]. Однако мы хотели бы выделить именно этот древнерусский текст, отражающий пытливость и внимательность книжника перед лицом сложного и многосоставного сооружения со сложной богословской программой и пока не до конца ясными истоками.

Наконец, третий экфрасис находится в летописной статье, повествующей о событиях 7043 (1535) и 7044 (1536) гг., но помещенной в летописях под 7043 г., почему мы и будет ниже называть ее летописной статьей 1535 г. Это очень подробный рассказ о сооружении в пригородном новгородском Хутынском монастыре новой церкви Григория Армянского взамен старой. Приведем эту статью полностью сначала по тексту Новгородской четвертой летописи:

«Тое же зимы, в лѣто 7043, мѣсяца априля въ 11 день, Божиею милостью основанна бысть церковь камена святыи Григорѣй Великия Армении во святыя обители всемилостивого Спаса и великого чюдотворца Варлама на Хутыни, противъ южныхъ дверѣи болшие церкви и чюдотворцова гроба, и поспѣшениемъ Святаго Духа и молитвами пречистыя Богородица и великого чюдотворца Варлама, и совершиша ю два лѣта, о единомъ версе, но велми чюдна, яко таковыи нѣсть дѣломъ в Новгородцкия земли: яко околная стена, еже округъ церквы, имѣя угловъ восмь, а двери пятеры, въ высоту велми высока, на неи же версе и колоколы уставиша, толико велми чюдно и лѣпо видѣти; но молитвами великого чюдотворца Варлама совершися сие превеликое дѣло въ мало время. И освященна бысть сия чюдная церковь в лѣто 7044, мѣсяца августа во 6 день, при благовѣрномъ великомъ князе Иване Васильевиче всеа Руси; и свящал самъ благолюбивыи архиепископъ, со честным игуменомъ тоя обители Феодосиемъ, на самыи праздникъ боголѣпного Преображения Господа нашего Исусъ Христа, и с прочими честными игумены и попы и дияконы молѣбная пѣвъ и храмъ свящавъ, и святую литургию въ томъ храмѣ свершивъ, и воздаша хвалу Господу Богу. А преже того была церковь того же святаго камена не на томъ мѣсте, не велми высока, кругла яко столпъ, противъ сѣверныхъ дверѣи,

[16] *Бобринский А.А.* Народные русские деревянные изделия. Предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода. Вып. 12. М., 1912. С. 6. Илл. 189, 190; *Клюканова О.В.* Указ. соч. С. 373–385; *Клюканова О.В.* Амвон новгородского Софийского собора 1533 года. Художественное своеобразие, замысел, интерпретация // Искусство Великого Новгорода. Эпоха святителя Макария. СПб., 2016. С. 163–193; *Чарыкова К.С.* О втором названии новгородского амвона («Халдейская пещь») и Пещном действе // Искусство Великого Новгорода. Эпоха святителя Макария. С. 197–202; *Гордиенко Э.А.* Предалтарный амвон и Халдейская пещь XV–XVI вв. в Уставе Новгородского Софийского собора // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 38. СПб., 2019. С. 181–201.

и не широка, толико сажени единоя, со олтаремъ внутри, на неи же и колокола изъѣли, бывли въ версе отъ прежнихъ лѣтъ, но понеже не велики и ни которыи лѣпоты не имуще. А господинъ смиренныи игуменъ Феодосии, хотя болѣ украсити честную обитель при своемъ честномъ игуменстве, и сие чюдное и превеликое дѣло наченъ о Бозе, и соверши о Христѣ. А строитель церкви тое святаго Григория Великия Арменья тоя же обители игуменъ Феодосии; иже взятъ бысть на игуменство изъ пречестныя обители старец соборнои Иосифова монастыря с Волока с Ламьского, иже послѣ того спустя не за много лѣта тоя обители Футыня монастыря тои же преже реченныи игуменъ Феодосии поставленъ бысть Великому Новугороду и Пскову в лѣто 7050. А мастеры церькви тое святаго Григория Великия Арменья дѣлали Тверския земли, болшому имя Ермола; а отъ дѣла дано урокомъ полъ 70 рублевъ Московская, а весь запасъ нарядъ домовои»[17].

Очень близкий текст содержится в Новгородской четвертой летописи по списку П.П. Дубровского[18]. В поздней Новгородской тетьей летописи в «Летописце новгородском церквам божиим» говорится об освящении храма Григория Армянского 15 июня 7043 (1535) г.: «В лѣто 7043, июня в 15 день, священ бысть храм монастырѣ на Хутыни под колокольнею святаго Григория Великия Армении»[19].

Большое сообщение из Новгородской четвертой летописи и Отрывка Воскресенской Новоиерусалимской летописи собрано из нескольких фрагментов или статей. Первым идет рассказ об основании церкви Григория Великия Армении в 1535 г. и ее окончании «в два лета», т.е. за два года. Тут же содержится рассказ об ее архитектуре, собственно экфрасис, из которого мы узнаем, что это была восьмигранная в плане постройка с окольной (с внешней, окружной) стеной такой формы (значит, были и внутренние стены), что у нее было пять дверей (это не совсем понятно с первого прочтения), что она была очень высокой, что наверху ее были повешены колокола и что она была одноглавой («о единомъ версе, но велми чюдна») и что ничего подобного ранее не было в Новгородской земле («яко таковыи нѣсть дѣломъ в Новгородцкия земли»). Эта постройка была поставлена к югу от монастырского собора, напротив южных дверей храма и гроба Варлаама Хутынского, располагавшегося, как мы знаем, внутри собора у его южных дверей.

[17] ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 569–570.
[18] ПСРЛ. Т. XLIII. С. 235–236.
[19] Там же. С. 325.

Экфрасис, описательная часть сообщения Новгородской четвертой летописи, содержит не так уж много черт: восьмигранность, внешняя стена, пять «дверей», исключительная высота церкви, колокола наверху и одноглавие (при этом оговаривается, что она хотя и одноглавая, но «очень чудесная», т.е. подразумевается существование и иных по числу глав завершения).

Несколько дополняет картину похожий, но в одном месте чуть более полный текст в Отрывке русской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку, который сам по себе короче выше приведенной статьи из Новгородской четвертой летописи (выделяем дополнение жирным; отметим, что сообщение об одноглавии здесь опущено). Здесь говорится о двух больших и громко звонящих колоколах и еще неизвестном количестве «прочих»:

«Тое же весны лѣта 7043, мѣсяца апрѣля въ 11 день, Божиею милостью, основана бысть церковь камена святый Григорей Великия Армении, въ святыя обители всемилостиваго Спаса и великого чюдотворца Варлаама на Хутынѣ, противъ южных дверей большия церкви и чюдотворцева гроба. И поспѣшениемъ святаго Духа и молитвами пречистыя Богородица и великого чюдотворца Варлаама и совершиша ю въ два лѣта, о единомъ версѣ, велми чюдна, яко нѣсть дѣломъ в Новогородской области: яко околная стѣна, еже округъ церкви, имѣя угловъ восмь, а двери пятеры, въ высоту велми высока; на ней же въ версѣ и колоколы уставиша, **два колоколы болшихъ, егда начнутъ звонити яко страшным трубамъ гласящимъ, тако и прочие колоколы уставиша**. Толико велми чюдно и лѣпо видѣти; но молитвами великого чюдотворца Варлаама совершися сие превеликое дѣло въ мало время. И священа бысть сия чюдная церковь въ лѣто 7044, мѣсяца августа въ 6 день, при благовѣрномъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русии; а свяща самъ боголюбивый архиепископъ Макарий со честнымъ игуменомъ тое обители Феодосиемъ, на самый праздникъ Боголѣпнаго Преображения Господа нашего Исуса Христа, и съ прочими честными игумены, и попы и дьяконы; молебная пѣвъ, и храмъ священъ, и святую литургию в томъ храмѣ совершивъ, и воздаша хвалу Богу. А и преже того была церковь того же святого камена, но не велми высока и кругла яко столпъ, противу сѣверныхъ дверей, и не велика, толко сажени единыя внутри и со олтаремъ; на ней же колоколы въ версѣ бывали и прежнихъ лѣтъ, но понеже не велики и никоторыя лѣпоты не имуще, а господинъ смиренный игумен хотя болѣ украсити честную обитель при своемъ честномъ игуменствѣ и сие чюдное и превеликое дѣло наченъ о Бозѣ и соверши. А мастеры дѣлали Тверския земли, болшому имя Ермола; а отъ

дѣла дано урокомъ полъсемадесять рублевъ Московкая, а весь запасъ и нарядъ домовой»[20].

Мы видим в этом третьем описательном тексте уже знакомое выражение «велми чюдна», дополненное чуть ниже похожими, но относящимися к размерам «велми высока» и «не велми высока», а также сочетание «велми чюдно лепо видети», уже встречавшееся нам в тексте о царских дверях Софии. Это тот же стиль описания, который выхватывает отдельные значащие детали и формы, а также приводит числа, но дополняет всё это неким поверхностным и легким литературным декором в виде приведенных восклицательных или умилительных выражений. «Яко страшным трубам гласящим» из этого текста может быть соотнесено с человечками, которые «со страхомъ яко на главахъ держатъ сию святыню» из описания амвона.

В первоначальном тексте (а текст из Отрывка новгородской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку можно считать исходным, в Новгородской четвертой летописи дополненным сообщениями о заказчике, игумене Феодосии, т.е. известием о его приходе из Иосифо-Волоцкого монастыря и дальнейшем переходе из монастыря на кафедру архиепископов Новгородских) говорится как о прежней постройке, ее виде и местоположении, так и о новом здании, обладавшем необычными и удивительными формами. Текст дополнен сведениями о создавших храм тверских мастерах и о «болшем мастере» Ермоле; приводятся данные о заплаченных мастерам деньгах, московских рублях («полъсемадесять», это шестьдесят пять рублей).

Начнем разбор этого сложного для понимания и сложносоставного текста со здания-предшественника, которое стояло с севера, напротив северных дверей монастырского собора: «А и преже того была церковь того же святого камена, но не велми высока и кругла яко столпъ, противу сѣверныхъ дверей, и не велика, толко сажени единыя внутри и со олтаремъ; на ней же колоколы въ версѣ бывали и прежнихъ лѣтъ»[21]. Итак, это был круглый столп (согласно древнерусским понятиям, круглый — это центрический: может быть как круглый, так и многогранный объем), т.е. вытянутое вверх небольшое здание (сажень внутри — шириной около 2 м) с колоколами наверху.

О строительстве этого здания сообщает Новгородская первая летопись под 1445 (6953) г.: «Архиепископъ великого Новагорода владыка Еуфимеи постави церковь камену на Хутынѣ святого Варлама, а на верху колоколницу»[22].

---

[20] ПСРЛ. Т. VI. С. 296.

[21] ПСРЛ. Т. VI. С. 296.

[22] ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись. М., 2000. С. 424.

Этот ранний памятник, еще периода новгородской независимости, представляет собой определенную загадку: его остатки пока не найдены, его вид и роль в истории новгородской архитектуры не объяснены сколько-нибудь полно за недостатком источников[23]. Для нашего исследования это сооружение не так важно, хотя всё же укажем на то, что наличие предшественника ставит вопросы о причинах изменения посвящения нового храма под колокольней: если старый был в 1445 г. посвящен Варлааму Хутынскому, то новый был по каким-то основаниям посвящен Григорию, Просветителю Великой Армении (Григорию Армянскому). Эта перемена посвящения храма пока не может быть объяснена с какой-то достоверностью. Заметим только, что это очень редкое посвящение. В деревянном восьмипрестольном Покровском соборе 1554 г. в Москве, отмечавшем взятие Казани, тоже был придел Григория Армянского, однако в этом здании посвящение объясняется тем, что на 30 сентября, день празднования памяти этого святого, приходится памятная битва у ворот Казани[24]. Заметим, что в этом храме в Москве был и престол Варлаама Хутынского, т.е. почему-то были повторены посвящения двух храмов Хутынского монастыря.

В других новгородских летописях церковь с колокольней в Хутынском монастыре в версии XVI в. упомянута, но суше и деловитее. Так под 1536 (7044) г. Новгородская вторая летопись (XVI в.) сообщает: «Того же лѣта августа въ 6 день свершена бысть церковь каменна святаго Григория Арменского колоколница и часы в одном мѣсте у Спаса на Хутыни, зсвещалъ ю владыка Макарии»[25]. Новгородская третья летопись дает сообщение более краткое: «Въ лѣто 7043, іюня въ 15 день, священ бысть храмъ въ монастырѣ на Хутыни подъ колоколнею святаго Григорія Великія Арменіи»[26].

Есть два более поздних письменных источника, которые можно привести как материал, объясняющий или поясняющий описательную часть сообщения 1535 г.: это Опись Хутынского монастыря 1642 г. и описание этой же обители в труде Павла Алеппского.

В Описи Хутынского монастыря 1642 г. церковь Григория Армянского описана так: «Церковь каменная над колокольницею во

---

[23] *Антипов И.В.* Новгородская архитектура времени архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского. М., 2009. С. 224–226.

[24] *Баталов А.Л.* Собор Покрова Богородицы на Рву: история и иконография архитектуры. М., 2016. С. 119–121.

[25] ПСРЛ. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая (архивская) летопись. М., 2009. С. 204.

[26] Новгородские летописи. Издание археографической комиссии. СПб., 1879. С. 325.

имя Григория Арменского. Около церкви паперть каменная; в папертех окна дугами. На церкви же над колоколницею глава обита чешуею дубовою; крест на главе железной; а церковь и паперть покрыта тесом палатками; а над папертью на церкве на стене с западныя страны: образ Пречистая Богородица Воплощение, да по сторонам у Пречистыя Богородицы, с одной стороны Варлам Хутынский да Григорей Арменский, в киоте, а киот с верху и по сторонам крыт тесом.

Да с северныя страны образъ Пречистыя же Богородицы Воплощение; да с одной стороны у Пречистой Никита Епископ Новгородский в киоте, а киот с верху и по сторонам крыт тесом.

А в церковь ход с одной стороны с западной.

А двери у церкви деревяныя дощатыя»[27].

Чуть ниже в той же описи говорится о том, что окон в церкви было четыре: «Да в церкви же и в олтаре в окнах окончин стекольчатых четыре»[28].

Этот сжатый текст 1642 г. ненамного проясняет наш экфрасис в статье 1535 г.: здесь говорится об окружающих храм папертях, т.е. об обходной галерее, у которой «окна» (это те же окна, что и в описании летописи, которых было пять) были «дугами», т.е. это были арочные проемы (они располагались в пяти из восьми гранях, их не было, видимо, с алтарной стороны, с востока). При этом опись говорит об одном входе в храм, очевидно с запада. Храм был покрыт «палатками» — участками с двускатной кровлей, это говорится и относительно храма и трапезной, но как это было устроено, всё же не совсем ясно: на иконе с «Видением пономаря Тарасия» мы видим двускатные щипцы в завершении храма, на самом верху, но внизу таких форм нет. Зато на гравюре Олеария второй четверти XVII в., которую рассмотрел впервые Н.Н. Воронин, есть двускатные щипцы, завершающие расширенную нижнюю часть, где храм был окружен папертями.

Хутынской церкви-колокольне как будто повезло с описаниями: еще одно мы находим в труде уже упоминавшегося выше архидиакона Павла Алеппского, подробно рассказавшего о путешествии патриарха Антиохийского Макария в Россию в 1655 г. и обо всем виденном им, в том числе о постройках. В рассказе о посещении Хутынского монастыря о «колокольне» сказано следующее: «Колокольня очень велика, прекраснейшей архитектуры: снизу она восьмиугольная, очень широкая, с восемью балконами наверху; под каждым

[27] *Макарий, архим.* Опись Новгородского Спасо-Хутынского монастыря, 1642 года // Записки Императорского Археологического общества. Т. IX. Вып. 2. СПб., 1857. С. 461–462.

[28] Там же. С. 465.

балконом с наружной стороны комнатка, а над ними, в середине колокольни, красивая церковка во имя св. Григория, епископа Армении, где имеется его икона со всем его житием, а также икона Космы и Дамиана и матери их Феодосии между ними со всем их житием; над этой церковью восемь арок, суженных и высоких, где висят колокола; над каждой аркой по две двускатные кровли; надо всем купол, под коим железные часы»[29]. Тут интересен какой-то плавающий фокус, который в каждом описании настраивается на что-то особое: в данном случае ученый православный араб видит восьмигранник (т.е. то же, что автор летописной статьи 1535 г.), но потом ему становятся интересны «балконы» (очевидно — арки второго этажа галереи), колокола в арках верхнего яруса и двускатные кровли (пощипцовое покрытие).

Храм Григория Армянского 1535–1536 гг. в Хутынском монастыре не дошел до нашего времени; он был разобран на рубеже XVIII–XIX столетий (архимандрит Макарий ранее 1860 г. писал, что «церковь сия, как известно, разобрана в недавнее время»[30]). Но еще в XIX — начале XX в. он привлек внимание исследователей.

П.Л. Гусев рассмотрел изображение Хутынского монастыря на иконе «Видение пономаря Тарасия» XVI в., он дал свою прорись фрагмента иконы с изображением монастырских зданий, включая церковь-колокольню, привел данное нами выше описание столпа по Отрывку летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку и сопроводил свое открытие следующим комментарием: «Все это изображено на рисунке: и колокола под куполом, и “околная стена” в восемь углов, — очевидно, галерея, представленная в виде арок под колоколами. При тогдашнем убожестве новгородских колоколен — деревянных на четырех столбах, как мы видели выше, колокольня, устроенная в верху церкви, а в особенности сквозная галерея на втором этаже, представляли новость, и летописец московский не может скрыть своего архитектурного торжества над новгородцами»[31].

Позднее, уже в XX в., на тексты, описывающие храм Григорий Армянского, обратил внимание К.К. Романов, который включил несуществующий, но описанный в летописи храм-колокольню в обзор ситуации в новгородской архитектуре первой половины XVI в, где

---

[29] *Павел Алеппский.* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с арабского Г. Муркоса. М., 2005. С. 464.

[30] *Макарий, архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М., 1860. С. 450.

[31] *Гусев П.Л.* Новгород XVI века по изображению на хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». СПб., 1900. С. 51–53. Рис. XXII.

действовали как местные, так и пришлые (в данном случае — тверские) мастера[32]. Несколько позже тот же исследователь разобрал сообщение о строительстве церкви Григория Армянского и связал его с личностью игумена Феодосия, прибывшего из Иосифо-Волоцкого монастыря и потому связанного с Москвой и Средней Россией[33].

Н.Н. Воронин включил «большего мастера» тверича Ермолу в свои материалы к словарю мастеров-строителей XVI–XVII вв.[34] Несколько позже ученый посвятил разбору летописного текста и архитектуры памятника, который он назвал «Хутынским столпом»[35]. Эта работа выполнена на основе летописной статьи 1535 г., для комментирования которой ученый привлек и изображения на иконе «Видение пономаря Тарасия», и на гравюре Олеария, и описание храма, сделанное Павлом Алеппским. Храм-колокольня был связан с «идеями архиепископа Макария», прославляющими Московское государство.

Наконец, в 1981–1982 гг. этот храм был раскопан экспедицией Ленинградского университета под руководством В.А. Булкина, опубликовавшего ряд сообщений и аналитических статей по результатам исследования[36]. План раскопанного В.А. Булкиным сооружения был опубликован А.М. Салимовым[37]. Археологические раскопки раскрыли большой по размерам памятник с восьмигранным в плане «ядром» (диаметр 12 м) и восьмигранной же галереей с раскрепованными огибающими лопатками углами. Стены были сложены из кирпича. Эти исследования дают возможность убедиться в том, что в экфрасисе довольно точно изображен столпообразный объем с

---

[32] *Романов К.К.* Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Т. IV. 1925. С. 235–236.

[33] *Романов К.К.* К вопросу о влиянии взаимоотношений между строителями и заказчиками на формы зодчества в Новгороде в XV–XVI вв. // Изобразительное искусство. Л., 1927. С. 43, 50–51.

[34] *Воронин Н.Н.* Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII вв. М.; Л., 1934. С. 11, 122.

[35] *Воронин Н.Н.* Хутынский столп 1535 г. // Советская археология. Вып. VIII. М.; Л., 1946. С. 300–305.

[36] *Булкин В.А.* Новые данные о каменных постройках Хутынского и Гостиного двора в Новгорода // Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 10; *Он же.* Раскопки в Хутыни и Юрьеве // Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 9; *Он же.* Храм-колокольня во имя Григория Армянского в Хутынском монастыре под Новгородом // Художественно-исторические памятники Можайска и русская культура XV–XVI веков. Можайск, 1993. С. 32–49; *Он же.* Постройка тверских мастеров в новгородском Хутынском монастыре // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996. С. 85–90.

[37] *Салимов А.М.* Средневековое зодчество Твери и прилежащих земель. XII–XVI века. Т. II. Тверь, 2015. С. 291–321.

внутренним ядром, в котором в первом ярусе располагался храм. Но и не более того: «видимое» в археологических раскопках не только несколько дополняет рассматриваемый экфрасис, но и служит доказательством ограниченности понимания архитектуры по фундаментам и абрису нижней части стен: образ здания на странице летописи оказывается все же более зримым и значительным, чем объективное знание.

Д.А. Петров сначала рассматривал храм Григория Армянского как результат заказа игумена Феодосия и встраивал эту постройку в круг московского влияния, причем подчеркивал, что в этом процессе (который включал и обмен идеями) ведущую роль в Новгороде играл Хутынский монастырь[38]. Чуть позже Д.А. Петров подробно рассмотрел опубликованные источники и дал свою письменную реконструкцию здания («как нам кажется, первый ярус постройки представлял собой окруженное галереей низкое помещение кладовой, второй ярус — собственно столпообразную церковь, третий (ярус звона) был открытым, с колоколами, висящими в проемах стен. На этот ярус, также как и в церковь, попадали, по-видимому, через лестницу в стене»); им разобраны также колокола, упоминаемые в описи 1617 г. Из-за того, что часы не упомянуты в сообщении 1536 г., исследователь считает, что в первоначальной постройке часов не было, а содержащееся в цитированном выше отрывке Новгородской второй летописи под 1536 г. сообщение о том, что в этом здании «колоколница и часы в одном месте», считает более поздним, уже середины XVI в.[39] Это последнее замечание вряд ли верно, поскольку нет оснований отрицать хорошо датированное и ясное сообщение летописи.

В обзорной статье о новгородских храмах, совмещенных с колокольнями, В.А. Ядрышников пишет о «хутынском столпе»: он считает, что образ столпа был взят игуменом Феодосием, переведенным в Новгород из Иосифо-Волоцкого монастыря, из церкви-колокольни Одигитрии в этой обители; исследователь приводит графическую реконструкцию хутынского памятника, сделанную Л.Е. Красноречьевым[40].

---

[38] *Петров Д.А.* К вопросу о механизме культурной интеграции в Московском государстве первой половины XVI в. // Архитектура и культура. Сборник материалов Всесоюзной научной конференции ВНИИТАГ. Ч. I. М., 1990. С. 97–99.

[39] *Петров Д.А.* Часы и связанные с ними архитектурные сооружения в монастырях Новгорода и его ближайших окрестностей в XV–XVI вв. // Новгородские древности /Архив архитектуры. Вып. IV. М., 1993. С. 169–170.

[40] *Ядрышников В.А.* Новгородские храмы «под колоколы» // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. Архитектурно-археологический семинар /Труды Государственного Эрмитажа. XXXIV. СПб., 2007. С. 204–205.

Автор рассматриваемых нами экфрасисов постоянен, он употребляет, как было уже сказано, одни и те же восторженные выражения. Кроме того, он внимателен к тем произведениям, которые предшествовали описанным. Так, в сообщении о Царских вратах Софии он говорит о «прежних дверях», которые «отъ много лѣтъ обетшали и ни которые лѣпоты не имущи», в рассказе о росписи западного фасада Софии Новгородской он говорит о том, что новая роспись заняла место старой, разрушенной по указанию архиепископа Макария: «всѣ то мѣсто, идеже нынѣ настѣнное писано, но отъ многихъ лѣтъ обетщало, архиепископъ то повѣле отъяти, а новое написати».

Понятно, что у созданного по заказу архиепископа Макария амвона «предшественников» не было, так что не о чем было и писать. Но в повествовании о церкви Григория Армянского в Хутынском монастыре есть специальное описание храма-предшественника, располагавшегося в другом месте, но тоже несшего на себе колокола. При этом прежнее здание сравнивается с новым, сравнение в пользу нового снабжено уже как будто слышанным нами указанием на отсутствие красоты у более раннего сооружения, но здесь оно связано не с обветшанием, а с малыми размерами: «понеже не велики и ни которыи лѣпоты не имуще».

Особенно интересным выглядит упомянутое сравнение в связи с тем, что оно показывает не просто оценку постройки летописцем, но позволяет увидеть в сравнении «старое–новое» желание утвердить это «новое». Нужно вспомнить, что специфика развития новгородской архитектуры после присоединения к Москве — в первой трети XVI в. — заключается в одновременном проявлении двух линий: стиля «новгородского» (формирующемся на основании обращения к архитектуре эпохи независимости и, кажется, из-за стремления новгородцев отстоять некую культурную самостоятельность под властью Москвы), и стиля «московского» (представляющего все те формы, что были привнесены в Новгород из московской архитектуры в первую очередь посредством заказов великих князей).

С 1530-х гг. прослеживается всё большее преобладание «московского стиля», что видно при рассмотрении Сретенской церкви Антониева монастыря, Борисоглебской церкви в Плотниках и Хутынской церкви-колокольни. И, как кажется, этим «новым», по мысли летописца, и является «московский стиль», в пользу которого он сравнивает предшествующее здание Хутынского столпа с новым. Следовательно, перед нами не просто летописная запись о строительстве с подробным описанием постройки, но, можно сказать, и авторская

оценка летописцем нового «стиля». Нам представляется уместным сравнить этот прием летописца с первым, как считается, трудом по истории искусств — «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари, написанным парой десятилетий позднее летописных записей. Мы приведем в качестве примера описание жизни Филиппо Брунеллески в тексте Вазари, поскольку творчество архитектора отмечает собою тот же переходный момент: если для Вазари это было утверждение нового архитектурного языка, основанного на обращении к классике (античности), то в новгородской архитектуре это было превознесение нового «стиля», формы которого были привнесены из Москвы. Вазари пишет: «единственной целью его была архитектура, которая в то время уже погибла, — я имею в виду хорошие античные ордера, а не немецкую и варварскую архитектуру, которая была очень в ходу в его время»[41]. Задача этой оценки — противопоставить старое и новое для утверждения нового.

Безусловно, мы должны помнить, что текст Вазари не является точным историческим источником, он домысливает и «сочиняет» некоторые части свое текста для достижения главной своей цели — показать, что, по его мнению, есть предназначение искусства[42]. Кроме того, сочинение Вазари было написано намного позднее жизни всех мастеров, о которых рассказывается в труде. Понятно также, что никакого возрождения античности в Московском государстве и принадлежащем ему Новгороде еще не было.

Тем интереснее выглядит рассматриваемая оценка новгородского летописца: он не просто передает восхищение новой постройкой (о чем уже было сказано выше), а именно утверждает новые вкусы и сравнивает их со старыми («понеже … ни которыи лѣпоты не имуще»).

Не столь содержательным, но, как кажется, не менее значимым становится упоминание новгородским летописцем количества глав при описании вновь построенной церкви. Во второй четверти XVI в., помимо сообщения 1535 г. об одноглавии церкви Григория Армянского в Хутынском монастыре, встречается еще два таких сообщения в Новгородской четвертой летописи по списку Дубровского и в русской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку.

---

[41] *Вазари Дж.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 1–2 /Переведенные с итальянского и комментированные Ю. Верховским, А. Губером, А. Дживелеговым и А. Эфросом. Пред. А.В. Луначарского. Ред. и вступ. статьи А. Дживелегова и А. Эфроса. М; .Л., 1933. С. 271.

[42] *Базен Ж.* История истории искусства: От Вазари до наших дней /Пер. с фр., послесл. и общ. ред. Ц.Г. Арзаканяна. М., 1994. С. 25.

Первое — в статье под 1536 г., сообщающей о строительстве церкви Бориса и Глеба в Плотниках: «Того же лѣта, Божиею милостию, обложили церковь камену святии великомученици Борисъ и Глѣбъ, туто же на полатехъ чюдотворецъ Никола, а в другомъ крилѣ святыи Владимеръ, в Плотинскомъ конце, на старомъ мѣсте церковнемъ; и прежняя бо церквь камена же была о единомъ версе, да и отъ многихъ лѣтъ обветьчала, и они ту ращрушиша до основания, а основания зъ земли не двигнуша, а на томъ основании обложили церковь мѣсяца маіа 14, при благовѣрномъ великомъ князе Иване Васильевиче всеа Руси и при архиепископе Макарии; и Божиею помощию совершиша ю о пяти версехъ въ 5 мѣсяць, и верхъ свели, понеже мастеры были урочные Новгородцкие, 2 десятъ человѣкъ большихъ мастеровъ; и даша отъ дѣла мастеромъ 50 рублевъ и три Новгородцкую; а посталенна бысть и строена двѣма улицы, Заполскою улицою и Конюховою, и всѣмъ приходомъ тое же церкви, Московскими гостьми и Новгородцкими, и всѣмъ народомъ православныхъ людѣи»[43]. Как и при описании Хутынского столпа, летописец сравнивает предшествующую постройку с нововозведенной. Как кажется, к такому сравнению в случае с Борисоглебской церковью летописец прибегает, во-первых, замечая очевидную новизну для новгородской архитектуры пятиглавого храма, пришедшего именно в московский период и выделяющегося на фоне одноглавых новгородских храмов XV — первой четверти XVI в., и, во-вторых, желая подчеркнуть новую архитектурную композицию и, следовательно, новую иконографию верха храма, обладающую особым значением для Московского государства.

Под тем же 1536 г. [7044] с теми же подробностями сообщается о строительстве второй церкви: «Того же лѣта 44-го, июня въ 13 день, основана бысть церковь камена Похвала пречистеи Богородици на старомъ мѣсте церковнемъ и Божиею помощию и по благословению архиепископа Великого Новагорода и Пскова владыкы Макария, совершиша ю о трехъ версехъ, во 4 мѣсяцы, при благовѣрномъ великомъ князе Иване Васильевиче всеа Руси, а повѣлениемъ боголюбива человѣка Аѳонасия Ѳилипова сына, Новгородца с Торговои стороны с Лубяницы, а священна бысть лѣта 7045, в осенинахъ, мѣсяца октября 15; а свящалъ самъ боголюбивыи архиепископъ Макарии, со священики и со дьяконы, молѣбная пѣвъ и святую литургию свершивъ, и одаша хвалу Богу; а мастеръ былъ Новгородецъ, имя ему Игнатѣи сррсреея»[44].

[43] ПСРЛ. Т. VI. С. 300; ПСРЛ. Т. XLIII. С. 239.

[44] Там же.

Прежде в новгородском летописании столь же внимательными наблюдениями было отмечено строительство времени архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского, т.е. середины — третьей четверти XV в., получившее в литературе условное название «реставрационное строительство», поскольку при сообщении о строительстве храмов летописец уточнял, что храм строился «на старои основе» или же «старая изрушилася», «а старая порушилсь». Так, летописец XV в. уточнял технические особенности при строительстве храмов, но не упоминал ни количества глав, ни иных архитектурных черт построек[45]. На этом фоне текст летописца второй четверти XVI в. выглядит особенно необычным, поскольку содержит хоть и краткое, но описание композиции храма.

В новгородских летописях второй четверти XVI в. есть еще одно, хотя и достаточно краткое, описание храма — в связи с постройкой новгородской церкви Филиппа Апостола на Нутной улице. Статья об этом строительстве содержится в трех летописях (в Новгородской четвертой летописи, в Отрывке летописи по Новоиерусалимскому списку, в Новгородской четвертой летописи по списку Дубровского) под 1526 г., все они дают одинаковые сообщения, в которых мы выделяем описание плана: «В лѣто 7035. Мѣсяца сентября во 9 день освященна бысть церковь святыи апостолъ Ѳилиппъ въ Великомъ Новѣграде на Нутнои улице … А строенны церкви святыи апостолъ Ѳилиппъ и святы Николае на одномъ основанiи, двѣма улицы, Нутную и Бардовою, гостьми Московскими и Новгородцкими и всѣми православными християны, иже приходить подъ кровъ тѣхъ церквеи»[46]. В сравнении с летописанием XV в., летописец XVI в. вновь обращает внимание не на техническую сторону строительства («поставлены на старом основании»), а сообщает о форме («строенны церкви … на одномъ основанiи»), подчеркивает объемно-пространственное решение архитектуры церквей: основание (фундамент) у церквей единое, они, с одной стороны, изолированы друг от друга и являются отдельными освященными пространствами, но, с другой, соединены: поскольку две церкви на одном основании, то общей у них оказывается стена, являющаяся северной для одной церкви (Филиппа Апостола) и южной для другой (Никольской)[47]. В то же время интересно, что летописец не сообщает о количестве глав, которые завершают объемы этих церквей. Следовательно, мы

[45] *Антипов И.В.* Указ. соч. С. 215, 237, 240, 247, 251, 264, 272–273.

[46] ПСРЛ. Т. IV. С. 542. См. также: ПСРЛ. Т. VI. С. 282–283; ПСРЛ. Т. XLIII. С. 217.

[47] Об этом храме см.: *Кузмина Н.Н.* Памятник архитектуры XVI в. — церковь Филиппа Апостола и Николая Чудотворца на Нутной улице в Новгороде // История и культура средневекового города. М., 1989. С. 147–158.

вновь видим точное описание летописца, обращенное к конкретному композиционному решению постройки, однако описание это избирательное, не стремящееся представить образ целиком. Может быть, это первая попытка выработать свою манеру, «проба пера» автора последующих описаний.

Еще одно обстоятельство в летописных текстах выдает автора приведенных экфрасисов: он сообщает в статье 1535 г. о происхождении мастеров из Твери, о том, что они делали постройку «уроком», т.е. подрядились строить ее, что очевидно было зафиксировано документально, а также о том, сколько денег было уплачено мастерам и в какие сроки построено здание. В новгородских летописях того же времени есть еще два сообщения о каменном строительстве с упоминанием мастеров, «урока» (подряда), а также выплаченных сумм и сроков строительства.

В 1536 г. в сообщении о строительстве церкви Бориса и Глеба в Плотниках видим похожие сведения и о сроках строительства, и о мастерах, и об «уроке», и о заплаченных им деньгах: «совершиша ю … въ пять мѣсяць и верхъ свели; понеже мастеры были урочные Новогородские, 20 человѣкъ болшихъ мастеровъ, и даша отъ дѣла мастеромъ пятьдесять рублевъ и три Новогородскую»[48].

Отметим, что в сообщении о строительстве храма в Хутынском монастыре упоминается один «большой мастер» — Ермола, а здесь «больших мастеров» уже двадцать, и их имена не упоминаются. Значит ли это, что у новгородских строителей сохранялось коллективное руководство, а у ближе связанных с Московским государством тверских мастеров было уже единоначалие, — сказать трудно.

В сообщении 1537 г. о постройке притвора той же церкви Бориса и Глеба в Плотниках снова упоминаются мастера, на этот раз новгородские, а также «урок» и выплаченная сумма: «а дѣлали иа урокъ Новогородские мастеры 10 человѣкъ, а взяли отъ него полъ-13 рубля Новогородские, а сдѣлали въ два мѣсяца и въ три дни»[49].

Мы видим, что начало деятельности автора экфрасисов относится к 1527/1528 г. (экфрасис Царских врат, украшениях икон Софии Новгородской и настенной росписи западного фасада собора), затем мы находим его сообщение 1533 г. (экфрасис амвона Софии Новгородской), наконец, его же руке, по нашему мнению, принадлежит сообщение 1535 г. о строительстве церкви-колокольни в Хутынском монастыре (экфрасис церкви Григория Армянского). Сообщения 1536 и 1537 гг. показывают некоторые схожие с перечисленными экфрасисами формы или набор сведений. Это может означать, что

[48] ПСРЛ. Т. VI. С. 300.

[49] Там же. С. 303.

сочинитель экфрасисов не только был причастен к составлению новгородской летописи с 1527/1528 по 1535 г. (это понятно), но и продолжил свою деятельность в 1536–1537 гг.

Необходимо попытаться ответить на вопрос: точно ли этих экфрасисов три или есть еще что-то подобное в составе новгородских летописей?

В сообщении 1535 г. в Новгородской четвертой летописи по списку Дубровского и в Отрывке русской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку говорится о создании новой раки для мощей митрополита Алексия: «Того же лѣта. Благоволѣниемъ Божьим … государь князь велики Василѣи Ивановичь всея Руси повѣлѣ устроити чюдотворцу Алексѣю раку сребряну, и самого чюдотворца **устроити на верхнеи дс[к]ы отъ сребра во всемъ сану, како святители служить, златомъ и камениемъ драгимъ украсити ю и бисеромъ**; и восершенна бысть рака сия по преставлени его къ Богу в лѣто 7043 …»[50]; «Благоволениемь Божіимъ и молтвами пречистые его Матере, и благословениемъ господина пресвященнаго митрополита Данила, благовѣрный и христолюбивый государь князь великий Василей Ивановичь всеа Русии повелѣ устроити чюдотворцу Алексѣю раку сребрену и самого чюдотворца **устроити на владычнѣ дцки отъ сребра во всемъ сану, како государи служатъ, златомъ и камениемъ драгимъ украсити ю и бисеромъ.** И совершена бысть рака сия по преставлении его къ Богу, въ лѣто 7043, въ царство сына его благовѣрнаго и христолюбиваго великого князя Ивана Васильевича всеа Русии государя самодръжца, въ третие лѣто государства его, и при его христолюбивой матере великой княинѣ Еленѣ; и положено бысть въ сию честную раку со псалмы п пѣснми чюдотворное и многоцѣлебное тѣло чюдотворца Алексѣя, тое же зимы, па пречестную его память честнаго его успения, мѣсяца февраля въ 12 день, на первой недѣлѣ великого поста съ четверга на пятницу, въ 2 часъ нощи»[51]. Вновь новгородский летописец с большим вниманием к деталям описывает раку, хоть и без привычных восхищений, без «велми чюдно» и тому подобных выражений. Из приведенных экфрасисов мы понимаем, что крышка раки была выполнена из серебра, на ней был создан образ митрополита из золотых элементов, драгоценных камней и бисера.

Однако о выполнении новой раки сообщается и в московских Никоновской и Львовской летописях под тем же 1535 г.: «И съ многымъ моленіемъ и радостною душею обѣты сердца своего исполнити

[50] ПСРЛ. Т. XLIII. С. 235.

[51] ПСРЛ. Т. VI. С. 295.

хотя святымъ чюдотворцемъ, ракы мощемъ ихъ повелѣ дѣлати съ всякымъ царскымъ устроениемъ: святому и великому Петру чюдотворцу раку **злату вычеканити, и образъ златъ Петра чюдотворца, и каменіемъ драгымъ украсити, а страны у ракы сребряны**; а святому Алексію чюдотворцу раку **сребряну всю**, **и на ракѣ образъ его позлатити, и столпцы у ракы позлатити же**. Въ лѣто 7039-го, мѣсяца Генваря, въ двадесять шестое лѣто государства его, начала дѣлати ракы святымъ, и до дѣлаша раку святаго и великаго чюдотворца Алексіа въ лѣто 7043, мѣсяца Ѳевруаріа, … и поставиша раку съ мощьми святаго въ храмѣ, идѣже бѣ первіе»[52].

Новгородское летописное описание раки не уникально, поскольку встречается и в московских летописях того же времени, но всё же эти сообщения не идентичны. Во-первых, московский летописец сообщает о выполнении двух таких рак — митрополита Петра и митрополита Алексия. Во-вторых, уточняется, что раки были заказаны еще в 1531 г., следовательно, великим князем Василием Ивановичем. В-третьих, московское описание раки Алексия чуть более краткое: говорится о создании раки полностью из серебра, наличии на раке образа митрополита и позолоченных ножек раки. Получается, что рассматриваемый новгородский экфрасис не был уникальным известием, однако если новгородский летописец и следовал в описании раки за московским летописцем, то всё же не повторял его полностью: он обращает внимание на иные художественные особенности, подробнее сообщает о материалах, использованных при украшении раки. Как кажется, московскому летописцу было важно отразить общий образ раки: выполнена из серебра, с изображением митрополита на крышке раки, позолоченные ножки. Новгородский же летописец внимателен к декоративным деталям и к тому, как исполнен образ митрополита: «на владычнѣ дцки отъ сребра во всемъ сану, како государи служатъ» и «златомъ и камениемъ драгимъ украсити ю и бисеромъ». Отметим еще раз цепкость и внимательность взгляда новгородского летописца.

Следует заметить, что сами новгородские экфрасисы усложняются со временем: первый еще достаточно прост, второй детальнее и внимательнее, третий — самый сложный и «зоркий» к форме и деталям.

В последовательности рассказов, в точности указания мест и в постоянстве обращения к прошлому по принципу «было–стало»

[52] ПСРЛ. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). М., 2000. С. 92; ПСРЛ. Т. XX. Львовская летопись. М., 2005. С. 428.

автор приведенных экфрасисов не имеет себе равных в литературе своего времени. Это не только выделяет его, бывшего, очевидно, сподвижником Новгородских архиепископов Макария (1526–1542) и Феодосия (1542–1563), среди литераторов своего времени, но и заставляет нас считать его одним из первых книжников, у которых сказалось изменение угла зрения: от простой констатации и некоторых замеченных деталей он переходит если не к полному описанию, то к беглому наброску, в котором, однако, проступает и форма, и число, и материал, и (редко) художественная особенность произведения.

Кто являлся автором этих экфрасисов, мы не знаем. Вероятнее всего, это был не только сподвижник названных митрополитов, но и образованный книжник, однако из текста летописи его образ не проступает. Мы видим особый взгляд, сосредоточенный на вещах и зданиях, видим склонность к чисто литературному украшательству — и не более того.

Указанные сообщения встречаются на отрезке с 1527 по 1537 г., т.е. принадлежат к тому времени, когда архиепископом Новгородским был Макарий, в 1542 г. ставший митрополитом Московским. Новым Новгородским архиепископом стал один из заказчиков церкви Григория Армянского в Хутынском монастыре, игумен этой обители Феодосий, происходивший из Иосифо-Волоцкого монастыря. При этом владыке были произведены работы по обустройству придела Усекновения главы Иоанна Предтечи в темнице, расположенного в северной части Софийского собора. В этом приделе находились и находятся мощи двух архиепископов Новгородских, Иоанна и Гавриила[53]. Вот как об этом рассказывает под 1547 (сентябрь 7056) г. Новгородская вторая летопись: «В лѣто 7056-го. Мѣсяца сентябрь 7 день свящали церковь во владычнѣ двори усѣкновение честныя главы Ивана Предотечю темницу, архиепископъ Феодосеи гробъ украси святителя божиа Иоанна архиепископа, церковъ всю понови, и двери на сторонѣ придѣла, иконамъ церковь украси и основавъ церкви придѣла сторонии болшии»[54]. Из этого чуть сбивчивого или испорченного сообщения ясно, что боковой («сторонний») придел Софийского собора был расширен, в нем были сделаны или пробиты новые двери, он был снабжен иконами, а гроб архиепископа Иоанна был украшен. В целом это известие выглядит как спокойная констатация еще одних работ по благоустройству и отделке кафедрального собора.

[53] *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 158–168.

[54] ПСРЛ. Т. XXX. С. 151.

Вторая новгородская летопись как будто была рассыпана и собрана в неверном порядке, кто-то перепутал листы с сообщениями, и еще одно известие о работах в северном приделе Софии содержится в той же летописи, но через несколько страниц. Эта летописная статья и много подробнее, и яснее в деталях, и уже приближается к экфрасису:

«При семъ же архиепископе Феодосии лѣта 7056 и в тои церкви во святомъ Ионне предотеча в темници архиепископъ Феодосии подпоры древеныи ис церкви выметал да своды каменые доспѣлъ да надъ гробомъ чюдотворцовымъ доспѣлъ теремци каменые да и церкву всю выбелил да и двери пробил на сиверную страну против чюдотворцова граба да и окон в церкви и в олтари прибавил да иконами и свѣщами и книгами церковь украсилъ, а чюдотворца Ионна написал да и сребромъ всю икону обложил да и позолотил да и гривнои золатые и серебрены к образу чюдотворцову приложил. То же лѣта 56 архиепископъ Феодосеи у гроба чюдотворцова свѣщу негасимую поставил»[55]. Тут уже ясно гораздо больше: деревянные подпоры заменяются сводами, над гробом святителя сделаны теремци (кивории?), придел внутри выбелен, к северу пробита дверь, церковь убрана иконами, а количество окон увеличено («окон ... прибавил»). Это почти экфрасис, по характеру он близок рассмотренным в статье сообщениям, но всё же полноценным экфрасисом его назвать нельзя: это скорее сдержанное пространное сообщение, повествующее о незаурядных работах.

Однако имеется еще одно сообщение о тех же работах, содержащееся в Новгородской четвертой летописи по списку Н.К. Никольского, где есть несколько не повторяющихся в других новгородских летописях известий. Под 1547 (7055) г. здесь говорится о перестройке придела Иоанна Предтечи «в темнице», и вдруг мы отмечаем в нем и знакомое нам по более ранним сообщениям, содержащим экфрасисы, выражение «велми чюдно», а также точные указания на устройство новых дверей и со стороны дьячьего двора (т.е. с севера), и со стороны собственно собора, и на сооружение нового надгробия, и на пробитие нового, «великого» (большого, широкого) окна с северной стороны (со стороны того же дьячьего двора). Вот это сообщение полностью: «[Л]ѣта 7055-го. Въ исходѣ лѣта владыка Феодосии повелѣ сътворити въ придѣли святѣи Софѣи, въ святомъ Иоаннѣ Предтечи, рекше в темници, двери в церковь отъ дьячего двора, а другые въ святую Софѣю; и надгробие оустрои надъ гробомъ Иванна архиепископа Новгородцкаго велми чюдно; и окно сотвори ве-

[55] ПСРЛ. Т. XXX. С. 177.

лико отъ дьчего двора; и свяща ю лѣта 7056-го, в началѣ индикта, мѣсяца семтября 7, на память святаго мученика Созонта, и повелѣ быти вседневнои (службе, — *В.С., К.О.*)»[56].

Есть довольно значительные основания думать, что перед нами сообщение, написанное тем же новгородским книжником, цепко и ясно видевшим создаваемые в Новгороде новые комплексы церковных украшений и зданий. Если это так, то интересующий нас книжник работал с 1527 по 1547 год и создал не три, а с учетом рассказа о раке митрополита Алексея и обустройстве придела Иоанна Предтечи в Новгородской Софии, пять экфрасисов. Но всё же эти два последних текста представляют собой слишком краткие известия, в которых не так сказалось то новое, что выразилось в трех основных экфрасисах новгородского летописца.

Это новое состояло в том, что можно назвать словесным «ощупыванием» описываемых предметов, в несомненном чувстве формы, которое проявилось в рассматриваемых текстах. Все рассмотренные особенности — «новое» — принадлежат уже тому периоду, который смело можно назвать поздним Средневековьем, в котором просыпается интерес и к описанию, и к резонерству, и, главное, к историческому контексту, к соотношению настоящего и прошлого. В приведенных текстах этот своеобразный начальный историзм заметен и составляет, вместе с пониманием формы, особенность одних из первых древнерусских экфрасисов, созданных в Новгороде в первой половине XVI столетия.

References

Antipov I.V. *Novgorodskaya arkhitektura vremeni arkhiepiskopov Yefimiya II i Iony Otenskogo* [Novgorod Architecture in the Time of Archbishops Euphemios II and Iona Otensky]. Moscow: Indrik, 2009. 367 p.

Batalov A.L. *Sobor Pokrova Bogoroditsy na Rvu: istoriya i ikonografiya arkhitektury* [The Cathedral of the Intercession of the Virgin on the Moat: History and Iconography of Architecture]. Moscow: Lingva-F, 2016. 468 p.

Bazin G. *Istoriya istorii iskusstva: ot Vazari do nashikh dney* [Histoire de l'histoire de l'art: de Vasari à nos jours] /Ed. by Ts.G. Arzakanyan. Moscow: Progress-Kultura, 1994. 524 p.

Bobrinskiy A.A. *Narodnye russkie derevyannye izdeliya. Predmety domashnego, khozyaystvennogo i otchasti tserkovnogo obikhoda* [Folk Russian Wooden Artifacts. Household, Economic, and Partly Ecclesiastical Objects]. Issue. 12. Moscow: Tovarishchestvo skoropetchatni A.A. Levensona, 1914. 8 p., 37 plates.

Bulkin V.A. *Novye dannye o kamennykh postroykakh Khutynskogo monastyria i Gostinogo dvora v Novgorode* [New Data on Stone Structures of the Khutyn Mo-

[56] ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 621.

nastery and the Gostiny Dvor in Novgorod] // *Arkheologicheskiye otkrytiya 1981 goda* [Archaeological Discoveries of 1981]. Moscow: Nauka, 1983. P. 10–11.

Bulkin V.A. *Postroyka tverskikh masterov v novgorodskom Khutynskom monastyre* [Building by Tver Masters in the Novgorod Khutyn Monastery] // *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu Srednevekov'ya* [Tver, Tver Land, and Neighboring Territories in the Medieval Period]. Vol. 1. Tver: Tverskoy nauchno-issledovatelskiy istoriko-arkheologicheskiy i restavratsionnyy tsentr, 1996. P. 85–91.

Bulkin V.A. *Raskopki v Khutyni i Yur'yeve* [Excavations in Khutyn and Yurievo] // *Arkheologicheskiye otkrytiya 1982 goda* [Archaeological Discoveries of 1982]. Moscow: Nauka, 1984. P. 8–9.

Bulkin Val.A. *Khram-kolokol'nya vo imya Grigoriya Armyanskogo v Khutynskom monastyre pod Novgorodom* [The Church-Bell Tower in Honor of St. Gregory of Armenia in the Khutyn Monastery near Novgorod] // *Khudozhestvenno-istoricheskiye pamyatniki Mozhayska i russkaya kul'tura XV–XVI vekov* [Artistic and Historical Monuments of Mozhaysk and Russian Culture of the 15th and 16th Centuries]. Mozhaysk: [s. n.], 1993. P. 32–49.

Charykova K.S. *O vtorom nazvanii novgorodskogo amvona ("Khaldeyskaya peshch") i Peshchnom deystvii* [On the Second Name of the Novgorod Pulpit ("Chaldean Cave") and the Cave Act] // *Iskusstvo Velikogo Novgoroda. Epokha sviatitelia Makariya* [The Art of Great Novgorod. The Era of Saint Macarius]. Saint Petersburg: Palace Editions, 2016. P. 197–202.

Delvoye Ch. Ambo // Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. Lieferung 1. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1963. P. 126–133.

Dennert M. Mittelbyzantinische Ambone in Kleinasien // Istanbuler Mitteilungen. Bd. 45. Berlin: Ernst Wasmuth Verlag, 1995. S. 137–147.

Gordienko E.A. *Novgorod v XVI veke i ego dukhovnaya zhizn'* [Novgorod in the 16th Century and Its Spiritual Life]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2001. 466 p.

Gordienko E.A. *Predaltarniy amvon i Khaldeyskaya peshch' XV–XVI vekov v Ustave Novgorodskogo Sofiyskogo sobora* [A Pulpit in Front of the Altar and the Chaldean Cave in the 15th and 16th Centuries in the Rule of St. Sophia Cathedral in Novgorod] // *Vspomogatel'nye istoriyeiskie distsipliny*. Vol. 38. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2019. P. 181–201.

Gusev P.L. *Novgorod XVI veka po izobrazheniyu na khutynskoy ikone "Videniye ponomarya Tarasiya"* [Novgorod of the 16th Century as Depicted on the Khutyn Icon "Vision of the Sexton Tarasius"]. Saint Petersburg: Tipografiya A.P. Lopukhina, 1900. 62 p.

Klyukanova O.V. *Amvon novgorodskogo Sofiyskogo sobora 1533 goda. Khudozhestvennoe svoeobrazie, zamysel, interpetatsiya* [The 1533 Pulpit of St. Sophia Cathedral in Novgorod. Artistic Specificity, Concept, Interpretation] // *Iskusstvo Velikogo Novgoroda. Epokha sviatitelia Makariya* [Art of Great Novgorod. The Era of Saint Macarius]. Saint Petersburg: Gosudarstvenniy Russkiy Muzey, 2016. P. 163–193.

Klyukanova O.V. *Novgorodskiy amvon 1533 g.* [The Novgorod Pulpit of 1533] // *Drevnerusskoye iskusstvo. Russkoye iskusstvo pozdnego srednevekov'ya: XVI vek* [Early Russian Art. Russian Art of the Late Middle Ages: 16th Century]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003. P. 378–379.

Kuzmina N.N. *Pamyatnik arkhitektury XVI v. — tserkov' Filippa Apostola i Nikolaya Chudotvortsu na Nutnoy ulitse v Novgorode* [Architectural Monument of the 16th Century — The Church of St. Philip the Apostle and St. Nicholas the Wonderworker

on Nutnaya Street in Novgorod] // *Istoriya i kul'tura srednevekovogo goroda* [History and Culture of the Medieval City]. Moscow: Izdatelstvo MGU, 1989. P. 147–158.

Macrides R., Magdalino P. The Architecture of Ekfrasis: Construction and Context of Paul the Silentiary's Poem on Hagia Sophia // Byzantine and Modern Greek Studies. Vol. 12. 1988. P. 47–82.

Magdalino P. Manuel Komnenos and the Grate Palace // Byzantine and Modern Greek Studies. Vol. 4. 1978. P. 101–114.

Maguire H. The Beauty of Castles: A Tenth Century Description of a Tower at Constantinople // Δελτίον ΧΑΕ. Τ. 17. 1994. P. 21–24.

Makariy, arkhim. *Arkheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostey v Novgorode i ego okrestnostyakh. Ch. 1, 2* [Archaeological Description of Church Antiquities in Novgorod and Its Surroundings. Part 1, 2]. Moscow: Tipografiya V. Got'e, 1860. Part 1. 654 p.; Part 2. 358 p.

Makariy, archim. *Opis' Novgorodskogo Spaso-Khutynskogo monastyrya, 1642 goda* [Inventory of the Novgorod Spaso-Khutyn Monastery, 1642] // *Zapiski Imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Archaeological Society]. Vol. IX. Issue 2. Saint Petersburg: Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1857. P. 406–557.

Orlova M.A. *Naruzhnye rospisi srednevekovykh khramov. Vizantiya. Balkany. Drevnyaya Rus'* [Exterior Paintings of Medieval Churches. Byzantium. The Balkans. Ancient Rus']. Moscow: Severnyy palomnik, 2002. 288 p.

Petrov D.A. *Chasy i svyazannye s nimi arkhitekturnye sooruzheniya v monastyryakh Novgoroda i ego blizhayshikh okrestnostey v XV–XVI vv.* [Clocks and Related Architectural Structures in the Monasteries of Novgorod and Its Nearest Surroundings in the 15th and 16th Centuries] // *Novgorodskie drevnosti /Arkhiv arkhitektury* [Novgorod Antiquities /Archive of Architecture]. Issue IV. Moscow: Obshchestvo istorikov arkhitektury, 1993. P. 169–170.

Petrov D.A. *K voprosu o mekhanizme kul'turnoy integratsii v Moskovskom gosudarstve pervoy poloviny XVI veka (stroitel'stvo v Novgorodskom Khutynskom monastyre)* [On the Mechanism of Cultural Integration in the Moscow State in the First Half of the 16th Century (Construction in the Novgorod Khutyn Monastery)] // *Arkhitektura i kul'tura. Sbornik materialov Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii VNIITAG* [Architecture and Culture. The *Acta* of the All-Union Scientific Conference of VNIITAG]. Part I. Moscow: VNIITAG, 1990. P. 93–101.

Pronshtein A.P. *Velikiy Novgorod v XVI veke. Ocherk sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii russkogo goroda* [Great Novgorod in the 16th Century. An Essay on the Socio-Economic and Political History of a Russian City]. Kharkov: Izdatelstvo Kharkovskogo universiteta, 1957. 288 p.

Romanov K.K. *K voprosu o vliyanii vzaimootnosheniy mezhdu stroitelyami i zakazchikami na formy zodchestva v Novgorode v XV–XVI vv.* [On the Influence of Relations Between Builders and Clients on the Forms of Architecture in Novgorod in the 15th and 16th Centuries] // *Izobrazitel'noe iskusstvo* [Visual Art]. Leningrad: ACADEMIA, 1927. P. 29–58.

Romanov K.K. *Pskov, Novgorod i Moskva v ikh kul'turno-khudozhestvennykh vzaimootnosheniyakh* [Pskov, Novgorod, and Moscow in Their Cultural-Artistic Interactions] // *Izvestiya Rossiyskoy akademii istorii material'noy kul'tury* [Proceedings of the Russian Academy of the History of Material Culture]. Vol. IV. Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. P. 209–241.

Salimov A.M. *Srednevekovoye zodchestvo Tveri i prilezhashchikh zemel. XII–XVI veka* [Medieval Architecture of Tver and Adjacent Lands. From the 12th through the 16th Centuries]. Vol. 2. Tver: FGBOU VPO "GASK", 2015. 678 p.

Sarabyanov V.D. *Ikonostas Sofii Novgorodskoy 1509 goda: novgorodskaya osnova i moskovskiye traditsii* [The 1509 Iconostasis of St. Sophia of Novgorod: Novgorod Foundation and Moscow Traditions] // *Ot Tsar'grada do Belogo morya. Sbornik statey po srednevekovomu iskusstvu v chest' E.S. Smirnovoy* [From Constantinople to the White Sea. Collection of Articles on Medieval Art in Honor of E.S. Smirnova]. Moscow: Severnyy palomnik, 2007. P. 485–526.

Shalina I.A. *Novgorodskie ikonopistsy i "khitretsy" epokhi vladyki Makariya* [Novgorod Iconographers and "Cunning Ones" of the Time of Archbishop Macarius] // *Iskusstvo Velikogo Novgoroda. Epokha sviatitelia Makariya* [The Art of Great Novgorod. The Era of Saint Macarius]. Saint Petersburg: Palace Editions, 2016. P. 4–159.

Vinogradov A.Yu., Zakharova A.V., Chernoglazov D.A. *Khram Svyatoy Sofii v svete vizantiyskikh istochnikov* [The Church of St. Sophia in the Light of Byzantine Sources]. Saint Petersburg: Pushkinskiy Dom, 2018. 485 p.

Voronin N.N. *Khutynskiy stolp 1535 g.* [The Khutyn Pillar of 1535] // *Sovetskaya arkheologiya*. Vol. VIII. 1946. P. 300–305.

Voronin N.N. *Ocherki po istorii russkogo zodchestva XVI–XVII vv.* [Essays on the History of Russian Architecture of the 16th and 17th Centuries]. Moscow; Leningrad: OGIZ, 1934. 129 p.

Xidis S.G. The Chancel Barrier, Solea and Ambo of Hagia Sophia // The Art Bulletin. March 1947. Vol. XXIX. N 1. P. 1–24.

Yadryshnikov V.A. *Novgorodskie khramy "pod kolokoly"* [Novgorod Churches "Under Bells"] // *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage]. Vol. XXXIV. *Izucheniye i restavratsiya pamyatnikov drevnerusskoy arkhitektury i monumental'nogo iskusstva. Arkhitekturno-arkheologicheskiy seminar* [Study and Restoration of Monuments of Early Russian Architecture and Monumental Art. Architectural-Archaeological Seminar]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2007. P. 201–213.

Yanin V.L. *Nekropol' Novgorodskogo Sofiyskogo sobora. Tserkovnaya traditsiya i istoricheskaya kritika* [The Necropolis of St. Sophia Cathedral in Novgorod. Church Tradition and Historical Criticism]. Moscow: Nauka, 1988. 239 p.

Zubov V.P. *Vizantiyskiy arkhitektor (po dannym literaturnykh istochnikov)* [Byzantine Architect (According to Literary Sources)] // Zubov V.P. *Trudy po istorii i teorii arkhitektury* [Works on the History and Theory of Architecture]. Moscow: Iskusstvovedenie, 2000. P. 20–141.

Поступила в редакцию
12 декабря 2024 г.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ в 2024 г.

Стр.

Абрамова Н.Г., Голиков А.Г. Творческое наследие академика И.Д. Ковальченко (к 100-летию со дня рождения ученого) ..... № 1 107–122

Абрамова Н.Г., Голиков А.Г., Круглова Т.А. Хранитель университетских традиций. К 100-летию со дня рождения профессора А.В. Муравьёва ..... № 2 63–82

Айрапетов О.Р., Городилова Л.А., Полунов А.Ю. Политика России на Дальнем Востоке и «буддийский вопрос» в воззрениях российского общества и деятельности властей (вторая половина XIX — начало XX в.) ..... № 3 45–66

Андреев Н.Д. Африканские мигранты в Австрии в начале 2020-х гг.: официальная политика, ее восприятие переселенцами и опыт их натурализации ..... № 3 139–155

Андронов И.Е. Политические и философские идеи Винченцо Джоберти (1801–1852) ..... № 1 26–40

Багратиони фон Брандт Е.А. Скульптуры группы «Восьми легионов» (734 г.) из Храма Кофукудзи в Нара ..... № 3 171–191

Байбакова Л.В., Белоусов Л.С. Эволюция методологии политической истории США в условиях антропологического поворота .... № 6 61–83

Барыкина И.Е. Изучение истории личной библиотеки: к постановке проблемы ..... № 1 123–134

Бахматова М.Н. Плюрализм и диалог в духовном наследии римских пап Иоанна XXIII и Павла VI ..... № 5 118–132

Башкирова М.А. Образ крепости в русской архитектуре последней трети XVIII в.: история вопроса и проблема метода ..... № 2 179–192

Баязитова Г.И. «Самодержавие есть наилучшее правление»: к вопросу о понятийном аппарате трактата «Политика, почерпнутая из Священного Писания» Ж.- Б. Боссюэ (проблемы русского перевода) ..... № 3 27–44

Белоусов Л.С. Юбилей исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова ..... № 4 3–15

Белянкин Ю.С. Инскрипции XVII в. круга «боголюбцев»: новые разыскания ..... № 2 19–31

Богомолов И.К. Кинематографическая цензура в России в годы Первой мировой войны ..... № 5 70–96

Бородкин Л.И. Трехмерное моделирование в задачах компьютерной реконструкции культурного наследия: опыт Московского университета ..... № 6 84–104

Вартанова Е.Л., Андреев Д.А., Денисова Г.В., Смирнова О.В., Гладкова А.А. Конфликт и медиа: взаимодействие и взаимовлияние в контексте сохранения исторической памяти ..... № 3 156–170

Васильева В.В. Диалог текста и образа в шести живописных иллюстрациях Юло Соостера для издания «Наука и человечество» 1962 г. . . . . № 1 188–204

Виноградов А.П. Неизвестная Табель о рангах . . . . . № 5 14–26

Володихин Д.М. Летописные и разрядные источники о причинах опалы, возложенной на князей Воротынских в 1562 г. . . . . № 5 3–13

Гаврилова О.А. Блокадный «рацион»: особенности общественного питания Ленинграда в 1942–1943 гг. . . . . № 3 67–93

Гаврилюк С.М., Шепко Л.Г. Городское пространство и архитектура как исторический источник в зарубежном антиковедении начала XXI в. . . . . № 1 161–187

Елизаров С.А. Местные советы Белорусской ССР в период «развитого социализма» (1965–1984): коммуникация номенклатур . . . . . № 5 133–151

Ерошкина О.Н., Зотова А.В. Ленинская концепция мировой социалистической революции и интернациональное воспитание студентов в советских педагогических вузах в 1920–1930-е гг. . . . . № 4 102–122

Иванов А.А. Н.Е. Марков в годы Второй мировой войны: неизвестные страницы биографии . . . . . № 2 32–50

Иванов А.В., Смуров А.В., Снакин В.В., Богданов В.П. Мобильно-сетевой молодежный музей Московского университета: контуры концепции и принципы развития на этапе становления . . . № 3 3–26

Казьмина О.Е., Соловей Т.Д. Российская этнология сквозь призму университетской науки. . . . . № 6 126–150

Камаева (Буреева) Е.В. Денежно-вещевые лотереи ВЛКСМ как источник пополнения бюджета Комсомола в 1957–1985 гг. . . . . № 2 83–96

Канторович А.Р. Кафедра археологии исторического факультета МГУ: традиции и современность . . . . . № 6 170–202

Карагодин А.В. Дачный поселок «интеллигентных тружеников» Батилиман на Южном берегу Крыма в начале XX в. . . . . № 4 77–101

Карпов С.П. Причерноморье и Византия в XIII–XV веках: результаты новых изысканий. . . . . № 6 3–23

Козлова Н.В., Горюшкина Л.П., Калинин М.В., Лаушкин А.В., Матасова Т.А., Тарасов А.Е., Хитров Д.А., Шемякина О.Д. Жизнь кафедры истории России до начала XIX века в 1960-е — 1980-е гг. по протоколам ее заседаний. . . . . № 3 110–126

Козлова Н.В., Хитров Д.А. К вопросу о понятиях «город», «городское население», «городская сеть» середины XVIII века в историографии и представлениях современников . . . . . № 6 24–46

Кузьмичева А.Е. «Мы имеем дело с весьма определенным поворотом в политике Польши»: реакция СССР на «новый курс» Варшавы в свете визита Ю. Бека в Москву в 1934 г. . . . . № 4 123–142

Ладынин И.А. Манефон о военной истории Египта II тыс. до н.э.: «кейс Сесостриса» (Manetho. Frgg. 34–36) . . . . . № 2 3–18

Леонтьев Я.В. Политическая биография Якова Брауна (1889–1937) . . . . . № 1 41–69

Лиджиева И.В. Институт приставства в системе управления окраинами Российской империи. . . . . № 5 47–69

Львова Э.С. Антропология и религиоведение: взаимосвязь «народных» верований и мировых религий вчера и сегодня (на примере народов Африки южнее Сахары) ..... № 1 135–160
Манькин А.С., Сетов Р.А., Соловьев С.В. Новое измерение «холодной войны»: американские проекты милитаризации космоса (1957–1963) ..... № 4 143–166
Матасова Т.А. Можно ли укротить море? Образ бурной морской стихии в памятниках русской книжности и народном сознании (XIII–XVIII вв.) ..... № 4 16–38
Матвеев Г.Ф., Ненашева З.С. Кафедра истории южных и западных славян: важнейшие итоги работы и перспективы развития № 6 47–60
Минкова К.В. «Путь к мировой экономике изобилия» и президентство Л. Джонсона ..... № 4 167–176
Михальченко С.И. Российский период академической карьеры историка А.В. Соловьева (1910-е годы): начало пути в науку ..... № 2 51–62
Морозан В.В. Образование Кишиневской и Хотинской епархии (1813) ..... № 4 39–56
Наумов Н.Н. Отношение к греховности в гуситской и антигуситской идеологии первой трети XV в. ..... № 1 3–25
Омельянчук И.В. О причинах популярности монархических идей на Волыни в начале XX в. ..... № 4 57–76
Орлов С.В. О факторной модели изучения истории развития информационного общества в Москве (1990–2010 гг.) ..... № 3 127–138
Подейко В.А., Робышев В.О., Солопова О.В., Роева-Мкртчян Е.Б. Исторические предпосылки и особенности изменений российских подзаконных нормативных правовых актов в отношении правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в 2024 г. ..... № 5 152–167
Поправко Е.А. Тыловое обеспечение Крымской операции 1944 г. в документах 4-го Украинского фронта, Отдельной Приморской армии и мемуарах участников ..... № 3 94–109
Раевская О.В., Миньяр-Белоручева А.П., Ясненко И.П., Княжинская Е.В. Иностранные языки в университетском историческом образовании ..... № 6 151–169
Седов Вл.В., Овчаренко К.А. Параллельные тексты в истории древнерусского искусства: три новгородских экфрасиса второй четверти XVI века ..... № 6 203–233
Солопова О.В. Сотрудничество российских и белорусских историков: опыт учебно-научного направления «Белорусоведение, история Беларуси и белорусской диаспоры» исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова ..... № 6 105–125
Солопова О.В., Демидова Е.Е., Веракса А.Н., Козополянская-Соловьева А.В., Робышев В.О., Роева-Мкртчян Е.Б., Солопов А.П., Дранова М.В. Историко-географический ландшафт миграций в Россию из стран ближнего зарубежья в конце XX — начале XXI в. Взгляд изнутри ..... № 2 120–151
Сунь Ичжи, Гузей Я.С. Модернизация транспортной инфраструктуры Китайско-Восточной железной дороги: создание почтово-телеграфной системы вдоль Кайдаловской ветви на рубеже XIX–XX вв. ..... № 1 70–85

Суслопарова Е.А. Женское лейбористское движение в Великобритании в межвоенный период. . . . . № 1 86–106
Торцова О.Ю. История строительства синагоги в посаде Бежунь Плоцкой губернии . . . . . № 5 168–179
Устьянцев Г.Ю., Ананьев А.А., Синицына Ю.В., Федорова О.В., Хомченкова И.А., Насырова Р.Р. Этнологический и лингвистический аспекты идентичности марийских этноактивистов. Самосознание и языковые практики. . . . . № 2 97–119
Филимонова М.А. Оссиан и Война за независимость США: американская тема в политических произведениях Джеймса Макферсона . . . . . № 5 27–46
Хорошева А.В. Поездка футболистов из Харькова в Германию в 1925 г. в контексте развития международных спортивных связей. . . . № 5 97–117
Шинаков Е.А., Рябческий Н.Г., Иванчей С.А. Археолого-нумизматические свидетельства событий последней трети XIV в. на юге Карачевского княжества (бассейн р. Навля) . . . . . № 2 152–178
Юденкова Т.В. Коллекция И.А. Морозова: русский контекст и пути русского искусства . . . . . № 4 177–206

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» публикует статьи и материалы по отечественной и всеобщей истории, истории искусства, источниковедению, историографии и вспомогательным историческим дисциплинам, этнологии, археологии, архивные документы с научными комментариями, информацию о научных мероприятиях с участием сотрудников исторического факультета МГУ.

Страницы журнала открыты для дискуссий, поэтому его содержание может не отражать точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий, статистических и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» выходит один раз в два месяца. При перепечатке материалов журнала в другом издании ссылка на первую публикацию обязательна.

Требования к оформлению статей:

– текстовой редактор: Microsoft Word;
– шрифт: Times New Roman (Times New Roman Cyrillic), 12 кегль;
– полуторный междустрочный интервал (как в тексте, так и в сносках);
– сноски: нумерация сквозная, расположение постраничное, шрифт — 10 кегль, фамилии авторов выделяются курсивом.

Текст представляется в редакцию по электронной почте (scobo_chka2@mail.ru) или на usb-накопителе без компьютерных вирусов.

Объем статьи — не более 32 тыс. знаков с пробелами для аспирантов, не более 60 тыс. знаков с пробелами — для преподавателей и научных сотрудников.

Схемы, рисунки, фотографии и другие изобразительные материалы — в отдельных файлах.

Статья должна содержать:

– аннотацию объемом не менее 250 слов;
– 6–8 ключевых слов или словосочетаний (в словосочетании не должно быть более трех слов);
– сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, адрес электронной почты автора, ORCID;
– список литературы, т.е. перечень всех исследований, процитированных и упомянутых в статье, с указанием издательства и количества страниц.

Предлагаемую для публикации статью аспирантам и преподавателям исторического факультета МГУ нужно сопроводить выпиской из протокола заседания кафедры с рекомендацией ее к печати. Редакция организует для всех полученных ею статей двойное «слепое» рецензирование.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) — доктор исторических наук, академик РАО, профессор; **АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук; **БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич** (ответственный секретарь) — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДКИН Леонид Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ВАНЕЯН Степан Сергеевич** — доктор искусствоведения; **ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук, профессор; **ДЕВЯТОВ Сергей Викторович** — доктор исторических наук, профессор; **КАЗЬМИНА Ольга Евгеньевна** — доктор исторических наук; **КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович** — доктор исторических наук; **КАРЕВ Андрей Александрович** — доктор искусствоведения, профессор; **КАРПОВ Сергей Павлович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **КОЗЛОВА Наталия Вадимовна** — доктор исторических наук, профессор; **КОШЕЛЕВА Галина Владимировна** (редактор); **КОШМАН Лидия Васильевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник; **ЛИТВИНА Наталья Викторовна** — старший научный сотрудник; **МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор; **МИРОНЕНКО Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ОРЛОВ Степан Владимирович** — кандидат экономических наук; **ПИВОВАР Ефим Иосифович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **ПОДОСИНОВ Александр Васильевич** — доктор исторических наук; **РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна** — доктор филологических наук, профессор; **САПРЫКИН Сергей Юрьевич** — доктор исторических наук; **СЕДОВ Владимир Валентинович** — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; **СИМОНОВ Вениамин Владимирович** — доктор экономических наук, профессор; **СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна** — кандидат исторических наук; **ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна** — кандидат исторических наук

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации
Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 28.08.2024. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,0.
Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 100 экз. Изд. № 12649. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: http://msupress.com

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В,
стр. 1, Э/ПОМ/К 3/I/1. Тел.: (495) 859-48-62